

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5017218>

Золотой рассвет. Часть 3. Начало Эпохи

Направленность: Гет

Автор: [Имие Ла \(https://ficbook.net/authors/1832958\)](https://ficbook.net/authors/1832958)

Фэндом: Толкин Джон Р.Р. «Сильмариллион», Толкин Джон Р.Р. «Властелин колец», Васильева Наталья, Некрасова Наталия «Чёрная книга Арды», Толкин Джон Р.Р. «Арда и Средиземье», Толкин Дж. Р. Р. «Неоконченные сказания Нуменора и Средиземья» (кроссовер)

Пейринг или персонажи: Гил-Галад/Эрилиндэ, Элронд/Келебриан, Галадриэль/Келеборн, Исилдур/Фириэль, Исилдур/Аллуа, Келебримбор/Хейнит, Саурон/Зимрабет

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Ангст, Юмор, Флафф, Драма, Фэнтези, Экшн (action), Психология, Повседневность, Даркфик, Ужасы, Hurt/comfort, AU, Мифические существа, Эксперимент, ER (Established Relationship), Стёб, Антиутопия, Дружба, Пропущенная сцена

Предупреждения: ООС, Насилие, Нецензурная лексика, ОМП, ОЖП, Гуро, Беременность, Смерть второстепенного персонажа

Размер: планируется Макси, написано 190 страниц

Кол-во частей: 26

Статус: в процессе

Описание:

Война Последнего Союза закончилась полной победой сил Запада, которая, впрочем, досталась им очень дорогой ценой - многим уже никогда не суждено вернуться в родные дома. Исилдур, который даже не подозревает о том, какую опасность таит в себе Единое Кольцо, искренне думает, что навсегда избавил мир от Черного Властелина, а Элронд радуется обретенной власти и собирается в ближайшее время взять в жены дочь Келеборна Келебриан. С такими мыслями предводители сил Запада собираются в обратный путь...

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Осторожно: AU, ООС, полный неканон, в тексте присутствуют сцены насилия и запредельной жестокости. Образ Эру Илуватара не имеет ничего общего не только с каноном, но и вообще с какими-либо божествами из общеизвестных мировых религий. Всего планируется три части. Сюжетно текст связан с другими произведениями моего средиземского цикла, за исключением рассказа "Разбитые иллюзии".

Иллюстрации к тексту можно посмотреть здесь:

https://vk.com/album83548914_159235158

Старая незаконченная версия есть здесь:

http://samlib.ru/editors/l/laar_m/zr-3.shtml

ТОС

ТОС	2
1. Братья	3
2. Через века	11
3. Кровавая тризна	22
4. Просто повезло	28
5. Что, очень страшно?	32
6. Изощренный шантаж	40
7. Мечь, мечь, мечь!	47
Примечание к части	55
8. Скрытый враг	56
Примечание к части	61
9. Свет во тьме	62
10. ...и встретишь ты, когда не ждешь...	72
11. Чрезмерная инициатива наказуема	82
12. Жестокая жизнь	93
13. Враги среди нас	102
14. Возвращение	110
15. Пустота	117
16. Искра	125
17. Слово - не воробей	132
18. Восставший из мертвых	139
19. Неплохой сюрприз	145
20. Долгожданный гость	153
21. Забери мое сердце	160
22. Вдали от войны	167
23. Отличный план	176
24. Опыт	184
25. Начало года	191
26. Дезертир	198

1. Братья

*...а звезды падают с небес
В земную грязь.*

Иллет «Свет оплывающей свечи»

Гил-Галад совершенно не помнил, что происходило с ним дальше — кажется, от потери крови и сильного потрясения он снова лишился чувств на руках у Тъелпе. Когда он снова открыл глаза, то увидел, что лежит на кровати в какой-то небольшой комнате, погруженной в полумрак — лишь в углу горел одинокий светильник. За окном смеркалось, но эльф смог разглядеть в сгущающейся темноте очертания далеких равнин и гор. Поняв, что все обошлось и Келебримбор все-таки вытащил его с Ородруина, он осторожно огляделся. Раны были аккуратно перевязаны, озноба и сильной боли он не чувствовал, разве что кожа под повязками почему-то сильно горела, будто от ожога. Подняв руку, он посмотрел на забинтованные пальцы: к его удивлению, пятен на ткани не было, порезы больше не кровоточили. Интересно, куда делся Тъелпе?

Стараясь не делать резких движений, король Нолдор сел на кровати; она была застелена чистым льняным бельем, в ногах лежало стеганое покрывало — как он смог рассмотреть, темно-красного цвета. Рядом на накрытой салфеткой табуретке стоял стакан с водой. Гил-Галад мысленно поблагодарил брата за заботу, тот наверняка подумал о том, что его незадачливому родичу, когда он придет в себя, будет ужасно хотеться пить, и осторожно, стараясь не слишком сильно сгибать порезанные пальцы, взял стакан с табуретки. Осушив его до последней капли, какое-то время он так и оглядывался вокруг, не решаясь встать — чувствовал он себя в общем-то сносно, но не знал, можно ли ему ходить и куда он вообще попал, вдруг тут кругом враги, мечтающие его прикончить. Однако в какое-то мгновение дверь наконец скрипнула, и в комнату вошел какой-то человек или эльф, закутанный в длинный темный плащ с капюшоном.

— Ну что, Звездочка моя ясная, придурок ты недоделанный? — недовольно сказала черная тень голосом его брата, которого, как думалось Гил-Галаду, судьба разлучила с ним навсегда. — Доигрался? Говорили ж тебе все — не связывайся с Элрондом! Радуйся, что жив остался!

— И это ты вместо того, чтобы пожалеть любимого младшего братика, который чудом спасся от смерти, и спросить, как он себя чувствует? — вдруг спросил кто-то еще; незнакомец говорил на Синдарине, но с заметным шипяще-свистящим акцентом. — Кэл, охренеть с тебя, его чуть Элронд не убил, а ты тут собственному брату такое выдаешь. Не стыдно, а?

Гил-Галад повернул голову и узнал в вошедшем того самого могучего орка, который в свое время чуть не убил его в Гаванях — память на лица у него была хорошая. Ну вот, надо ж так вляпаться, остается надеяться, что он его не помнит.

Келебримбор сел рядом с братом на кровать.

— Не стыдно, потому что надо думать головой, а не жопой, и вообще я вчера очень за

него испугался, — строго ответил он. — Ему все говорили, чтоб не связывался со сволочью. Он же себе это дерьмо в герольды подцепил, а я оказался вынужден его спасать. Если бы мы с Маэглином и Хонахт не спугнули Элронда, он бы убил моего неумного брата. Все ж предупреждали, кому не лень, и я, и Маэдрос с Маглором, и Саурон, и кто там еще, чего было надо?

— Кэл, да хорош тебе, прекрати, оставь его в покое! — возмутился орк. — Лучше б поинтересовался его самочувствием, а не отчитывал! Я думаю, он и так уже понял без твоих нравоучений, что Элронд за дерьмо, а так — у людей на рыле не написано, что они гады, пока до дела не дойдет, так не поймешь, и любой может вляпаться. Эй, как там тебя — Эрейнион, да? — ты ничего, в порядке?

Гил-Галад неуверенно кивнул.

— Вроде бы да...

— Да чего ты переживаешь, раны все несерьезные, вон он — уже сидеть может, — пожал плечами его брат. — Знаешь, Дургхаш, ты его не защищай, пусть учится думать головой. На роже ни у кого действительно не написано, что он негодяй, но одно дело, если б тебя никто не предупреждал. Ему все говорили, чтоб не связывался с этим уродом. Говорили? Да, и много раз. То, что Эрейнион не разбирается в людях, причем совершенно — это еще полбеды. А вот то, что он не желает никого слушать...

— Ты это... не обращай внимания и не обижайся, — успокоил Гил-Галада Дургхаш. — Он просто очень тебя любит и за тебя боится. Пока война шла, Кэл нам все мозги проконопатил тем, что Элронд непременно тебя убьет.

Келебримбор поправил капюшон на голове.

— Чем ты думал, упрямец? — продолжал он, с трудом сдерживаясь, чтоб не выругаться. — Веселее всего будет, если этот злобный гад теперь воспользуется безумием Исилдура да прирежет беднягу спящим, тем более что у того теперь совсем мозги не на месте и он случай чего даже защитит себя толком не сумеет! На кого вы с Элендилом его оставили — мразине этой на растерзание?

— Тъелпе, — попросил Гил-Галад, — открой лицо, сними наконец эту черную тряпку. Элронд тебя сильно покалечил?

— Сильно. Не сниму. У меня теперь такая рожа, что даже троллям плохо делается. Лучше запомни меня таким, как в юности.

Король Нолдор ничего не ответил, разглядывая мерцающий огонек светильника. Он не злился на Келебримбора за его нотации, потому что тоже понимал, что Тъелпе пытается таким образом скрыть свой страх за брата и выплеснуть накопившуюся злость. Осознавал он и то, что Келебримбор во всем прав, но что теперь с этим делать и как изменить уже случившееся? Увы, время вспять не повернешь... Кроме этого, он чувствовал жгучий стыд за то, что возводил напраслину на Саурона, который, получается, и в самом деле спас Тъелпе жизнь.

— Где Эрилиндэ? — наконец решился спросить он. — Что с ней? Она жива?

Келебримбор рассмеялся.

— А что с ней делается, жива-здорова. Думаю, братишка, тебя очень обрадует новость о том, что у вас скоро наследник появится?

Гил-Галад побледнел и вжался спиной в подушку.

— Ч... что?

— Что слышал! — продолжал веселиться его брат. — Или ты, дожив до трех с лишним тысяч лет, до сих пор не знаешь, как и почему рождаются дети?

— Мне Элендил говорил, — срывающимся голосом пролепетал король Нолдор, — что они вообще-то только по желанию родителей на свет появляются...

Келебримбор схватился за голову, после чего долго и от души хохотал. Дургхаш снисходительно улыбался.

— И после этого ты мне говоришь, чтобы я его не отчитывал, — наконец проговорил Тъелпе, закончив смеяться. — Чувствуешь, какой ход мыслей? Слушай, братишка, а твои друзья-Верные вообще трахаются или Элендил нашел Исилдура с Анарионом в огороде на капустной грядке?

Гил-Галад опустил глаза. Воспоминание о погибшем друге больно кольнуло его сердце — он с трудом сдержался, чтобы не разрыдаться.

— Какой позор, — наконец проговорил он. — И ведь все наверняка уже знают... Меня еще Элендил случайно с Эрилиндэ застал, так я потом чуть со стыда не сгорел.

— Ага, и над тобой, дураком, от души поржали, — Келебримбор протянул руку и бережно погладил его по голове. — Это Эрилиндэ твоя сдуру с Маэглином поделилась, а он всему гарнизону про вас и растрепал. Ладно, прости, тебе и так здорово досталось, просто я действительно очень испугался. Позволь, кстати, представить тебе моего родича и друга — это Дургхаш, старший брат моей жены и один из наших военачальников.

Бедный король Нолдор на мгновение потерял дар речи и хотел было поначалу спросить Тъелпе, в самом ли деле он взял в жены орчанку и что у него за более чем странный вкус, но решил, что это будет крайне невежливо, да к тому же не стоит нарываться на неприятности — брат его, конечно, любит и случай чего в обиду не даст, однако он все же не у себя дома. Вместо этого он с натянутой улыбкой пробормотал, что рад познакомиться, а потом поинтересовался у Келебримбора, что это за место.

— Город Нуут-Улима, — объяснил тот. — Находится за пределами Мордора. Его нет на ваших картах. Вернее, сам город чуть в стороне, а здесь крепость, она стоит на отроге

горы и отсюда хорошо видно все окрестности.

— Может, все же снимешь капюшон? — снова попросил Гил-Галад. — Дай хоть посмотреть на тебя, мы же столько лет не виделись.

— Я сказал — не надо, — непререкаемым тоном ответил Келебримбор. — Seriously же говорю, испугаешься. Твой гребаный герольд меня так отделал, что моей рожи теперь народ боится, а ведь когда-то я покрасивее тебя был.

— Поначалу, когда мы с Властелином нашли Кэла, все было еще страшнее, — вставил Дургхаш. — Ему скотина Элронд сжег лицо до костей, хорошо, что глаза целы. Если бы не целительское мастерство харт-ан Гортхара, он бы умер.

— Рожа у меня кошмарная, но это не такая уж беда, — беззаботно сказал Тъелпе.
— Главное, что Хейнит меня все равно любит.

Гил-Галад какое-то время молчал, переводя взгляд то на брата, то на Дургхаша. Этот орк, получается, совсем его не помнит... наверное. Ну ладно, оно и к лучшему. Однако у него было столько вопросов... Почему Келебримбор так долго не подавал о себе никаких вестей? Впрочем, тут ответ ясен — он действительно не поверил бы ни ему, ни Саурону, как не поверил в свое время Маэдросу и Маглору. Теперь он прекрасно понимал и то, почему брат не позвал его на собственную свадьбу. Что стало с его дочерью? Кажется, он еще упоминал Маэглина, неужели тот жив? Но вот Элронд... за что он с ними так, ведь они с Тъелпе не сделали ему ничего дурного и ничем его не обидели!

— У тебя, как я слышал, вроде бы еще и дочка есть? — осторожно поинтересовался он.

— Да, братишка, давно мы с тобой не виделись, — усмехнулся Келебримбор. — У меня уже четыре дочки. Сыновей вот нет, да по местным обычаям оно и лучше считается, когда дочка.

— У нас женщин мало, — пояснил Дургхаш и подошел чуть ближе. — Кэл, вот как ты с собственным братом обращаешься? Бедняга только в себя пришел, а уже успел выслушать кучу насмешек и наставлений. Ты вообще как чувствуешь-то себя, — обратился он к Гил-Галаду, — может, есть или пить хочешь? Давай мы лучше пока уйдем, тебе бы поспать сейчас хоть немного.

— Со мной все хорошо, — возразил тот, — а попить мне Тъелпе тут оставил. Вообще-то он прав, мне сейчас очень стыдно из-за того, что все так вышло.

— Ага, — слегка возмущенно хмыкнул орк, — ну прямо очень хорошо, не верю. То-то тебя вчера Кэл чуть живого притащил. И чего ты тут стыдиться-то собрался? Ты, в отличие от Элронда, вроде всем встречным не гадил и меч в спину не втыкал.

Злосчастный предводитель Союза попытался поудобнее устроиться на кровати: вроде бы это удалось ему без особых затруднений. Интересно, чем и как его лечили, что из ран больше не сочится кровь, хотя еще и пары дней не прошло?

— Мне очень стыдно, потому что я, во-первых, вместо того, чтобы слушать собственного брата... вернее, даже братьев, Элеммакил мне тоже говорил про Элронда... я пренебрег всеми вашими советами и доверился этому предателю, — строго сказал он и посмотрел на Келебримбора, который по-прежнему прятал изуродованное лицо под капюшоном. — Во-вторых, я не имел никакого права бесчестить Эрилиндэ. Надо было заручиться согласием ее семьи, заключить помолвку, прислать брачные дары, сыграть свадьбу, а потом уже все остальное, теперь же нам обоим придется начинать семейную жизнь с жуткого позора. В-третьих, я, не зная правды о том, что с тобой случилось, и не удосужившись проверить, как все было на самом деле, по сути оболгал невиновного, когда утверждал, что с тобой разделался якобы Саурон. И если перед Эрилиндэ и ее семьей я еще могу извиниться и постараться поскорее все прикрыть, пока люди не стали в нее пальцем тыкать и говорить, что у невесты живот в брачный наряд не влезает, да и перед Элеммакилом и нашими родичами тоже, то у твоего друга теперь прощения уже не попросишь, а я на него, получается, долгие годы напраслину возводил.

Келебримбор и Дургхаш переглянулись и рассмеялись.

— Кажется, мой братишка слишком много времени проводил со своими долбанутыми друзьями-Верными, иначе откуда такие речи, — хихикнул Тъелпе. — Бесчестить, согласие семьи, жуткий позор! Это у них детей находят в капусте, женятся только с согласия родителей и знакомятся на собственной свадьбе, а если ты переспал с женщиной до церемонии и потом еще не вывесил простыню в доказательство всему городу на обозрение, это ужас-кошмар-срамота.

— А что у вас делают, если хотят взять кого-то в жены? — Гил-Галад по-прежнему думал, что сделал что-то очень нехорошее. Орк, глядя на него, давился от смеха.

— Успокойся! — прикрикнул на него Келебримбор. — Если бы ты поменьше слушал ту ахиною, которую несут твои нуменорские приятели, то тебе, может быть, пришло бы в голову, что даже по вашим западным обычаям у вас с ней уже унат! Кроме того, я обрадую тебя тем, что у Эрилиндэ нет родных, она круглая сирота, так что извиняться ни перед кем не придется и ее старшие братья точно не придут бить тебе морду. А еще мы тут не Верные, и даже если кому-то вздумается родить хоть десяток внебрачных детей, никто в него пальцем тыкать и вопить о бесчестье не станет. Эрилиндэ твоя к тому же сама этого хотела, с поцелуями к тебе липла и на шею вешалась, ты ж ее силой не брал, все это знают, так что в чем же беда? Уж коли тебя сильно беспокоит, что все вышло не как положено — так возьмите и сыграйте свадьбу, и дело с концом!

— И поменьше общайся с нуменорцами, они тупые и мерзкие, что Верные, что Черные, я их очень не люблю, причем за дело, — посоветовал Дургхаш.

Гил-Галаду было обидно, и он хотел было возразить приятелю брата, что нуменорцы вовсе не такие нехорошие люди, как он думает, но решил тему все же не развивать.

— Тъелпе, — сказал он вместо этого, — я не понимаю одного. Почему Элронд так с нами обоими поступил? Что мы ему сделали? Ведь мы же ему не враги, зла никакого не причиняли. Я ведь...

— Наивный ты мой, — перебил его Келебримбор. — Вот за что судьба покарала меня таким пустоголовым братом, в кого ты такой? В дядюшку Финьо безмозглого? Оно и видно. Пора б уже понять, что никому не нужен повод, чтобы обойтись с тобой самым что ни на есть наимерзейшим образом. Говоря точнее, повод можно выдумать любой — тебе твои Верные друзья про долбанутого Ар-Фаразона не рассказывали, что за бред тот порол и какие предлоги изобретал, чтобы отправить очередную жертву в темницу или на костер? В голове ничего не зашевелилось, а? Элронд тебе просто завидовал, да и мне тоже! Я прославленный мастер, ты король, чего еще надо? Теперь все ясно? Вовсе не надо причинять другому зло, чтобы он с тобой потом обошелся по-свински!

— Я так понял, — тихо проговорил Гил-Галад, — что он ненавидел род твоего деда из-за того, что случилось в Гаванях...

Его брат снова схватился за голову в явном отчаянии.

— Да-да, ищи оправдания для всякой мерзости и дури. Маэдрос с Маглором ему насолили, а я, видимо, виноват в том, что племянником им прихожусь. Вот только Элрос почему-то жил себе тихо-спокойно и не мечтал никому отомстить.

— Я просто пытаюсь понять, почему и за что...

Дургхаш небрежно прислонился к стене.

— Попробуй все-таки, пойми, — сказал он, — будем называть вещи своими именами, Кэл меня просил при тебе особо грязно не ругаться, потому что ты у нас нежное создание и дружишь с вернейшими из Верных, но я, пожалуй, обещание не сдержу, иначе до тебя так и не допрет. Ты все пытаешься искать в произошедшем свою вину и какую-то причину, по которой с тобой так поступили, в обстоятельствах копаешься: может, я его чем-то обидел, может, он из-за этого нам мстил, может, из-за того. Запомни: твой герольд Элронд — злобный завистливый мудака и мразь. Ты не первая и не последняя его жертва. Боюсь, Кэл прав и теперь этот уебок прирежет твоего дружка Исилдура, чтоб не оставлять в живых свидетеля своего преступления и чтоб он вдруг не сболтнул людям о том, как преданный герольд грохнул своего короля. Такому дерьму не нужен повод, чтоб пакостить всем и вся, они это делают в силу своей поганой натуры.

Беззаботная уверенность, с которой Гил-Галад шел на войну и руководил всеми приготовлениями, теперь сменилась почти паническим страхом. Обессиленный и напуганный, он не знал, что теперь делать и как быть. Исилдур там сейчас совершенно один рядом с этим чудовищем, которому он не так давно всецело доверял. Эльфу казалось, что все, произошедшее с ним — нелепость, случайность, странное стечение обстоятельств... хотя почему странное, ведь Келебримбор и Элеммакил действительно предупреждали его о том, что не стоит доверять Элронду!

— Исилдур действительно тронулся рассудком, а у него еще дети, — чуть слышно прошептал он. — Он же жену и младшего в Имладрисе оставил...

— Нда, — покачал головой Дургхаш. — Хуже ничего не придумаешь. Лучше бы твой дружок посадил свою бабу с ребенком в яму со змеями, там они были бы в большей

безопасности, чем в гостях у Элронда. У таких, как он, виноват порой оказывается даже не тот, кто обидел, а тот, кто рядом оказался. Ладно, пусть даже дядья твои на Гавани напали, так вы с Кэлом тут при чем? Равно как Финвэ Мелькору поднастрал — тот на Маэдресе отыгрался, Амандил с Элентиром лапали бабу Ар-Фаразона, так все Верные скопом огребли. Тебе не кажется, что ты в любом случае не должен отвечать за чужую вину? Еще раз тебе повторяю: мразь гадит всем потому, что она мразь. Ты тут ни при чем. Не ты, так другой, а ты просто не разобрался в этом типе. Короче, впредь просто будь внимательнее и советуйся с родичами, если их что-то смущает, так неспроста.

Слова Дургхаша и Тъелпе немного успокоили Гил-Галада — к счастью, с Эрилиндэ все было в порядке, но теперь он боялся уже за безумного Исилдура. Если бы он чуть раньше послушал братьев, если бы вовремя раскусил Элронда, сейчас несчастному королю дунэдайн не грозила бы смертельная опасность и все было бы совершенно иначе!

— Что мне делать? — угрюмо произнес он. — Я все испортил. Все, что мог. Получается, что я и друга своего предал. Элронд и в самом деле его прикончит, а я...

Король Нолдор по-прежнему сидел, неподвижно глядя в пространство. Келебримбор встал, прошелся по комнате.

— Слушай, братишка, я вижу, что ты на правильном пути, но не нужно так убиваться, что-то мы и впрямь сильно тебя напугали, — нарочито беззаботно произнес он. — Что-нибудь да придумаем, не думаю, что все так плохо.

— Я все испортил, все, — продолжал причитать его несчастный родич. — Ведь Саурон тебе помог, спас тебя от расправы, а я обвинял его в том, чего он не делал. Если бы я мог попросить у него прощения, но мертвые нас не слышат, и мне просто невыносимо стыдно из-за того, что я натворил.

— Э, братик, успокойся, — Келебримбор снова погладил его по голове. — Насчет напраслины и извинений перед моим другом — это дело поправимое. Был бы он мертв — вряд ли у меня бы тут было настроение над тобой смеяться.

— Он жив?! — удивленно воскликнул Гил-Галад. — О Эру, Элронд его не убил? Он же сказал...

— Человека без сознания очень легко принять за труп, в особенности если у тебя нет особых навыков в целительстве, — сердито ответил его брат. — Правда, какое-то время разговаривать с тобой он не будет, трудновато это, знаешь ли, с порезанным горлом. А если еще раз помянешь тут при мне Эру и Валар — не посмотрю, что мы с тобой друг другу не чужие и вообще ты раненый и несчастный, так по губам и врежу. Хочешь знать, из-за чего резня в Альквалондэ случилась? Думаешь, что из-за того, что Ольвэ такой жадный или в самом деле не мог новых корабликов наклепать? Ха, вранье. Для него эти корабли — как для меня колечки всякие, я таких в день штук по сорок настряпаю, да и эльф он вполне себе хороший. Манвэ его сыновей в заложники взял и сказал: не будешь в Нолдор стрелять и не попробуешь их остановить — скормлю их у тебя на глазах псам Оромэ, а тебя самого ждет участь Эллери Ахэ. Ну вот и вышло, как вышло.

Король Нолдор низко опустил голову в тяжелом раздумье. Получается, то, что говорили ему Маэдрос и Маглор во время их последней встречи — не просто страшная сказка или легенда, как он решил поначалу? Ведь Тъелпе сильно старше его, он был в Альквалондэ с отцом и помнит, как обстояло дело...

— Извини, пожалуйста. Я больше не буду...

— Вот и хорошо, что не будешь, — с досадой бросил Келебримбор. — Те еще твари, и уж поверь, вякнул бы ты против них хоть слово — потом испытал бы на своей шкуре такие истязания, что даже палачам Ар-Фаразона в страшном сне не снились. Я тебе потом одну историю расскажу...

— Про этих... Эльфов Тьмы? — с грустью спросил его брат. — Мне уже Маэдрос и Маглор рассказывали, а я им не поверил. Думал, сказки это.

— Не сказки, — жестко сказал Тъелпе. — А еще Манвэ не пощадил родного сына, собственный дом превратил для него в тюрьму, а посмел бедолага против родителя своего пойти — так тот его убить приказал. Этого, я думаю, достаточно, чтоб я упоминаний Валар в своем присутствии кроме как в ругательном ключе больше не слышал?

— Я же пообещал, я больше не буду, — покорно-обиженным тоном, запинаясь, проговорил Гил-Галад. Уж слишком страшной оказалась правда, с которой он теперь столкнулся лицом к лицу. — Ты говорил про Маэглина. Он здесь, с тобой? Я думал, он погиб в Гондолине.

— Здесь, — Келебримбор хотел было снять-таки капюшон, но сдержался — незачем так пугать и без того натерпевшегося страху брата. — Чуть позже я тебя с ним познакомлю.

2. Через века

Шел конец ноября. День выдался унылым и серым, с раннего утра накрапывал мерзкий мелкий дождь, небо было затянуто плотной пеленой облаков, дул прохладный ветер. Амарту не хотелось вставать с кровати — в его бедной комнатенке тоже было темно и холодно. Вчера вечером он разводил в очаге огонь, чтобы приготовить себе ужин и вскипятить чай, однако за ночь помещение успело выхолодиться — ведь муж и сын хозяйки дома, в котором юноша снимал комнату, ушли на войну, и некому было заделывать щели в стенах и проемах, менять и красить двери и рамы. Наконец, собравшись с духом, он вылез из-под колючего шерстяного одеяла, натянул одежду и, зябко переступая босыми ногами по дощатому полу, подошел к ведру с водой и умылся. Наскоро позавтракав хлебом с сыром и запив еду вчерашним остывшим чаем, который уже успел подернуться тонкой коричневатой пленкой, он надел сапоги, набросил теплый плащ и, перекинувшись парой слов с хозяйкой, которая на чем свет стоит ругала плохую погоду, вышел из дома — дела не ждали.

Амарт зарабатывал себе на жизнь тем, что помогал Эруану, богатому торговцу-полукровке, который был уже сильно немолодым человеком и часто жаловался на больные суставы, разносить товары на дом; такое положение дел устраивало многих состоятельных жителей Осгилиата, потому что кто-то был очень занят по хозяйству, и ему было некогда бегать в лавку или на рынок, а кому-то просто не хотелось покидать теплый дом в холодные дни, и он заранее договаривался с торговцем о том, что ему принести. Однако наряду с основной работой у юноши было и другое занятие: по просьбе богатых гондорцев он доставал у торговцев из Харада и Кханда редкие дорогие книги, многие из которых были весьма сомнительного содержания.

Юноша не был коренным жителем здешних мест или потомком беглецов из Элэнны, хотя по крови тоже считался нуменорцем; он родился в большом селении на юге Белфаласа и провел там первые шестнадцать лет своей жизни. Потом, когда его родители умерли от горячки, Амарт продал дом какому-то зажиточному землепашцу и уехал в Осгилиат. Поначалу покупатель, несмотря на сложные семейные обстоятельства — он недавно женил своего старшего сына, у того родились близнецы, и теперь его жилье было слишком тесным для большой семьи — не хотел расставаться с деньгами, потому что побаивался связываться со странным пареньком. Дело было в том, что на родителей Амарта и его самого односельчане поглядывали с явным неодобрением, а то и с опаской, потому что те всегда одевались только в черное, соседей своих не сторонились и были с ними вполне приветливы и любезны, но и заводить близкую дружбу тоже не торопились, а по вечерам, сидя в своем доме, все читали какие-то непонятные книги. Однако в итоге крестьянин согласился приобрести у юноши его жилье за бесценок; тот, получив деньги, покинул родные края, снял на окраине Осгилиата комнату у местного гончара, для которого пара серебряных монет в месяц была отнюдь не лишней, и занялся своими делами.

Работа помогала Амарту скрывать ото всех свою тайну, потому что люди недаром косо смотрели на его отца и мать. Он был не просто помощником лавочника или пареньком-книготорговцем; никто и не догадывался о том, что уже многие поколения его предков свято хранят память о Тано Мелькоре, добром, справедливом и мудром владыке, чей старший сын и ученик Ортхэннэр сейчас вступил в неравный бой с силами Запада. Когда-

нибудь, если ему удастся встретить одну из потомков уцелевших воинов и служителей Аст Ахэ, он передаст эти знания, которые его семья пронесла через века, своим детям, а если не удастся — память умрет вместе с ним.

Имя Амарт он получил в честь одного героя полузабытых древних легенд — как гласили сказания, так звали одного из Нолдор-отступников, сражавшегося на стороне Мелькора и сложившего голову в Войне Гнева. Когда он появился на свет, деревенская повитуха спросила у его матери, как она хочет назвать первенца, но, услышав ответ, не одобрила ее выбор.

— Что за странное имя? — пробурчала старушка. — Ты б, дочка, что-нибудь более обычное выбрала, назови вон сына Инглором, как соседка Арьянтэ, или Хурином, как сестра ее.

— Я так хочу, — возразила молодая мать. — Родича моего дальнего так звали.

— Уж поверь — чует мое сердце, не принесет оно ему удачи! — ворчала повитуха.
— Родич-то твой, поди, не своей смертью помер? О, вижу — угадала я, то-то ты испугалась! Ты подумай над моими словами, нельзя ребенка в честь убитого или рано умершего называть, навлечешь беду на мальчишку!

— Нет, — настояла на своем та. — Он Амарт.

— Ну, как хочешь, — пожилой женщине осталось лишь развести руками. — Твой сын, твое дело.

Обычно днем на широких улицах Осгилиата не смолкал шум, слышались смех, крики торговцев, разговоры, но сейчас в городе царила ставшая уже привычной за семь лет войны тишина — почти все способные держать оружие мужчины были на войне в Мордоре. Дойдя до главной площади, где у фонтана ему встретились лишь несколько женщин с подростками уже детьми, юноша свернул в переулок и направился в лавку; там он взял у Эруана товары, внимательно выслушал, что, кому и куда нужно отнести, и, не теряя зря времени, пошел исполнять поручения.

Когда он выходил из лавки Эруана с корзиной, полной всякой всячины, то столкнулся в дверях с двумя покупателями — это были Ангрим и его жена Риан, давние знакомые Эруана, жившие в соседнем доме. Амарт вежливо поздоровался с ними, те ответили на приветствие, однако проводили юношу донельзя неприязненными взглядами. Супруги приехали в Осгилиат из Нуменора вместе с Исилдуром, но в армию главу семьи не взяли, пусть тот и просился, настаивая, что все равно сможет сражаться: в ранней юности обоим довелось побывать в застенках Ар-Фаразона, из которых несчастные выбрались покалеченными телом и душой.

— Здравствуй, Эруан, — поприветствовал лавочника Ангрим. — Как твои дела, как торговля?

— Спасибо, вполне хорошо, — улыбнулся тот. — Все прекрасно, кабы не погода — у меня в такую хмарь все кости ноют. А вы как?

— Тоже неплохо, — ответил его гость. — Зашли вот к тебе, хотим чего-нибудь вкусенького к ужину купить да жене моей нитки и ткань нужны, обещала она мне к празднику рубашку вышить. Я вот что спросить хотел: что это за странный паренек? Я его уже не первый раз в твоей лавке вижу, и, честно говоря, не нравится он мне. Кто он такой?

— Мне тоже, — хмуро вставила его жена.

— А что случилось? — беспечно произнес удивленный Эруан. — Чего в нем такого особенного? Рассыльный это мой, вроде парень как парень, вполне хороший, Амартom зовут. Ни в чем дурном не замечен, вина не пьет, не ворует, не опаздывает, грязными словами не ругается, девушек не лапает, я ему даже проверку поначалу устраивал — оставлял деньги, ключи от кладовой, еду на видном месте, ничего не взял.

— А ты не замечал, Эруан, что он все время в черном ходит? — вопросительно посмотрела на лавочника Риан. — Мне это вот в глаза бросилось, тут мой муж прав, странно все это.

— Прямо как эти... в Нуменоре, — Ангрим стиснул зубы, чувствуя, как после встречи с Амартom страшные воспоминания нахлынули с новой силой. — Думаешь, я хромым калекой остался, потому что в детстве с забора или с лошади упал? Мой двоюродный дядя в свое время продал дом и отдал все свои богатства, чтобы вытащить нас с Риан из темницы, и ему еще очень повезло, что он нарвался на жадного морадана, который польстился на все эти сокровища и согласился нас отпустить, а начальству своему наврал, что якобы замучил нас до смерти. Мы потом у чужих людей из милости ютились и боялись нос на улицу высунуть. В жизни не забуду этих тварей. Просился я с королем на войну, да отказали мне — жаль, а то убил бы хоть одного в отместку за то, что они с нами делали!

Эруан сочувственно покачал головой. У него были свои счета к морэдайн, потому что на свет он появился отнюдь не в счастливом законном браке и даже не просто как результат слепой взаимной страсти харадки и нуменорца: один из ублюдков-арузани надругался над его матерью, когда той было всего девятнадцать лет, тем самым перечеркнув все мечты юной девушки о любви и семейном счастье. К сыну она, впрочем, относилась вполне хорошо, понимая, что мальчик не виноват в том, как появился на свет, и не отвечает за злодеяние своего родителя, но еще в раннем детстве он мечтал о том, чтобы его папаша сдох самой страшной смертью, какую только можно себе вообразить; с огромным наслаждением Эруан прикончил бы мерзавца собственноручно за то, что тот обошелся с его мамой, как с вещью! Ангрима и Риан он знал уже очень давно и, конечно, замечал, что у них нет детей и его сосед очень сильно хромает, но как человек воспитанный не стал задавать вопросы — мало ли что. Однако он даже и представить себе не мог, что это дело рук морэдайн. И вот теперь их слова по поводу Амарта... да, эти черные одежды выглядят и в самом деле подозрительно, неужели этот честный и вежливый паренек и впрямь один из прислужников Врага?

— Так-так, — протянул он. — Вы меня пугаете. Я раньше даже и внимания не обращал на то, что мальчик этот все время в черном ходит...

— И имя у него странное, — добавила Риан.

— Лучше бы он, право слово, пил, сквернословил и воровал у тебя со стола яблоки! — с досадой и возмущением поддержал ее муж. — Те, что нас пытали, тоже были все из себя очень чистенькие и хорошего воспитания, грязными словами не ругались, когда ломали мне кости!

Его жена закрыла лицо руками и зарыдала в голос. Эруан почувствовал себя неловко.

— Простите, я не хотел...

— Да кто бы хотел, вон как эта гадина умело спряталась, — зло прошипел Ангрим. — И где, в столице Гондора! Был бы король здесь, я б уж не поленился, дошел бы до дворца да рассказал страже, кто у нас здесь живет, пусть с ним власть имущие разбираются!

— Я завтра же его рассчитаю, пусть идет куда хочет, — на бедном лавочнике не было лица; дрожащими руками он вытащил из деревянного ящика мотки разноцветных ниток для Риан. — Надо же так вляпаться. А я думал, он по родителям покойным траур носит... но, в самом деле, не восемь же лет!

Ангриму тем временем удалось как-то успокоить свою несчастную супругу, и теперь она, достав из кармана передника платок, вытирала слезы.

— Не надо, Эруан, — ответил он. — Ты уж лучше веди себя как обычно, не подавай виду, будто мы что-то заподозрили. Лучше понаблюдай за этим пареньком повнимательнее, вызови его как бы случайно на откровенный разговор, может, что сболтнет, а то вдруг мы зря тут кипятимся и он ни в чем не виноват, просто и в самом деле по родителям траур слишком долго носит, любил их очень сильно. Пусть пока работает, как работал. Надо дожждаться, пока король с войсками в столицу вернется, к тому времени что-то да узнаем, к племяннику-то его бесполезно обращаться, тому все равно, и вмешиваться он не станет. Не надо ничего предпринимать, а то вдруг он поймет что да тайком своих на помощь позовет, и пиши пропало. Сейчас ведь в городе стражи мало, все боеспособные мужчины на войне, это я, калека, здесь отсиживаюсь, пока все с Врагом сражаются. Но ничего, от меня тоже есть польза. Если этот Амарт и впрямь из арузани — надеюсь, что мало ему не покажется. Хотя тогда странно, что он к тебе на работу нанялся, морэдайн же принципиально не работают, тем более не занимаются чем-то трудным и грязным. Даже торговать в их понимании — и то дело жалких «низших», я уж не говорю о том, чтобы товары разносить или там пол в лавке мести.

Лавочник пожал плечами.

— Пол подметать или порядок наводить я его иной раз прошу, он никогда не отказывается.

— Может, тогда мы и в самом деле ошибаемся? — засомневалась Риан. — И никакой он не морадан вовсе...

— Может, и так, — согласился с ней муж. — Но лучше перебдеть, чем недобдеть, а то вражий прислужник по приказу своего повелителя и в самом деле пол мести или ящики таскать согласится, чтоб внимания к себе не привлекать. Если он действительно ни в чем дурном не замешан — так никто его и не тронет.

Ангрим собрался уходить, но вдруг остановился.

— Где он, кстати, живет?

Эруан задумался.

— Если мне не изменяет память, то, кажется, говорил, что снимает комнату или угол у Лалайт, жены гончара Асгона.

— Она к тебе за покупками часом не заглядывает?

— А то как же, заглядывает. На прошлой вон неделе за солью приходила.

— Как в следующий раз придет, — посоветовал ему Ангрим, — ты ее попроси тоже незаметно к пареньку этому присмотреться. Кто к нему приходит, о чем с ним разговаривает, что он в своей комнате делает, ну и всякое такое.

Риан снова всхлипнула и вытерла слезу кончиком платка.

*Вот как все бывает — лихорадка,
злость, ощущение беспомощности,
которое делает хороших людей
жестокими.*

Из трейлера к фильму «Бэтмен против Супермена»

Вечером того дня Риан и ее муж, как и все обычные супружеские пары, поужинали, помыли посуду, поговорили обо всяких насущных делах и легли спать, но в разных постелях. Они любили друг друга с ранней юности, но никогда не жили как муж и жена: зверства безумных морэдайн навсегда закрыли им дорогу к личному счастью и разбили в прах надежды на то, чтобы когда-нибудь иметь обычную семью и детей. С одной стороны, им хотелось этого, с другой — оба были не в силах перешагнуть через себя и дотронуться друг до друга, понимая, что между ними всегда будет стоять призрак кровожадного Миналбэля, пусть Исилдур и прикончил злобного морадана больше ста лет назад.

Когда все это произошло, Ангрим был еще совсем юным — ему не исполнилось и тридцати, вряд ли он был старше этого Амарта. Он знал о грозящих Верным опасностях, но старался об этом не задумываться и не боялся, что нечто подобное может произойти с ним самим и его семьей: молодость беспечна, а будешь забивать себе голову тревогой за будущее — так жить перестанешь. Мысли его в основном занимала Риан, которая жила с

ним на одной улице; как-то раз он обмолвился при отце, что девушка ему нравится, и тот, одобрительно улыбнувшись, через пару дней пригласил ее вместе с отцом и матерью к ним в гости. Тут Ангрим наконец-то смог заговорить с Риан и понял, что она понравилась ему еще больше; когда их родители поняли, что дети друг к другу равнодушны, то решили их поженить. Счастливые жених и невеста считали дни до свадьбы, после которой наконец-то смогут целыми днями быть вместе, но первая брачная ночь обернулась для юных супругов вместо радости сущим кошмаром. Люди не зря советовали отцу Ангрима не устраивать пышное торжество, чтобы не привлекать к себе внимания, но тот лишь отмахнулся — все-таки единственный сын женится, как не отметить такое событие! Морэдайн из Тайной Стражи во главе с небезызвестным Миналбэлем, решив испортить заклтым врагам праздник, ворвались к ним в дом и под предлогом того, что семья жениха якобы хранила у себя запрещенные книги, перебили на глазах у Ангрима и Риан всех их родичей, не пощадив даже детей, а самих молодоженов бросили в темницу.

Миналбэль требовал, чтобы арестованные сознались в несовершенных злодеяниях или, на худой конец, в укрывательстве преступников, но тем было нечего сказать. Тогда глава Тайной Стражи, взбешенный их упорным молчанием, хладнокровно надругался над юной женой Ангрима у него на глазах, глумливо смеясь над тем, что Верная тварь наверняка не касалась супруги до брака, а потом случилось самое страшное. Впоследствии, проклиная Миналбэля с его друзьями и этот черный день, Ангрим думал, что лучше бы родился уродом, знай он раньше, что с ним приключится — порезал бы себе лицо ножом, чтобы на него уж точно никто бы не позарился. Конечно, тогда на него не посмотрела бы и его любимая Риан, но уж лучше бы было так и ничего этого не произошло бы. Когда-то он радовался своей молодости, красоте, тому, что на него смотрят девушки... пока Миналбэль не отдал хорошенького Верного на потеху своим прислужникам.

После сегодняшней беседы с Эруаном Ангрим не мог заснуть и лежал, таращась в потолок: встреча со странным юношей в черном вновь пробудила к жизни жуткие воспоминания о прошлом. Его несчастная Риан, которая захлебывалась слезами и молила о пощаде, а он не мог ничем ей помочь — двое морэдайн крепко держали закованного в цепи узника, не давая ему отвернуться. Миналбэлю пришлось с ней повозиться — Риан была девушкой не робкого десятка и сопротивлялась, хотя глава Тайной Стражи был намного сильнее, пыталась вцепиться мерзавцу ногтями в глаза и даже ударила его коленом в пах, но все ее отчаянные попытки отстоять свою честь только разозлили морадана. Риан рыдала в голос от боли, унижения и безысходности, и слезы на ее разбитом лице мешались с кровью, сорванный брачный наряд, красотой которого восхищались все приглашенные, валялся на полу грязной тряпкой, а Ангрим мог только смотреть на то, как Миналбэль творит с его женой все, что подсказывает ему воображение. Он думал, что хуже уже быть не может, но жестоко ошибся.

— Не говори потом, что я не предлагал тебе во всем сознаться. Последний раз тебя спрашиваю: ты будешь говорить? Да или нет? — с издевкой спросил глава Тайной Стражи.

— Нет. Мне нечего сказать, — Верный не понимал, чего тот от него хочет, в то мгновение еще думая, что это просто какая-то ошибка, хотя морэдайн хотелось просто поиздеваться над очередными жертвами и удовлетворить свою извращенную тягу к истязаниям; а для того, чтобы угодить в темницу или на костер, было вовсе не обязательно открыто идти

против воли короля.

— Тебе же хуже. Начнем, — нагло хмыкнул прислужник Ар-Фаразона.

Миналбэль подошел к Ангриму и с силой ударил его кулаком в лицо. Несчастный не удержался на ногах и свалился на пол, чувствуя, как рот наполняется кровью из разбитых губ. Он не пытался сопротивляться или уклоняться, когда мучитель продолжил жестокое избиение — и бесполезно было, и оковы мешали, просто закрыл руками лицо, защищая его от ударов, и тихо вздрагивал от ужаса и боли. Морадан с наслаждением пинал беззащитную жертву коваными сапогами, в ярости не видя, куда попадает; пара ребер у несчастного пленника уже явно треснула, но Ангрим ни разу не застонал — молчал, стиснув зубы. Наконец Миналбэль, слегка подустав, грязно выругался и произнес:

— Ну что, будешь упорствовать?

— Я вам уже объяснил, мне нечего сказать. У нас в доме не было никаких книг, нас кто-то оклеветал, мы не нарушали приказ короля... — с трудом прошептал арестованный.

Миналбэль пнул его еще раз.

— На сутки в камеру.

— Не много ли? — засомневался кто-то его из подручных.

— Молчать! — рявкнул морадан. — Мало! Есть и пить не давать.

Двое гвардейцев подняли Ангрима с пола и потащили к выходу.

...Абсолютная темнота. Сырость. Связанный по рукам и ногам узник, раздетый донага, лежал на полу страшного подземного каземата. Со стен мерно капала вода, сильнейший холод пронизывал до костей, нечем было прикрыться, не во что закутаться, а из-за стягивавших все тело веревок даже нельзя было свернуться клубочком, чтобы хоть немного согреться. Два треснувших ребра невыносимо ныли, в ушах звенело, и Ангрим не помнил, долго ли так пролежал, мучаясь от дикой боли во всем теле и замерзнув до полусмерти, но в какой-то момент дверь распахнулась, и вошел Миналбэль в сопровождении четверых подручных.

— Ну что, не передумал, поганец? — глумливо захохотал он.

— Нет, — простонал Ангрим, пытаясь повернуться так, чтобы хоть как-то видеть вошедших.

— Ну ладно. Ты об этом пожалеешь. Знаешь, мальчик мой, ты очень симпатичный. Кожа у тебя просто шелковая, личико красивое, — начальник Тайной Стражи наклонился и с издевательской улыбкой провел ладонью по щеке своего пленника. — Ты понял, о чем я? Такие лапушки, как ты, иногда и собой торгуют. А я добрый, я решил позволить своим людям поразвлечься с тобой бесплатно.

Этого Ангрим уже не выдержал. Он понял, что морэдайн сорвали с него на допросе всю одежду не только для того, чтобы просто унижить и поиздеваться, зная о стыдливости Верных. По собственной наивности раньше он думал, что такое возможно только с девушками... оказалось, что нет.

— Пожалуйста, не надо! Пощадите меня! Убейте, изуродуйте, сделайте со мной что угодно, только не это! — взмолился он.

— Надо же, перестаешь упорствовать... Я знаю, как сломить таких, как ты. Давай, говори, кто еще из твоих друзей и соседей хранит у себя эльфийские книжки — и ты свободен! — самозабвенно вещал Миналбэль.

Ангрим побледнел. Он понял, что морадан хочет заставить его оговорить кого-то из знакомых, чтобы потом тоже бросить этих людей в темницу по ложному обвинению.

— Нет...

— Если ты не заговоришь, я дам им с тобой поразвлечься. Выбирай, — ухмыльнулся глава Тайной Стражи.

— Вы можете надругаться над моим телом, но вы не имеете власти над моей душой! Я не могу вам ничего сказать!

Миналбэль злобно усмехнулся.

— Как хочешь, эльфийская крыса. Я пойду, а вы тут развлекайтесь, господа, только до смерти его не залюбите.

Дверь за прислужником Ар-Фаразона с грохотом захлопнулась. Один из морэдайн, глядя на связанного юношу со сладострастной улыбкой, вставил факел в кольцо на стене и достал нож, чтобы разрезать веревки.

— Начнем, друзья мои.

Ангрим уже понял, что разжалобить Миналбэля по определению невозможно, но решил попробовать попросить его подручных не делать гнусностей.

— Послушайте, я вас очень прошу, если у вас сердце есть... Не надо, не делайте ничего со мной!

— Надо же, Верная тварь пощады запросила! Не бойся, тебе понравится. Или ваш дорогой Эру это запрещает?

— А вам никто этого не запрещает?

— Не знаем, ни король, ни его советник, ни Арун-Мулькэр нам ничего не говорили!

— расхохотался гвардеец. — Ну что, господа, кто желает этого красавчика первым? Не

забывайте, что бесплатно.

Измученный и избитый узник попытался оказать сопротивление, но силы были явно неравны — дело кончилось только еще двумя сломанными ребрами. После веселой ночи один из солдат, охранявших тюрьму, принялся упрашивать Миналбэля перевести его охранять другое место, поскольку едва не сошел с ума от криков и рыданий несчастной жертвы. Вряд ли хоть один человек в здравом рассудке мог вынести эти вопли боли и отчаяния, поэтому просьба стражника была вполне естественна... для обычного простого человека, который просто пришел на службу и выполнял свою работу.

Наутро несчастного юношу, которому не удалось поспать ни минутки и который едва держался на ногах после развлечений подручных Миналбэля, снова потащили в зал для допросов. Морадан по-прежнему сидел за столом с неизменной злобной усмешкой.

— Ну что, расслабился вчера и получил удовольствие? Так тебе и надо. Что теперь мне скажешь? — засмеялся он.

— Нет, — прошептал Ангрим пересохшими губами.

— Говори. Я же вижу — тебе плохо, — глава Тайной Стражи изобразил на лице притворное сочувствие. — И спать тебе хочется, и есть, и пить, да и болит все наверняка. Ничего из этого ты не получишь, если не расскажешь мне все, что знаешь. Ну?

— Нет. Лучше умереть.

— Надо ж, какой упорный! — с непритворным удивлением воскликнул Миналбэль.

— Слушай, парень, ты меня затрахал, я вообще-то намеревался вчера пойти и к хорошей девушке посвататься, а вместо этого оказался вынужден возиться с тобой, скотина! Что ж, мы с тобой еще что-нибудь сделаем. Посмотрим, как ты тогда запоешь. Тиски, господа. Тащите.

Лежа в ледяной камере с переломанными костями, Ангрим думал, что им с Риан пришел конец и теперь, если он не умрет от пыток, их обоих ждет мучительная смерть на костре, но двоюродный дядя юноши, единственный из его родичей, кому удалось остаться в живых благодаря счастливой случайности — в день свадьбы Ангрима он был болен и не пришел на праздник, решил на отчаянный шаг, чтобы спасти своего несчастного племянника и его жену. Будучи человеком относительно состоятельным, он продал все свое имущество и предложил морэдайн огромную взятку за жизнь и свободу Ангрима и Риан. Один из гвардейцев оказался то ли слишком жадным, то ли не в меру жалостливым и согласился поправить свое финансовое положение. Солгав Миналбэлю, что арестованные умерли от пыток, он отдал едва живых пленников их родичу.

Звать врача или даже знахарку было рискованно, и дядя Ангрима, которого приютили у себя какие-то случайные знакомые, выхаживал искалеченных родственников сам. Его племянник, лежа в жару и бреде, постоянно думал о том, жива ли Риан. К счастью, та не умерла, хоть жестокое надругательство не прошло бесследно. Бедная женщина клялась, что непременно, как только разрешится от бремени, утопит отродье Миналбэля в ведре с

водой или закопает живьем в огороде; люди смотрели на нее с сочувствием и не высказывали неодобрения — по всей Роменне тогда было много тех, у кого от рук морэдайн погибли друзья и родичи, кто стал жертвами изощренного насилия, пыток, избиений, а то и банальных грабежей, лишился жилья, имущества, стал глубоким калеккой... К счастью, делать этого Риан не пришлось — девочка, то ли почувствовав намерения своей матери, то ли просто не захотев жить в этом жестоком мире, родилась мертвой. В итоге Ангрим и его жена постепенно оправались после перенесенных страданий, пусть бывший пленник без помощи врача и остался хромым на всю жизнь, но с тех пор так и спали в разных постелях — одна мысль о близости с собственной женой повергала несчастного в ужас, собственное тело казалось ему изломанным, оскверненным, отвратительным, он боялся смотреть на себя в зеркало, да и Риан чувствовала себя не лучше. Покинув Эленну на корабле Исилдура, они думали, что опасность миновала и больше ни с кем из их народа никогда такого не случится, хотя забыть пережитое все равно не сумели. Сейчас окончательная победа над злом была близка, и люди радовались, что все позади, но неужели один из приверженцев Врага сумел проникнуть сюда, в Осгилиат? Что он здесь выведывает? И ведь кого морэдайн выбрали для грязной работы — совсем молоденького парнишку, у них с Риан, если бы они все-таки решились подарить жизнь ребенку, мог бы быть такой сын!

Поймав себя на этой мысли, Ангрим почувствовал досаду, злость и жажду мести. Нет, так нельзя, конечно, мальчишке, если он и в самом деле из этих, действительно задурили голову и он не понимает, какому страшному злу служит, но это не повод жалеть морадана, каким бы юным и симпатичным тот ни выглядел. Ведь в свое время никто не пожалел и не пощадил ни их с Риан, ни их близких!

Он повернулся на бок и закрыл глаза. Сон не шел, но надо было все же постараться заснуть, иначе наутро будешь чувствовать себя разбитым..., а потом выяснить, что за человек этот Амарт, и если он действительно носит траур по родным, то ему сильно повезло. А вот если это мораданское отродье... Ангрим никогда не был кровожадным, жестоким и мстительным человеком, даже к тому, что приходится рубить головы предназначенным в еду домашним животным, он относился как к досадной необходимости, но тут внезапно ощутил восторг и злорадство, представив себе, как юного морадана тащат со скованными руками в темницу через весь город или жгут живьем на костре. Придется взять все в свои руки и защитить себя и Риан, да и не только себя, потому что он не имеет права допустить, чтобы еще какие-нибудь несчастные пережили в застенках у морэдайн то же, что и они! Теперь они уже не беспомощные и бесправные подданные негодяя Ар-Фаразона, который мог бросить их в тюрьму или убить на основании того, что ему просто так захотелось. Если Эруан или Лалайт заметят что-то подозрительное, он тотчас же пойдет к королю и расскажет ему о юном морадане, а тот пусть уж сам решает, что делать с этим Амартом, благо ему как наследнику рода Элроса тоже есть за что поквитаться с арузани.

Раздав заказы покупателям и получив с них деньги, Амарт вернулся в лавку, передал всю выручку Эруану и помог тому навести порядок в погребке и вытереть пыль с полок и прилавка. Собираясь домой, он купил себе немного засахаренных фруктов к чаю, две толстых восковых свечи и несколько листов белой харадской бумаги.

— Дорого бумага-то стоит, — сокрушенно покачал головой торговец, когда юноша отсчитывал ему деньги. — Наверное, милой своей хочешь письмо написать? Думаю, она оценит. Когда я был молодым, то своей будущей жене тоже стихи под дверь подсовывал. Потом спустя много лет нашел у нее в комнате шкатулку с моими посланиями — так самому стыдно стало, что за чушь сочинял!

Лавочник рассмеялся. Амарт, напротив, смутился.

— Нет у меня пока что милой, — ответил он. — Я иногда стихи сочиняю... сказки...

— А что за стихи? — поинтересовался Эруан. — Может, покажешь?

Юноша опустил глаза и смутился еще больше.

— Да это тоже чушь... Просто так...

Попрощавшись с торговцем, он пошел домой; на улице было довольно холодно и уже смеркалось, и он, придя в свою комнату, сразу развел в очаге огонь и зажег свечу. Юноша не сразу снял уличную одежду — подождал, пока дома станет хоть немного теплее, а потом, повесив плащ на вбитый в стену гвоздь, принялся готовить ужин. Намазав сковороду куском сала, он развел муку водой, добавил немного соли и сделал себе несколько лепешек. Утолив голод, он вскипятил чайник, заварил свежий чай и сел за стол. Вчера он начал писать рассказ о любви менестреля Гэлрэна к прекрасной Элхэ и даже успел сочинить стихотворение, которое тот мог бы посвятить своей возлюбленной, но у него было слишком мало бумаги. Теперь он купил еще немного и решил продолжить свое повествование.

*Сердце мое — в ладонях твоих,
Вместо цветов ландыша — спелые ягоды,
Схожие с каплями крови,
Крови твоей, моя жизнь...*

Взяв с потемневшей от времени деревянной полки перо и чернильницу, он аккуратно, стараясь не посадить кляксу, вывел на листе новую строку.

«Гэлрэн огорчился, когда Элхэ не взяла его венка; разумом он понимал, что у него больше нет надежды на взаимность, но в душе еще надеялся на то, что когда-нибудь она все же ответит на его чувство. Однако сердце Элхэ было отдано другому, и сама она в тот миг еще не знала, что пронесет эту любовь и память обо всем случившемся через века и тысячелетия...»

Примечание к части Если что, персонаж этой главы не имеет никакого отношения к герою предыдущей, он просто его единомышленник.

3. Кровавая тризна

*Отзвенела струна, как шута бубенцы,
Скоро жалкий безумец навек замолчит,
Нынче крови сполна налагаются псы,
Только ветер поет да ворон кружит!*

Н. Васильева «Песня на пиру».

Сидя за накрытым по случаю тризны по убитым предводителям Союза столом, Исилдур изо всех сил пытался сообразить, где находится и что произошло, но у него никак не получалось восстановить в памяти последовательность событий — все было словно в тумане. Время от времени он ловил себя на мысли о том, что ему очень хочется достать вражье кольцо из футляра, который висел у него на цепочке поверх кольчуги, но останавливал себя усилием воли — не стоило делать этого прилюдно, к тому же драгоценность Саурана обладала странными свойствами. Касаясь его открытой ладонью без перчаток или надевая на палец, Исилдур чувствовал необъяснимую сильную боль, словно от серьезного ожога. Ощущения были такие, будто он сунул руку в костер, а то и хуже — в кипящее масло, расплавленный металл или лаву, но при этом никаких видимых повреждений на коже не возникало, и уже через несколько мгновений боль уходила, и он снова мог двигать пальцами, как обычно.

— Элендур, мне что-то нехорошо, наверное, после того, как я Врага мечом ударил, — обратился он наконец к старшему сыну. — Что случилось? Где мой отец?

Тот, видя, что его родитель явно не в себе, и в душе надеясь на то, что потрясение у несчастного все же скоро пройдет, терпеливо и осторожно объяснил Исилдuru, что Элендил и Гил-Галад пали в бою с Сауроном. Он с детства был очень привязан к своему деду и теперь с трудом сдерживался, чтобы не начать рыдать на людях, да и короля Нолдор ему было очень жаль.

Во время поминального пира новый верховный король дунэдайн не притронулся ни к еде, ни к питью, с совершенно безразличным видом он смотрел погасшим взглядом прямо перед собой в пространство. В какой-то момент Элендур не выдержал и начал украдкой вытирать слезы, а вот Элронд, казалось, не чувствовал ни малейшего огорчения по поводу смерти Элендила. Осушив полторы бутылки красного гондорского, он порядком захмелел и, недолго думая, выдал, будто очень рад тому обстоятельству, что этот зануда наконец сдох.

Элендур, услышав это, в гневе сжал кулаки. Исилдур с прежним подавленно-безразличным видом продолжал смотреть вдаль, сидя перед пустой тарелкой. Линдир, поняв, что его повелитель с пьяных глаз сболтнул лишнего и дело может кончиться дракой, поспешил вмешаться, чтобы хоть немного сгладить происходящее и разрядить обстановку.

— Пожалуйста, умерь свой гнев, благородный Элендур, — приторным голосом пропел он, — мы все понимаем, как тебе тяжело, и разделяем твою скорбь по деду, но не забывай о том, что в бою с Сауроном сложил голову и наш король Гил-Галад, которого мой владыка любил как брата. Ну ты же сам понимаешь — он просто хотел немного забыться, вот и выпил лишнего, чтобы малость отвлечься от своего горя, и сейчас даже не понимает, что говорит. Я уверен, что на самом деле он имел в виду нечто совершенно иное.

Элендур растерялся и сел на место: пусть у него, в отличие от отца, и не было откровенной дезориентации в пространстве и времени, но он тоже плохо понимал, что происходит. Трудно было не заметить, что Исилдур вернулся с Ородруина в совершенно невменяемом состоянии — несчастный даже не мог внятно рассказать сыну о произошедшем. Тот и раньше замечал, что его отец слегка тронулся, но тут король Гондора уже окончательно повредился рассудком и вел себя совершенно неадекватно. На все расспросы сына он коротко ответил, что Саурон убил в поединке сначала Гил-Галада, а потом Элендила, после этого им с Элрондом удалось-таки одолеть Врага, но затем на Огненной Горе появились прислужники Черного Властелина, и оставшимся в живых предводителям Союза не оставалось ничего, кроме как спастись бегством. Уже через пару часов после этого он не мог толком вспомнить, что случилось, и стал сам спрашивать Элендура, где его отец и Гил-Галад.

Вид у Исилдура был жуткий и жалкий — отнюдь не как у торжествующего победителя, который наконец добился желаемого и избавил мир от зла. Он смотрел остановившимся взглядом из-под спутанных растрепанных волос, которые выбились из всегда аккуратно заплетенной косы и закрывали ему половину лица, зрачки были так расширены, что глаза казались не серебряными, а черными. Вид у него был как у откровенно умалишенного человека, бедняга однозначно не понимал, где находится, и время от времени то задавал старшему сыну один и тот же вопрос — где он и что случилось, то касался рукой золотого футляра, что висел у него на груди. Элендур догадывался, что внутри него что-то лежит, но не отваживался спросить у отца, что же там такое — тот и без того не в себе.

Чем дольше продолжался поминальный пир, тем больше у Элендура усиливалось ощущение какой-то неестественности, если не сказать — откровенной нереальности происходящего. Согласно известным всем с молодых ногтей обычаям, самые близкие родичи и друзья покойных должны были рассказать об их заслугах и добрых делах, о том, чем они прославились при жизни и какими были, а другие гости — принести им свои соболезнования и выразить сочувствие, но вместо этого большая часть эльфов и дунэдайн сидела в полном молчании. На столе стояли разные блюда и напитки, но воины Запада попробовали их разве что приличия ради — настолько все были потрясены случившимся. Исилдур продолжал сидеть, безучастно глядя перед собой, единственным, кто не выказал никакой скорби, были Элронд и его лучшие друзья Глорфиндейл и Линдир, которые осушали кубок за кубком, словно находились не на тризне, а на празднике или свадьбе.

Элендур сидел как на иголках и никак не мог дождаться, когда этот кошмарный бесконечный вечер наконец закончится — будь его воля, он бы давно сбежал с поминального пира и тихо оплакал бы своего деда в одиночестве, спрятавшись от

посторонних глаз, но он даже не подозревал о том, что это было лишь началом. В какой-то момент окончательно захмелевшему Элронду вздумалось порадовать боевых товарищей пением, и он потребовал, чтобы Линдир притащил ему арфу покойного Гил-Галада. Тот, пошатываясь и чувствуя, что его уже тошнит от выпитого, все же поднялся из-за стола и поплелся за инструментом, пару раз чуть не упав по дороге. В отличие от Аратана и Анариона, петь и играть владыка Имладриса не умел совершенно и в ноты не попадал, но искренне считал себя великолепным музыкантом. Поэтому бедному Элендур пришлось волей-неволей слушать то, что Элронд гордо назвал поминальной песней, а если учесть то, что спьяну у эльфа двоилось в глазах и он плохо видел струны, то результат получился такой, что все присутствующие точно хохотали бы в полный голос, кабы не совсем уж неподходящая ситуация.

Старший сын Исилдура, погрузившись в свои невеселые мысли, изо всех сил старался не обращать внимания на мерзкое бречанье и завывания Элронда, но тут случилось нечто из ряда вон. К верховному королю дунэдайн склонился Арандур, один из его приближенных, и сказал, что в лагерь Союза неизвестно откуда пришел какой-то паренек с лютней.

— Мой король, оружия у него нет, мы его обыскали, этот юноша утверждает, что он менестрель, и хочет вам спеть, — пояснил он. — Может быть, и в самом деле пригласить его? Одет мальчик очень бедно, думаю, мы даже можем заплатить ему за игру, от нас не убудет. А то владыка Элронд уже, наверное, сильно устал, — уклончиво добавил нуменорец.

Элендур ощутил невероятное облегчение. Ну, молодец Арандур, выкрутился-таки, хитрюга, все-таки в том, что он провел детство и юность среди морэдайн, была своя польза — и противного эльфа умело заткнул, и никого не обидел, умудрившись показаться даже заботливым и учтивым, и, может быть, ему даже удастся хоть как-то вернуть своего короля к реальной действительности.

Исилдур, услышав его слова, слегка повернул голову, внимательно посмотрел на своего военачальника, словно пытаясь осмыслить то, что ему говорят, а потом произнес:

— Да, хорошо. Зови его сюда, пусть споет.

Арандур с легким поклоном удалился и вскоре вернулся, приведя с собой какого-то худенького паренька в потрепанном черном плаще с заплатами и выдавших виды штанах и куртке. Юноша смотрел на собравшихся настороженно, если не сказать — испуганно, и прижимал к груди старую лютню, покрытую облупившейся краской и почти стершимися на темном фоне серебряными узорами.

— С вашего позволения, я привел его, мой король, — торжественно провозгласил Арандур. — Не знаю твоего имени, уж извини, я, конечно, понимаю, что ты растерялся, но ты хоть поприветствуй всех и будь учтив с нашим повелителем, он недавно отца лишился, — быстро зашептал он мальчишке-менестрелю. Тот согласно кивнул и встал перед столом прямо напротив Исилдура.

— Доброго вечера всем вам. Для меня большая честь оказаться здесь среди отважных

воинов, победивших Черного Властелина, — паренек поклонился верховному королю дунэдайн, словно чуть ли не демонстративно, как показалось Элендуру, игнорируя Элронда — или ему и в самом деле просто почудилось? — Благодарю вас за то, что позвали меня на праздничный пир.

Элендур вздрогнул — Арандур, судя по всему, забыл объяснить этому юноше, что пир у них тут вовсе не праздничный, а поминальный. Он испугался, что его отец сейчас разозлится и последствия будут непредсказуемы, однако тот и бровью не повел.

— К сожалению, пока что мы не празднуем победу, а оплакиваем павших, — поправил менестреля Исилдур, глядя на него застывшим немигающим взглядом. — Поэтому я хотел бы попросить тебя спеть несколько песен, прославляющих деяния моего отца и государя Гил-Галада, которых теперь с нами нет. Я заплачу тебе золотом, подарю тебе новую дорогую одежду, прикажу тебя накормить и напоить и дам с собой еды в дорогу.

Арандур ободряюще улыбнулся пареньку. Элендур подумал, что отец, судя по всему, еще не окончательно обезумел, если все же смог заметить и понять, что мальчик этот явно голодает и нуждается в деньгах.

— Хорошо, — менестрель снова поклонился, пожирая жадным взглядом большое блюдо с сочащимися жиром кусками жареного мяса; было видно, что он и в самом деле давно не ел. Все приготовились слушать, даже Элронд наконец замолчал, отложил в сторону чужую арфу и налил себе еще вина. Линдир был уже пьян в хлам и косил на оба глаза, а Глорфиндейл сладко спал, уронив отяжелевшую голову на стол и не обращая внимания на то, что его золотые кудри вымазаны соусом. Исилдур молча смотрел на паренька-менестреля, который тем временем настроил свою лютню и начал петь — только вот совсем не то, чего от него ожидали присутствующие.

*...оставил Арду своему ученику,
и стал Гортхауэр хранителем ее,
И погрузился мир в жестокую тоску...*

Дунэдайн замерли, понимая, что последствия могут быть непредсказуемы. Эльфы недоуменно перешептывались. Исилдур, глядя на юношу, побледнел от плохо сдерживаемой ярости и стиснул зубы: он прекрасно понял, о чем и о ком идет речь. Ему сразу вспомнился тот полоумный эльф, который в Нуменоре бродил по Роменне и Арменелосу, рассказывая всем о том, что Мелькор на самом деле был для всех, в том числе и Саурона, добрым и мудрым учителем, а не воплощением зла. Впоследствии он испытал всю правильность своих убеждений на собственной шкуре, когда Враг убил его на пиру у Ар-Фаразона.

Арандур поначалу остолбенел, но потом тоже сообразил, что к чему, и, когда мальчишка допел песню, слегка тронул его за плечо.

— Слушай, ты вообще о чем поешь-то, до сих пор не уяснил, где и с кем находишься? Не знаю, кто забил тебе голову всей этой дурью, но я родился в Нуменоре и знаю, что там творилось во славу твоего так называемого учителя. Моя мать-фанатичка, которая искренне считала, что молебны Мелькору даруют ей вечную молодость, спровадила и

меня служить Тьме. Если бы не счастливый — пусть и отчасти — случай, благодаря которому у меня раскрылись глаза на все происходящее, я бы стал таким же безумным приверженцем зла и приносил в жертву Черному Властелину ни в чем не повинных людей, полагая, будто это сделает меня бессмертным и прекрасным. Советую тебе одуматься и перестать увлекаться подобными вещами, потому что это, к сожалению, не шутки и не красивые сказания, как полагают некоторые. И знаешь, ты, конечно, вообще нашел и время, и место — я бы лично постеснялся в присутствии людей, у которых погибли друзья и родичи, поминать имя их убийцы и тем более его восхвалять.

Юноша опустил лютню и пристально посмотрел в глаза Арандуру.

— Ваши люди неправильно понимали слово Тьмы. Мелькор не требовал человеческих жертв. Он вообще никогда ничего не требовал...

— Прекрати, — Арандур снова попытался урезонить паренька. — Я тебе еще раз объясняю: я жил в Нуменоре. И я видел, какое зло творил его именем его так называемый, как ты говоришь, «ученик». Даже если бы в твоих песнях была доля правды и Моргот поначалу действительно был мудрым и добрым, это не отменяет того, что делали его последователи в дальнейшем, — он уже более жестко схватил юношу за плечо. — Уходи отсюда. Немедленно.

Тот дернулся, стряхивая его руку.

— Все не так, как вы думаете. Я спою вам еще одну...

Арандур с опаской покосился на своего короля.

— Парень, я тебе зла не желаю. У меня самого могли бы быть дети твоего возраста, если бы мою нареченную не убили морэдайн. Ты действительно не понимаешь, в каком наш повелитель состоянии? У тебя-то есть родители? Еще раз повторю — не знаю, кто забивал тебе голову сказками про то, что Саурон — едва ли не ходячее воплощение добра, но по его приказу в Нуменоре во славу его дорогого «учителя» замучили и сожгли живьем несколько тысяч человек, а сам он недавно убил Элендила и Гил-Галада. Я знал обоих лично, и скажу тебе прямо — для нас это невосполнимая утрата. Поэтому уходи отсюда поскорее — раз, поставь голову на место и перестань верить в подобный бред, потому что Враг вовсе не таков, каким любит себя выставлять и хочет казаться — два, в следующий раз думай, что, где и кому говоришь и поешь — три.

— Следующего раза не будет, — раздался вдруг голос Исилдура, показавшийся его сыну и приближенным каким-то безжизненным, лишенным всяких интонаций.

Элендур, сидевший рядом с отцом, поздно заметил, что тот держит руку на эфесе меча, и не успел его остановить. Благодаря высокому росту и длинному клинку тот смог дотянуться до вражьего прислужника, даже не выходя из-за стола. Поднявшись с места, новый верховный король дунэдайн выдернул меч из ножен и быстро взмахнул своим оружием. В следующее мгновение раздался противный хруст разрезаемой плоти, отсеченная голова менестреля отлетела в сторону, а мертвое тело осело наземь, обдав опешившего Арандура фонтаном крови из перерубленной шеи.

— Надеюсь, ты все же получишь свою награду. Только не от меня, а от своего властелина, когда встретишься с ним в смерти, — устало проговорил Исилдур, опуская руку с окровавленным мечом.

4. Просто повезло

Когда Келебримбор, отчитав любимого младшего братика за глупость на все корки, наконец ушел, Гил-Галад решил снова попробовать немного поспать. В очередной раз он проснулся от того, что кто-то целовал его в губы; открыв глаза, он увидел над собой лицо Эрилиндэ.

— Ты себе даже не представляешь, как я за тебя испугалась, — тихо сказала она и провела кончиками пальцев по его щеке. — Хорошо, что все обошлось. Иные несчастные от светлятника живыми не выбирались, ты еще легко отделался — хоть не убили и не изуродовали.

Несколько минут он только смотрел на нее, не отводя взгляда и не решаясь ничего ответить — Гил-Галаду казалось, что язык ему не повинуется.

— Ты меня любишь? — наконец спросил он.

— А сам-то ты как думаешь после всего? Не задавал бы уж глупых вопросов.

— Выходи за меня замуж.

Эрилиндэ звонко рассмеялась.

— Тогда приходи сегодня спать ко мне. Мои покои этажом выше, мы с тобой теперь и так уже все равно что муж и жена. Кровать у меня широкая, места нам обоим хватит. Как оправишься немного после того, что с тобой случилось, так можем и свадьбу сыграть.

— Только давай не затягивать с этим, а то как увидят тебя все с животом в свадебном платье, так что про нас подумают и скажут, — растерянно проговорил Гил-Галад, все еще пытаюсь осмыслить все произошедшее и до конца не веря в то, что чудом спасся от смерти. Внезапно он осознал, что ему невероятно повезло — да еще как! Эрилиндэ, о которой он мечтал долгие годы, сейчас здесь, рядом с ним, она согласна стать его женой, более того — у них скоро будет ребенок! Его братья Келебримбор и Маэглин, которых он считал мертвыми, живы и здоровы — вот уж действительно невероятное счастье, он не мог о таком и помыслить! Элронд оказался редкостным мерзавцем и хотел его убить, но не убил же! И, наконец — Саурон вовсе не такой изверг, как он думал раньше, на самом деле он дружил с Тъелпе и не дал Элронду его прикончить. Правда, теперь придется перед всеми извиняться за собственную глупость: мало того что на другого за чужое злодеяние напраслину возводил, так еще и Исилдура по недомыслию попросту подставил, и Элендила не уберег, хоть и пытался...

Им снова овладела нерешительность, но он, поборов ее, сел на кровати и, позабыв обо всем на свете, стал вдохновенно целовать Эрилиндэ, однако тут их идиллию нарушил внезапно заглянувший в комнату Келебримбор.

— Так, хорош лизаться, то-то ты у нас тут не так давно без памяти валялся, — недовольно бросил он, — будут у вас впереди еще долгие годы для обнимашек и целовашек.

Эрилиндэ повернулась к нему с выражением крайнего раздражения на лице.

— Чего это тебя разобрало? К своей жене иди, если завидно, да только она у тебя родит со дня на день.

— Ты повремени-ка к брату моему с поцелуями лезть, — оборвал ее тот. — Мне он для другого нужен, вечером пообнимаетесь. Сам своего дружка нуменорского не от большого ума на войну поволок, сам пусть его теперь с того света и вытаскивает, раз в голове вместо мозгов мусор.

— Ты о чем? — Гил-Галад резко переменялся в лице, поняв, что случилось что-то нехорошее.

— Не о чем, а о ком. О твоём долбанутом дружке, который еще тупее тебя. Ты с ним наверняка по осанвэ общался, он тебе доверяет, так что помочь ему сможешь только ты. Я бы и сам попробовал, но боюсь, что после моей многолетней крепкой дружбы с Сауроном твою приятелю станет только хуже и он попросту сразу сдохнет, если я попытаюсь влезть к нему в мозги. Только сильнее напугаю.

Эрилиндэ хотела было что-то сказать, но Гил-Галад сделал ей знак рукой, чтобы не вмешивалась, и пристально посмотрел на Келебримбора.

— Тъелпе, я уже ничего не понимаю. Что случилось? Ты можешь мне все объяснить? Элронд все-таки попытался убить Исилдура, и, как я чувствую, не без успеха? Где он, что с ним?

Его брат усмехнулся под черным капюшоном.

— Исилдур пока что еще жив и здоров, хотя когда Элронд попытается его грохнуть — это только вопрос времени. Я об Элендиле. Твой приятель вчера, как я понял по косвенным признакам, вполне сознательно подставился под меч Саурона. Seriously, но при должной помощи не то чтоб прямо смертельно, мне в свое время досталось куда хуже, и то выкарабкался. Мы с Маэглином вас обоих на Ородруине не бросили, но ты сейчас в состоянии со мной разговаривать и даже с Эрилиндэ целоваться, а вот друг твой при смерти лежит. Я говорил с врачом, тот утверждает, что организм у него крепкий, да нуменорцы вообще живучие, но он будто бы сам гасит свои силы и не хочет жить.

Бедный Гил-Галад побелел от испуга, лицо его приобрело совершенно жалкое выражение.

— Он действительно не хотел жить, — чуть слышно пролепетал он. — Я это понял, я чувствовал... это из-за Нуменора...

— Понял и ничего не сделал? — грозно переспросил Келебримбор. — Не попытался с ним поговорить, остановить, объяснить, что это не выход, выслушать, в конце концов? Ну да, знал я, что брат у меня тупой, как пенек, но не думал, что до такой степени, чтобы

вот так вот взять и позволить своему лучшему другу покончить с собой, да еще и чужими руками! Ты хоть понимаешь, что натворил? Да уж, друг из тебя и в самом деле просто распрекрасный, с такими друзьями врагов не надо!

Эрилиндэ решила, что в такой ситуации лучше и разумнее будет проявить деликатность и откланяться.

— Я вас чуть позже найду, — неловко проговорила она и быстро выскользнула за дверь. Келебримбор, глядя на брата, лишь покачал головой.

— Знаешь, братишка, так себя с окружающими в принципе не ведут. А с лучшими друзьями — тем более. Мне как-то странно видеть такое безразличие по отношению к человеку, которого ты к таковым вроде как относишь.

Тот виновато опустил глаза.

— Тъелпе, я не хотел. Я... не думай, что я плохо относился к Элендилу или пренебрегал его бедами, он всегда был мне как брат. Но мне всегда казалось, что неудобно лезть к другому в душу, если он сам ничего не хочет говорить...

— Неудобно спать на потолке, одеяло спадает, и штаны через голову надевать тоже неудобно, — назидательно произнес Келебримбор. — Так вот, усвой себе на будущее: если у твоего друга или родича все в порядке, то лезть к нему в душу и задавать слишком личные вопросы действительно не надо. А вот если ты чувствуешь, что с ним что-то не так и у него случилась беда — тут уж извините. Одно твое слово может предотвратить чью-то гибель. А то если рассуждать так, как ты, то и Саурону не нужно было выручать меня в Эрегионе: ведь неудобно же без приглашения в чужой дом являться, даже если твоим друзьям грозит смертельная опасность!

— А Элронд собрался на нашей сестре Келебриан жениться. Теперь уж мне ее не остановить, — Гил-Галад втянул голову в плечи с донельзя виноватым видом. — Я же, дурак, раньше не против был.

Тъелпе громко расхохотался.

— Ну и ну! Я искренне думал, что для любой вменяемой женщины переспать с этим милым созданием равнозначно скотоложеству. Надо ж, кто-то на него польстился, и этот кто-то — бедняжка Келебриан. Ладно, хватит лишних слов, давай-ка, быстро вставай, и пойдем вытаскивать твоего дружка. Не знаю, чем я так перед судьбой провинился, что мне достался такой брат, как ты! Хотя... за что Элросу такой брат, как Элронд, ты у меня еще ничего, туповат, конечно, но терпеть можно!

Спустив ноги с кровати, Гил-Галад увидел, что Тъелпе все же успел притащить ему мягкие домашние туфли, так что ходить босиком по крепости все же не придется. Ему-то как раз с братом повезло, Келебримбор о нем вон как заботится, пусть все время и ругается. Хотя, если посмотреть на все произошедшее трезвым взглядом со стороны, возмущается он правильно. Интересно, а Маэглин какой?

— Слушай меня внимательно, братишка, — продолжал тем временем Тъелпе. — Я тебе уже объяснил, что с твоим другом, и я, в отличие от тебя, не собираюсь просто так дать ему сдохнуть и несколько часов тупо пялиться, как он умирает, а потом лить горькие слезы и скроить скорбную рожу. Еще не поздно все исправить. Я посоветовался с нашими, что тут можно сделать, и они мне сказали, что в теории можно попробовать установить мысленную связь, осанвэ то бишь, даже с тем, кто лежит без сознания, если у вас в обычной жизни достаточно хорошие отношения и вы уже общались таким способом — открывая друг другу свой разум. Было такое?

Гил-Галад уверенно кивнул.

— Так вот. Ты попытаешься до него достучаться, убедить его не убивать себя окончательно и вернуться к нам. Сам я с ним беседовать не решил — уже объяснил тебе, почему. Нужен ты, я надеюсь, он тебя послушает, — слова Келебримбора звучали как приказ.

Король Нолдор попробовал немного пройтись по комнате: чувствовал себя он вроде вполне неплохо, раны почти не болели, голова не кружилась, и он даже уже начал ощущать легкий голод. Судя по виду за окном, на дворе было уже утро или даже день.

— Вроде я на ногах держусь, не знаю, смогу ли долго ходить, но пока не падаю, — он осторожно оценил свое состояние. — Где он? Пойдем, я сделаю все, чтобы ему помочь.

Гил-Галад снова подумал о том, что на самом деле он, если рассудить здраво, очень везучий эльф — в бою с Сауроном не погиб, братья живы-здоровы, от Элронда относительно счастливо отделался, с Эрилиндэ у него теперь все замечательно, а если дела продолжат так идти и дальше, то ему не придется оплакивать лучшего друга, которого он уже считал погибшим. Тогда останется совсем немного: попросить прощения у Саурана за свои глупые подозрения и окончательно с ним помириться, а потом попытаться спасти Исилдура от своего бывшего герольда, если тот, конечно, к тому времени не успеет осуществить свои гнусные намерения и прикончить несчастного полубезумного нуменорца.

5. Что, очень страшно?

*О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить?
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железнаядохнула —
И не осталось и следов.*

Федор Тютчев

Гил-Галад молча следовал за братом по лестницам и коридорам крепости; он ожидал, что здание окажется очередной мрачной постройкой служителей Тьмы, но на деле оно было довольно светлым и просторным. На стенах, кажется, даже были какие-то рисунки, но у короля Нолдор не было настроения их рассматривать — он слишком волновался. Тъелпе старался идти не слишком быстро, помня о том, что его брат не в лучшем состоянии, и тот даже не особо устал. Вдруг навстречу им вышел какой-то человек в черном плаще, высокий, темноволосый и сероглазый, по виду явно морадан. Он поздоровался с Келебримбором на Черном Наречии, и они о чем-то заговорили, но по его тону Гил-Галад понял, что этот человек явно чем-то недоволен. Он решил, что влипнуть в очередные неприятности уж точно не следует, и благоразумно спрятался за углом, с тревогой вслушиваясь в перебранку своего брата с незнакомцем и жалея, что не понимает этого языка, пока Тъелпе наконец его не окликнул.

— Звездочка, ты куда подевался?

— Здесь я, — Гил-Галад с опаской выглянул из своего укрытия и увидел, что неизвестный в черном уже куда-то ушел. — Вы там из-за чего-то, как мне показалось, спорили или ссорились, я не стал вмешиваться...

Келебримбор снова рассмеялся — его брат про себя отметил, что все пережитое никак не повлияло на его беззаботный и веселый нрав.

— Ну почему ты у меня такой глупый? Мы не спорили и не ругались, мы просто разговаривали — кстати, как раз обсуждали состояние твоего дорогого друга. Просто в Черном Наречии свои особенности интонации и произношения, я в общем-то понимаю, почему этот язык кажется многим грубым, неблагозвучным и вообще воспринимается со стороны чуть ли не как сплошные угрозы и ругань, даже если на деле это признание в пламенной любви. Уясни себе — пугаться тут не стоит, если только тебе и в самом деле к горлу меч не приставят, потому что в Черном Наречии очень много свистящих и шипящих звуков, а интонация почти в любом предложении всегда идет вниз. Теперь пошли, а то твой приятель возьмет и без тебя откинется. Диву даюсь, как так можно — называть человека своим лучшим другом не разлей вода, а самому благополучно забивать хрен на то, что тому в высшей степени паршиво.

Тот понуро опустил голову и покорно поплелся за Тъелпе.

— Ну я же не хотел. Скажи он мне хоть слово, я пошел бы за ним на край света и сделал для него все, что бы он попросил, даже собой бы пожертвовал, но...

— А он и не сказал, — вздохнул Келебримбор. — Все дело в этом. Теперь понимаешь? Уясни себе, Звездочка моя безмозглая: если людям нужна помощь, они могут тебе об этом сказать. А могут и не сказать, и вот тут ты должен взять все в свои руки и вмешаться, пока не случилось непоправимого! Иногда твои близкие могут говорить или делать вид, что все в порядке и помощь им не нужна, однако это тоже может оказаться неправдой, а ты ж у нас благовоспитанный, вот со своей деликатностью неуместной чуть лучшего друга до могилы и не довел! Если я буду смотреть на то, кто что говорит, а не на то, как обстоят дела, то ничего хорошего из этого не выйдет!

Гил-Галад подавленно и растерянно молчал, продолжая напряженно думать обо всем случившемся. Все было сложно, слишком сложно; в один миг все переменялось, и мир оказался совершенно не таким, как он привык думать. Долгие годы он жил с мыслью о том, что все в принципе понятно: вот добро, а вот зло, это правильно, а это неправильно, это его друзья, а это враги. Элронд оказался предателем, лгуном и безжалостным убийцей, Саурон на самом деле спас жизнь его братьям, а что до Элендила и его сына... Он считал, что поступает верно, не вмешиваясь в чужие дела и семейные трудности, а его друзья все это время нуждались в его помощи, возможно, ждали ее, пока он молчал и пытался делать вид, что все идет как должно. Что, если ему не удастся спасти Исилдура от Элронда, а Элендил никогда не простит его за равнодушие и безразличие?

Проведя брата по длинному светлому коридору, Келебримбор распахнул перед ним дорожную дверь из красного дерева, за которой оказалась большая просторная комната с высокими окнами и полированным дубовым паркетом. Гил-Галад про себя отметил, что раньше мордорцы непонятно почему казались ему очень скромными и неприязнительными в быту, а на самом деле за мрачными фасадами крепостей можно было увидеть дорогие и даже роскошные вещи, казавшиеся порой откровенно неуместными в обители Саурона и его слуг. Король Нолдор любил красивые вещи и в другое время с большим удовольствием рассмотрел бы всю обстановку более детально, однако сейчас все его мысли занимало то, сможет ли он хоть чем-то помочь своему другу. Тъелпе, почувствовав его волнение, сжал его ладонь в своей.

— Соберись. Теперь все зависит от тебя!

Гил-Галад глубоко вздохнул, набираясь смелости, и огляделся. Его лучший друг неподвижно лежал с закрытыми глазами на кровати возле окна, и сердце эльфа болезненно сжалось. Он тяжело опустился на табуретку, которую ему быстро пододвинул Келебримбор, еще раз внимательно посмотрел на Элендила, бережно взял его за руку. Странно, ему казалось, что люди со смертельными ранами не должны выглядеть такими странно спокойными, будто спящими — и даже почти здоровыми, если бы не меловая бледность и едва заметное дыхание. Нигде на постельном белье не было заметно пятен крови — Тъелпе не зря хвастается, что у них в Мордоре хорошие врачи.

Опустив ресницы и стараясь отрешиться от всего происходящего, Гил-Галад мысленно позвал своего друга по имени, открывая ему свой разум и пытаясь соприкоснуться с его сознанием. *Я здесь, рядом, и я пришел помочь тебе, хотя должен был сделать это давным-давно. Мой брат правильно стыдит меня за мое бездействие, граничащее с преступным безразличием. Пожалуйста, вернись ко мне, услышь меня, ты не можешь вот так умереть у нас на глазах. Вернись, и я постараюсь стать тебе настоящим другом сейчас, потому что не смог, не умел быть им раньше...*

Вернись...

Сквозь сплошную черноту, которая постепенно затягивала все глубже и глубже, будто какое-то болото без конца и края, не давая выбраться — да он и не стал бы выбираться, просто не хотел — Элендил внезапно услышал знакомый голос. Кто-то звал его по имени, и он даже знал этого человека... вернее, эльфа.

Открыв глаза, он сразу же зажмурился от яркого света и внезапно увидел рядом с собой Гил-Галада; тот выглядел уставшим, измотанным и очень бледным, обе руки у него были забинтованы. Элендил сразу вспомнил все, что было вчера на Ородруине, и мысленно удивился тому, что до сих пор жив с такой раной, более того — чувствует себя относительно терпимо, хотя, конечно, в таком состоянии лучше было лишний раз не шевелиться и не делать глубоких вдохов.

— Aran, — чуть слышно сказал он, сам удивляясь тому, что ему повинуется собственный голос. — Вы... вы живы? Саурон не убил вас? Где мы...

Гил-Галад, казалось, с усилием покачал головой и пробормотал:

— Саурон не убил нас обоих. Мы живы. И жить будем. Но Элронд предал меня. И приставил мне меч к горлу. Он и твоего сына прикончить мечтает...

Глаза его друга расширились от удивления и страха, а король Нолдор, не дав ему ответить, пытаясь сохранять спокойствие, пусть и получалось плохо, быстро начал рассказывать ему обо всем случившемся — предательстве герольда, о котором его предупреждали все, кому не лень, странном поступке полубезумного Исилдура, который непонятно зачем взял себе кольцо Саурона, неожиданной помощи со стороны братьев, которых он считал давно погибшими...

— Не переживайте так, — Элендил попытался утешить друга. — Главное, что он вас не убил. И что все позади. Так куда все-таки нас отвез ваш брат?

Тут он повернул голову и внезапно увидел высокую фигуру в черном плаще с низко надвинутым на лицо капюшоном. В его душу закралось очень нехорошее подозрение.

— Aran, мы что — в плену? Что у вас с руками? Вас что, пытали? — беспомощно прошептал он.

— У меня в гостях! — злобно произнес незнакомец в черном. — Это мой дом. И ваш теперь тоже. По крайней мере, на первое время. Можешь меня не бояться, я не Элронд и ничего плохого вам не сделаю, если тебя это успокоит, то я тоже твой дальний родственник. А руки твоему дружку этот ушастый кретин как раз и попортил, но ничего страшного, заживет — не отрубил же.

— Кстати, я бы хотел представить тебе моего брата Тъелперинквара, — радостно произнес Гил-Галад, наконец встрепенувшись. — Это он спас меня от Элронда на Огненной Горе. И вообще — если бы не они с Маэглином, мы бы сейчас с тобой не разговаривали.

— Очень приятно, — растерялся Элендил. — Но... как? Я думал, вы давно мертвы.

Келебримбор дернулся, словно от удара.

— Два дебила — это сила, — раздраженно ответил он. — Прости, милый родич, но оба вы тупые уроды, и ты, и мой брат, неудивительно, что вы с ним так сдружились не разлей вода. Вот скажи мне, и зачем ты это сделал? Грустно было, думал, что подставишься под чужой удар, так сразу жизнь наладится?

Гил-Галад повернулся к нему с донельзя возмущенным видом.

— Тъелпе, не надо с ним так!

— Надо. С вами обоими надо! Если я сейчас тут начну вас жалеть, — пояснил он, — будет только хуже и до вас так ничего и не дойдет. Вы не желаете видеть очевидного, в упор не замечаете того, что у вас прямо под носом, а потом попадаете в беду! Как думаешь, — поинтересовался он у Элендила, — сколько раз я повторял своему глупому братишке, чтобы он держался подальше от Элронда? Да я сбился со счета! Что он мне отвечал? Да нет, Тъелпе, ты его просто не любишь, ты на него наговариваешь, он же хороший. Потом мне было очень весело в обратном смысле слова, когда его герольд жег мне лицо каленым железом. Я думал, что это конец — тогда я еще не знал, что мой друг Дургхаш побежал искать помощь. Опоздай злой кровожадный Саурон, которого вы оба так боитесь, хоть на час — и обо мне действительно можно было бы говорить в прошедшем времени. Теперь я вынужден все время носить плащ с капюшоном и прятать лицо, потому что моей рожи все кругом пугаются. Что было потом? А то, что все кругом предрекали. Элронд дождался удобного момента и приставил моему глупому брату, которому не так давно клялся в верности и вечной дружбе, меч к горлу. Он думал, что сможет легко добить раненого и беспомощного, но Эрейнион оказался не так прост и смог продержаться какое-то время, пока мы с Маэглином и Хонахт не подросли и не спугнули эту скотину. Саурон тебе не лгал. Вам обоим. Мы с ним всегда были лучшими друзьями, и он скорее отрезал бы себе руку, чем причинил мне какой-либо вред! Я иначе представлял свою встречу с братом после долгой разлуки, но вы, безмозглые создания, все испортили! Все!

Во взгляде Элендила эльфу почудилась смесь сочувствия и недоверия. Гил-Галад, напротив, молчал, не поднимая глаз.

— Снимите капюшон, лорд Тъелперинквар, — как можно более уважительно сказал нуменорец на Квэнья. — Я не испугаюсь. Вам вовсе не обязательно...

Тот усмехнулся.

— Развел церемонии. Ко мне можно на «ты», просто Кэл или Тъелпе, как нравится, на Синдарине и без идиотских титулов. Я вообще уже с вас охренел, вы, типа, лучшими друзьями друг друга считаете, а какого ж тогда, — он хотел было вернуть неприличное слово, но сдержался, — ты к брату моему тут на «вы» и «ваше высочество» обращаешься? А Эрейнион, как всегда, в своем духе — слова против не сказал, стесняшечка он у меня. Мозги поставьте на место! Здесь Мордор, а не ваши сраные королевства, где вы без правил этикета в уборной по нужде не сядете — можно делать что хочешь, только в рамках здравого смысла!

— Ну так и снимите эту черную тряпку, — хрипло проговорил Элендил в полном смятении. — Вас же никто не заставляет ее носить... тебя то есть, не хотел обидеть.

— Ну ладно, — снисходительно протянул Келебримбор, — я так понимаю, мне все же придется показать, что сделал со мной этот хорек криворукий... герольд моего любимого братца. Не говори потом, что я тебя не предупреждал. Это действительно ужасно.

С этими словами он поднял руку и медленно стянул с головы черный капюшон. Элендил на мгновение замер с раскрытым ртом, а потом лишь скорбно посмотрел на брата своего лучшего друга. Черты лица у Келебримбора были правильные и, если судить по здоровой половине, до событий в Эрегионе он был очень красивым эльфом. Однако вся левая часть выглядела невообразимо страшно — половину лба покрывали толстые беловато-серые рубцы, на скуле под странно тонкой, как крыло бабочки, кожей просвечивала белая кость, а больше всего шрамов было на щеке, которая неестественно проваливалась, создавая впечатление глубокой дыры с неровной и грубой поверхностью. Рот из-за последствий страшных ожогов был заметно искривлен, и вследствие этого улыбка смотрелась жутковато.

— Нравится? — ухмыльнулся он. — Что, очень напугал? Вам повезло, ребята, что легко отделались. В душе Элронда есть место одной только злобе и ненависти, словно его родила не женщина, а змея! Хотя сказать такое о змее было бы большим и незаслуженным оскорблением для этого животного, потому что змея кусает других только тогда, когда охотится или защищается!

Гил-Галад долго смотрел на брата в оцепенении, потом все же отвернулся и опустил глаза — это зрелище было выше его сил, и он с трудом мог себе представить, как Келебримбор пережил такой кошмар. А ведь Элронд, по словам Тъелпе, ему не только лицо изуродовал, но и половину костей переломал, что у несчастного теперь левая рука с трудом двигается.

— Я не закончил, придурки, — Келебримбор нахмурился, смерив брата и его друга грозным взглядом. — Я знаю Саурона уже не первую сотню и даже тысячу лет. Так вот, если бы он хотел вас обоих грохнуть — давно бы убил. Это он умеет просто превосходно, хотя обычно долго терпит. А сделать это руками Ар-Фаразона и сказать, что этот

чокнутый виноват, было бы вообще проще простого. Хоть что-то в голове начало проясняться или пока нет? Тогда разложу по полочкам для особо безмозглых: он тебя в Нуменоре, считай, прикрыл и спас от вашего двинутого короля. Пожалел, видать, дальнего родича или еще какая причина была, хотя он вообще не любит бессмысленных расправ. Теперь дошло? А еще — Элендил, ты уж извини меня, конечно, но отец из тебя просто отвратительный. Хуже не бывает.

— Это еще почему? — снова возразил Гил-Галад.

С лица Келебримбора слетели последние остатки невозмутимости, он выглядел раздраженным и злым.

— Заткнись, братец, и лучше слушай меня внимательно, вон своего заделал, когда воспитывать будешь, не повторяй чужих ошибок! Знаешь, — он перевел взгляд на Элендила, — если у тебя есть дети, то думать надо в первую очередь об их благополучии. А ты... я не знаю, что у тебя вообще вместо мозгов. Я сомневаюсь, что ты не замечал, что парнишка твой не совсем здоров на голову. Вместо того, чтобы ему помочь, ты думал только о том, как тебе хреново. И на кого ты своего единственного сына оставил? Бросил на растерзание этой гадине Элронду? Молодец! Как тебе кажется, что он теперь с ним сделает, особенно если учесть то, что у Исилдура при себе кольцо Саурона, а у Элронда глазки завидующие, когти загребущие? Нетрудно догадаться, и это всего лишь вопрос времени, когда этот подонок порешит твою деточку ненаглядную!

Келебримбор хрипло и горько рассмеялся, но Элендил посмотрел на него так, что тот мгновенно застыл на месте. Вид у нуменорца был такой, словно он вот-вот снова потеряет сознание.

— Что же мне теперь делать?

— Я тебе уже сказал, голову поставить на место и начать ей думать, — эльф с укоризненным видом свел густые темные брови к переносице. — Решим, что делать. А ты хорош — покончить с собой чужими руками решил. Честно как, ничего не скажешь. Ну правильно, такая уж у друга моего репутация нехорошая. Одного убил, другого убил, третьего, десятого, ну подумай, одним больше. Чего ж его жалеть, пусть он и не хотел вас обоих в расход пускать? А ты ж такой правильный у нас, куда там, — изуродованное лицо Келебримбора скривилось в некоем подобии жутковатой усмешки. — Некрасиво вышло, любезный родич. Очень некрасиво. Во-первых, сына своего ты все-таки на произвол судьбы бросил, нельзя только о себе думать. Во-вторых, если уж тебе так на тот свет не терпелось, так нечего к этому других людей привлекать — чтоб потом невинного твоим убийцей считали?

Элендил хотел было что-то ему ответить — в душе он был искренне удивлен тем, что Келебримбор, вопреки всем тем слухам, что ходили про род Феанаро, держится с ним вполне себе на равных и даже называет его своим родичем, но так ничего и не сказал: какой-то человек в таком же черном, как у Тъелпе, плаще незаметно вошел в комнату и стоял в дверном проеме, наблюдая за ними. Гил-Галад повернул голову: это был тот самый, с кем не так давно беседовал на Черном Наречии его брат.

— Как вы это сделали? — вошедший изумленно вскинул брови, перейдя на Синдарин.
— Он же только что при смерти лежал!

— А так, как вы нам и насоветовали, — Келебримбор мгновенно переменялся в лице и теперь выглядел радостным и довольным. — Осанвэ, Эрион, осанвэ. Сработало. Вот что я тебе скажу, милый братик, и тебе, дорогой родич, — он снова пристально посмотрел на Гил-Галада и Элендила, в глазах его вспыхнул гнев — все-таки временами кровь рода Феанаро проявлялась даже в веселом и доброжелательном Тъелпе. — У вас обоих ума как у устрицы, да и интуиция на таком же уровне. В людях вы не разбираетесь, — почти прошипел он, особо выделив два последних слова. — Поэтому теперь, пока мозги не появятся, будьте любезны слушать, что я говорю, иначе в очередной раз наломаете дров. Вы уже их много наломали, что из-за ваших расходов на войну этой зимой в Гондоре и Арноре топить будет нечем. Хочешь видеть своего любимого сыночка живым, здоровым, в своем уме и желательно, конечно, не покалеченным? — обратился он к Элендилу, голос его звенел от плохо скрываемого напряжения.

Тот едва заметно кивнул, ощущая от жесткого тона Келебримбора едва ли не внутреннюю дрожь.

— Молодец, уже начал думать. Вам обоим не повредит хорошая дуревыбивалка. А раз хочешь снова встретиться со своей деточкой в живом виде, а не в гробу, то будем дожидаться уже моего лучшего друга. Думаю, вы оба поняли, недоумки, о ком я говорю. Он обязательно придумает хороший план по изведению Элронда и его вечно поддатых приятелей. У Глорфиндейла по-прежнему утро начинается с бутылки? — ехидно добавил внук Феанора.

— Он уже придумал один хороший план, и даже не один, что сам сейчас... — голос Элендила прозвучал возмущенно, враждебно и резко, но Тъелпе бесцеремонно его оборвал.

— Заткнись. Слышал я уже, как вы пищали, будто бы Саурон собрал на равнине у Врат несметное войско, которое вы одолели разве что чудом...

— А что — разве не так? — у Гил-Галада, несмотря на все его попытки изобразить невозмутимость, задрожали руки.

— Тупой болван, — Келебримбор схватился за голову и картинно закатил глаза, не обращая никакого внимания на по-прежнему стоящего в дверях Эриона, который, видимо, хотел поинтересоваться состоянием пациента, но не решился влезть в разговор. — Вы даже и половины того, на что мы способны, не видели. Да не то что половины — даже четверти или восьмой части! Если что, это тоже была часть одного из его планов... надеюсь, вы оба уже поняли, пеньки вы этикие. А теперь вали отсюда на какое-то время, — он бесцеремонно спихнул брата с табуретки и сел на нее сам. — Иди пока, погуляй немного, познакомься вон с Эрионом, пообнимайся с Эрилиндэ, все у тебя, я надеюсь, будет теперь замечательно. А ты, — твердо сказал он Элендилу, — давай-ка, рассказывай мне во всех подробностях, что толкнуло тебя на такой жуткий поступок и как ты вообще до такого дошел, что не думал ни о родных, ни о друзьях. Постараюсь

помочь, чем смогу.

Гил-Галад подошел к Эриону и, не говоря ни слова, посмотрел на него с тревогой и неуверенностью.

— Не переживайте, — ответил тот на невысказанный вопрос, — как я могу видеть, жизни вашего друга уже ничто не угрожает, хотя пару недель ему придется провести в постели. Пойдемте отсюда, вы сможете навестить его чуть позже, пусть он пока с вашим братом пообщается. Разговаривать ему как раз вполне можно и даже нужно, это снижает вероятность возникновения застойных явлений и всяческих осложнений после травмы... если вам интересно, могу объяснить подробнее.

— Хорошо, — Гил-Галад попытался через силу улыбнуться. — Пойдемте.

6. Изощренный шантаж

Утром следующего дня Келебримбор внезапно наткнулся на своего брата Маэглина в необычной одежде: на бывшем коменданте Барад-Дура красовалась черная шелковая котта с вышитым золотом гербом Ар-Фаразона, в руках он держал мораданский шлем с крыльями летучей мыши.

— Чего это ты вдруг Черным Нуменорцем вырядился? — изумленно присвистнул внук Феанора.

— Да тихо ты, не ори, — одернул его Маэглин, — не надо, чтоб все знали, я потом им расскажу, пусть поржут. Слышал я от Эриона, как ты вчера родичам нашим мозги вправлял, и возникла у меня крутая идея, двух зайцев сразу убью, даже трех! Во-первых, себе немного настроение подниму и подшучу над придурком Элрондом, благо этот мудозвон меня в лицо не знает. Во-вторых, хоть немного отвлеку его внимание от Исилдура, тот же как-никак мой потомок по прямой линии, жалко ж парня, укокошит его эта сволочь ни за что ни про что. В-третьих, хочу стрясти с внучка немного бабла, пусть подкинет дедушке на выпивку, за труды я и так от Саурона много получил, надо б со светлятника за подлость еще хоть немного слупить!

— Ты что, в лагерь к ним собрался? — тот испуганно уставился на брата. — Жить надоело?

— Почему ж надоело, я не Элендил, — хихикнул Маэглин. — Да ты не переживай, ничего со мной не случится, в сам вражеский лагерь я не полезу, вызову Элронда для переговоров. Сейчас вот только у Хонахт ее ящера на полдня полетать стрельну и уши под шлемом спрячу, я ж говорю — внучек любезный меня все равно на харю не знает.

С этими словами он водрузил нуменорский шлем на голову.

— Ну как? — спросил он у Тъелпе с озорным огоньком в глазах.

Келебримбор придирчиво оглядел брата с ног до головы, улыбнулся и снисходительно кивнул.

— Неплохо. Очень неплохо. Правда, глаза у тебя темные, а не серые, но хрен с ним, покатит, может, у тебя ханаттанайн в роду были. Ты еще с ним нарочно на Адунаике говори и делай вид, что Синдарина не знаешь, Элронд наверняка поведется, вот будет потеха! Только бдительности не теряй, берегись этих тварей и будь предельно осторожен, а то Светлые в большинстве своем ж гады подлые. Кстати, а что именно ты задумал?

Маэглин крепко обнял брата.

— Кэл, ты не бойся, и не из таких передряг выпутывались. А что задумал — потом расскажу, иначе не так интересно и смешно будет.

Прикончив несчастного юношу-менестреля, Исилдур уже через пару минут сидел на своем месте безо всяких признаков злости и гнева на лице, с прежним безразличным видом, как будто ничего и не произошло. Бедняга Арандур, который хотел как лучше, а вышло все как всегда, если не сказать — хуже некуда, вместе с другими воинами быстро оттащил труп злосчастливого мелькорианца подальше и поскорее закопал, а лужу крови засыпал песком и опилками. Элронд и его дружки тем временем продолжили веселую вечеринку, с которой они, по всей видимости, перепутали тризну по убитым, и вновь наливали себе стакан за стаканом, даже Глорфиндейл проснулся, икнул, вытер с лица соус и опять осушил приличных размеров посудину.

В какой-то момент бывший герольд Гил-Галада почувствовал, что ему уже совсем нехорошо, но для него это не стало поводом наконец остановиться и пойти проспать. Он решил произнести речь и поднялся с места, шатаясь и хватаясь за верного Линдира, но тут ощутил еще более жуткую дурноту, и его вывернуло наизнанку прямо на котту бедного Элендура, который на свое несчастье сидел на этом кошмарном пиру как раз рядом с владыкой Имладриса. Ошарашенный наследник гондорского трона на некоторое время потерял дар речи, но Элронду сильно повезло, что его дальний родич был человеком сдержанным и воспитанным. Четвероюродный брат Элендура Мортаур, который не отличался щепетильностью и идеальными манерами, на его месте хорошенько насовал бы Элронду за все его хамство и неумение себя вести в жбан, и не факт, что тот после такого выполз бы с пирушки живым, но старший сын Исилдура предпочел замять инцидент и, напротив, счел это хорошим поводом уйти из-за стола. Бывший герольд Гил-Галада даже не подумал извиниться и, вероятно, даже не заметил отсутствия Элендура, благополучно продолжив пьянку.

— Сомневаюсь, что покойный Гил-Галад, как ты утверждаешь, перед смертью назначил тебя своим преемником и отдал тебе свои кольцо и корону! — сказал ему на прощание наследник гондорского престола, с трудом сдерживая гнев. — Наверняка ты просто снял и то, и другое с трупа!

Владыка Имладриса к тому времени уже изрядно залил вином свою нечистую совесть, но прекрасно слышал и понял слова Элендура. Нетрезвое состояние и заплетающийся язык не позволили ему выдать ответную колкость, однако по своей натуре он был эльфом довольно злопамятным и мстительным. Подумав о том, что будет неплохо при первой же возможности отплатить сынку Исилдура за его длинный язык, он снова принялся за вино.

В какой-то момент Элронд налил уже до полной отключки и сначала блеванул теперь уже на стол, а потом, окончательно выпав в осадок, упал во все это рожей и заснул; не захлебнулся он лишь благодаря верному Линдиру, который вовремя вытащил его за волосы из этой гадости и поволок приходить в себя в шатер. Арандур, наблюдавший за всей этой сценой, лишь удрученно качал головой: он был об эльфах гораздо лучшего мнения и даже не думал, что их владыка способен настолько безобразно надраться.

Постепенно все расползлись по кроватям, и лагерь союзных войск погрузился в глубокий сон. Не спал лишь один Исилдур, который, оставшись один, все-таки достал из футляра кольцо Врага и всю ночь просидел, держа его на ладони и пристально разглядывая.

Элендур проснулся рано утром и решил немного пройтись по лагерю, чтобы хоть слегка взбодриться — после вчерашнего он чувствовал себя сонным, разбитым и вялым, и ему, говоря по правде, вообще не хотелось вылезать из постели. Однако выбирать ему не приходилось — деда больше нет, остается только взять себя в руки и держаться, потому что теперь нужно будет еще и присматривать за полусумасшедшим отцом.

Проходя мимо шатра Элронда, он услышал, что оттуда доносятся какие-то странные звуки — судя по всему, бывший герольд Гил-Галада уже изволил пробудиться. Элендур был человеком воспитанным и знал, что подглядывать и подслушивать нехорошо, да он такого никогда и не делал, но тут его разобрало любопытство, и он, заметив в ткани небольшую прореху, осторожно заглянул внутрь. Ему было уж очень интересно понаблюдать за тем, что делает благородный эльфийский лорд после безобразной пьянки, и узнать, как тот себя чувствует.

Как того и следовало ожидать, Элронд сидел на неубранной постели, прижимая ко лбу мокрую тряпку, и громко жаловался на тошноту, боль в голове и желудке, отвратительный привкус во рту и мерзкое состояние. Верный Линдир, вид у которого был также весьма помятый и растрепанный, подавал своему повелителю чашку с рассолом и многословно ему сочувствовал, советуя в следующий раз пить понемножку. Элендур усмехнулся и собрался было уходить, как вдруг Элронд произнес:

— Надо было, конечно, прикончить Исилдура, когда была возможность. Вместе с Гил-Галадом.

Нуменорец похолодел и замер, вслушиваясь в дальнейший разговор.

— Да, этот двинутый видел, как вы Гил-Галада-то... того, пришибли, — поскреб в затылке Линдир. — Он, конечно, совсем сбрендил и вряд ли чего понимает, но все равно... видел же.

— А вдруг к нему рассудок вернется? — надулся Элронд. — Он же тогда всем про это расскажет!

Элендур не мог поверить своим ушам. Он, конечно, знал, что владыка Имладриса — довольно-таки неприятный, надменный и заносчивый тип, но из его слов следует, что он... убил Гил-Галада и теперь намеревается прикончить Исилдура?

— Кирдан будет молчать, он трус и тряпка, я его уже малость припугнул, — продолжал эльф, — а вот насчет этого чокнутого... кто знает! А если еще и учесть, что он у Саурана колечко спер...

— Вы, владыка, должны удобного момента выждать, — почтительно поддакнул Линдир. — Конечно, на Ородруине было бы проще, можно было бы, как всегда, свалить все на Врага, типа, что это он всех поубивал. А теперь придется что-то придумать, чтобы никто не понял...

Старший сын Исилдура осторожно сделал несколько шагов назад, стараясь ступать так, чтобы нечаянно не задеть какой-нибудь камешек или ветку и не обнаружить себя; с похмелья Элронд, конечно, плохо соображает, но лучше поостеречься. В другое время, будь отец в здравом уме, Элендур поговорил бы с ним и постарался объяснить, что от владыки Имладриса лучше держаться подальше и быть начеку, но сейчас нужно было придумать что-то другое, чтобы защитить его и, возможно, даже себя и братьев. И эти слова Элронда о Кольце Врага... так вот, получается, что отец держит в футляре на цепочке?

Где-то часа в два пополудни к эльфийскому владыке прибежал один из его воинов и сказал, что к лагерю пришел какой-то странный человек, по виду из морэдайн. Незнакомец утверждал, что хочет видеть Элронда и поговорить с ним наедине. Бывший герольд Гил-Галада удивился, но решил все же не отказываться от предложения.

На встречу с неизвестным Элронд отправился в сопровождении своего преданного прислужника Линдира. Несмотря на ужасное самочувствие и замыленный после пьянки взгляд, он все же сразу понял, что перед ним стоит совсем еще мальчишка, у которого даже не начали пробиваться усы. Мысленно владыка Имладриса уже торжествовал: у Сауруновых недобитков уже совсем сил не осталось, что они послали на переговоры такого юнца! Оно и хорошо, его будет легко запугать!

— Приветствую вас, великий владыка Элронд, — сказал гость на ломаном Синдарине с грубыми ошибками и низко поклонился. Тот обрадовался еще больше: судя по поведению и тону этого малолетки, он и в самом деле робкий и осторожный, вон как почтительно разговаривает, безо всякой надменности и спеси, столь присущей морэдайн! Да в нем, судя по внешности, еще и явная примесь харадской крови есть, а Черные Нуменорцы, как известно, полукровок ох как не жалуют!

— Что привело вас ко мне, э... не знаю вашего имени? — спросил эльф, дыхнув на переодетого родича таким перегаром, что бедного Маэглина замутило.

— Ломибэль, — ляпнул тот первое, что пришло в голову. — Думаю, вас, о благороднейший из владык, очень обрадует новость о том, что ваш повелитель еще жив... пока... и за определенную сумму мы можем отдать его вам живым и... здоровым — не обещаю, но сами там его подлечите, если получится, — вдохновенно вещал бывший комендант Барад-Дура, сам в душе удивляясь тому, как ему удастся так правдоподобно ломать комедию перед Элрондом и не заржать в полный голос.

Его родственник, и без того зеленый с похмельюги, услышав это, сравнялся цветом лица с крокодиллом из харадских джунглей. Пошатнувшись, будто смертельно раненый, он едва не упал и схватился за плечо Линдира.

— Обрадует? — низко зарычал Элронд, словно разъяренное животное. — Сколько вам заплатить, чтобы никто и никогда в Арде больше его не видел?

Маэглин слегка помедлил, делая вид, что размышляет, а потом озвучил родичу весьма и весьма приличную сумму. Тот злобно скрипнул зубами, поскольку по своей натуре был более чем жаден, но решил, что куда благоразумнее будет все же попробовать договориться с морэдайн. Надо же, какая неудача — мало того, что Исилдур оказался свидетелем его преступления, так еще и Гил-Галад сразу не подох!

— Идет, — с напускным неудовольствием бросил он. — Принеси мне его голову, и деньги твои.

Его собеседник испуганно сгорбился, сжался, плотнее запахнулся в свой черный плащ и попятился.

— Не пойдет, — со страхом в голосе затараторил он. — Если я ему что-нибудь отрублю, все это заметят и рано или поздно узнают, что это сделал я. А вы себе представляете, что со мной тогда будет? — глаза мнимого морадана расширились от ужаса чуть ли не пол-лица. — Господин Девятый Назгул прикажет содрать с меня заживо кожу, а потом бросить в кипящее масло!

Элронд и Линдир переглянулись и зашептались.

— Его нельзя оставлять в живых, — нахмурился бывший герольд Гил-Галада. — Если бы мне не помешали, я бы его добил. Было бы неплохо договориться с этим мальчишкой, чтобы он его прикончил, но слугам Саурана нельзя доверять!

— Придется нам поверить ему на слово, владыка, — сказал его верный собутыльник.
— Иного выхода у нас нет, а от денег никто не откажется.

— А просто убить его ты согласишься? — поинтересовался Элронд. — Ну, так, чтобы никто не заметил, типа, сам от ран или пыток умер... Я тебе дам вдвое больше, чем ты просил раньше, только поклянись мне, что обязательно с ним расправишься!

— Соглашусь, — закивал переодетый Маэглин. — Могу сделать так, что никто действительно ничего не поймет и не заметит. Мы умеем убивать, самый простой способ — это...

— Ты мне тут в подробности не вдавайся! — зашипел его родственничек. — Главное — убей! Жди здесь, через полчаса Линдир вынесет тебе мешок с деньгами. Надеюсь, дотащишь, но перед этим поклянись мне, что прикончишь Гил-Галада!

Тот, мысленно сожалея о том, что Келебримбор не видит этой сцены, принялся в худших традициях древних сказаний призывать в свидетели Великую Тьму, Арун-Мулькэра и еще хрен знает кого, твердя, что непременно убьет короля Нолдор сегодня же вечером, как начальство ослабит бдительность.

— Все будет сделано в лучшем виде, — торжественно подытожил он. — Вы больше никогда не увидите его живым!

Получив от Линдира вожаденный мешочек с деньгами, Маэглин отправился в обратный путь, с удовлетворением поглаживая свою туго набитую золотыми монетами увесистую ношу. Вернувшись в Нуут-Улиму, он сразу же пошел на рынок и купил там в лавке три бутылки самого лучшего кхандского вина, чтобы вечером как следует расслабиться и заодно рассказать Келебримбору о том, как Элронд повелся на мерзкий розыгрыш.

Тъелпе и Дургхаш по достоинству оценили и шутку, и выпивку; оба они были очень рады тому, что владыка Имладриса наконец-то огреб по заслугам хоть за малую толику содеянных им гадостей. Они принесли к вину закуску и от души хохотали, слушая рассказ Маэглина, пока к ним не заглянул Гил-Галад.

— Тъелпе, я тут твой голос услышал, извини, если помешал... — начал было он.

— Заходи-заходи, нам как раз только тебя тут для полного счастья и не хватало, — довольно воскликнул Маэглин. — Кстати, мы с тобой пока еще не знакомы, но давно пора исправить эту досадную оплошность. Я еще один твой брат. Двоюродный. Давай-ка, садись с нами за стол, напиваться тебе пока, конечно, не стоит, но немножко на донышко накапаем. Знаешь, на какие деньги пьем?

— Нет, — растерялся тот, уже понимая, кого видит перед собой, но от неожиданности забыв даже поздороваться.

Маэглин вытащил из-под своего стула тяжелый замшевый мешочек где-то немногим меньше локтя высотой — уж на что он был силен и всю жизнь махал молотом в кузнице, да и то с трудом поднимал его обеими руками — и водрузил его на стол перед братом.

— Полюбуйся, во сколько твой бывший герольд тебя оценил, — сверкнул он своими темными глазами, словно пряча гнев. — Часть я на выпивку потратил, а это все тебе, своему наследнику возьми на пеленки, с твоего поганого прислужника хоть бабла срубил. Я не знаю, какими соображениями ты руководствовался, когда назначил это говно своей правой рукой, но я б ему не то что душеньку свою не доверил, а и выгребную яму чистить, и вообще этот мудака достоин только того, чтобы бросить его живьем в Ородруин.

Гил-Галаду было уже не в диковинку слушать подобные речи от Тъелпе и его родича-орка, но что именно произошло, он не понял и уставился на Маэглина с таким явным недоумением, что тому пришлось по новой пересказывать веселую историю. Когда он закончил, то увидел, что двоюродный брат вместо того, чтобы тоже посмеяться, смотрит на него со смертельным испугом.

— Ты ему поклялся Великой Тьмой, что убьешь меня? — шепотом спросил король Нолдор.

Маэглин расхохотался в полный голос, Келебримбор, который уже устал смеяться, просто улыбался от уха до уха.

— Братишка, хватит тупить, — назидательно пояснил Тъелпе. — Мы не такие простачки,

как Майтимо с Макалаурэ, и не думаем, что пустые слова, чем бы я там ни клялся, что-то значат, а тем более — будто мы обязаны выполнять все, что там кому-то обещано в сердцах или просто ради шутки.

— А если Элронд такой лох, что поверил, так это ж его трудности, — давился от смеха Маэглин. — Он ж меня всерьез за морадана принял. Мало ли чем я там кому поклялся, если я никаких документов при свидетелях не подписывал, это все просто звуки речи, которые действительно ничего не значат, я слово дал, я и обратно взял, хочу — выполняю свои обещания и клятвы, хочу — нет. Так что расслабься, я не собираюсь никого убивать, по крайней мере, пока, — язвительно добавил он. — Надо было, конечно, самого Элронда грохнуть, но это было небезопасно, там куча его друганов наверняка по кустам сидела. Зато я его от Исилдура, надеюсь, отвлек слегка.

7. Мечь, мечь, мечь!

*Ранним утром от князя приехал гонец,
Мне пора собираться на битву.
Не рыдай, ведь война — далеко не конец,
Возноси Хатиману молитву.
Что же, милая, может, увидимся вновь,
А ранения много ли значат?
Люди смотрят на нас, позабуди про любовь,
Ведь жена самурая не плачет!*

Чароит «Жена самурая»

Вот мой ответ — лютая мечь!

Король и Шут

Случившееся на Ородруине повергло Зимрабет в ужас и состояние, близкое к отчаянию — про себя она думала, что даже не смогла бы при желании найти слов, чтобы рассказать кому-либо о своих чувствах. Весть о произошедшем застала ее врасплох — в тот момент ей показалось, будто земля уходит из-под ног, и ей не хватает воздуха. Выйдя замуж в ранней юности, она чувствовала себя как за каменной стеной — ее наделенный властью супруг сам принимал все ответственные решения, требуя от своих людей безоговорочного послушания, и умел выпутаться из любой ситуации, а ей казалось, что все это не зря, потому что он знает, что делает. Теперь привычный мир рухнул — война проиграна, Черный Властелин оказался вовсе не таким всемогущим, как думалось людям, да еще и неизвестно, чем все кончится — с такими ранами недолго и на тот свет отправиться.

Мысль о возможных трудностях в случае вдовства не слишком пугала Зимрабет — дело было не в них. Конечно, ей скоро рожать, но у нее есть деньги, положение в обществе, да и старшие дети случай чего помогут. Ее повергало в панический ужас совсем другое: когда она влюбилась в своего будущего мужа, то по нуненорским меркам была еще совсем юной девушкой. Если бы он ничего не заметил, не ответил ей взаимностью и прошел мимо, не обратив на нее внимания, она, скорее всего, со временем бы просто его забыла, как большинство людей забывают свою первую любовь, выбросила его из головы и впоследствии нашла бы утешение в лице совсем другого человека. Однако Зимрабет, ко всеобщему удивлению, понравилась старшему советнику короля, и вскоре они сыграли свадьбу. Счастью молодой жены не было предела, хотя все вокруг — и мужчины, и женщины — не скрывали своего недоумения по этому поводу. По идее, такому красавцу, как ее муж, все девушки должны были бы толпами вешаться на шею, но на деле все обстояло совершенно иначе: несмотря на то, что Саурон вроде бы как не делал никому ничего плохого, многие люди шарахались от него, как от чумы. Они не скрывали того, что сильно его боятся, и с опаской косились на странную женщину, которая отважилась на близкие отношения с этаким чудовищем.

— Я даже не могу себе представить, как ты соглашаешься делить с ним постель! — как-то раз сказала ей одна из фрейлин королевы Тар-Мириэль. — Если бы он от меня такого

потребовал, я бы, наверное, побоялась отказать, но умерла бы от страха... или потом сразу на себя руки наложила!

Зимрабет такие речи только радовали: во-первых, ей не придется ни к кому ревновать своего мужа, во-вторых, в силу юности и неопытности ей это казалось очень забавным: ведь Зигур такой замечательный, непонятно, чего все так его пугаются?

Время шло, и она все больше и больше понимала, что ее чувство — это даже нечто большее, чем любовь: наверное, примерно то же самое испытывали к своим мужьям Риан, мать ее предка Туора, которая не смогла вынести жизни без своего супруга и умерла на его могиле, и королева Ар-Зимрафель, для которой ее ненаглядный Фаразон был смыслом жизни. Смерть от естественных причин Саурону не грозила, об этом можно было не беспокоиться, а в этой войне Зимрабет надеялась на своего мужа как на каменную стену — ведь он столько раз спасал себя, свою семью и всех вокруг от разных бед и невзгод!

— Не переживай и уж точно не вздумай лить слезы, — напутствовал он ее перед тем, как она, поняв, что у нее будет еще один ребенок, все же согласилась покинуть осажденную крепость. — Все будет в порядке, доверься мне.

Она была уверена, что он знает, что делает, что он снова со всем справится и быстро разделается с врагами, но вместо вестей о победе прислужники Саурона сообщили ей о том, что произошло на Огненной Горе.

Это было чудовищным ударом. Зимрабет, которая обычно была довольно спокойной и сдержанной на проявления чувств, сорвалась и проплакала три дня. Ей казалось, что мир и в самом деле безо всяких преувеличений рассыпался на осколки, и она не знает, как теперь жить и что делать. Однако вскоре отчаяние сменилось жадой страшной мести Исилдуру и Элронду: к счастью, Эрион сказал ей, что жизнь ее мужа вне опасности, и можно было немного расслабиться и успокоиться.

Зимрабет стала напряженно размышлять о том, что же теперь делать. Пока она будет замышлять кровавую месть, войско Запада успеет разойтись по домам, а до Исилдура, кстати, добраться будет куда проще, чем до Элронда. Не будь она в положении, с удовольствием пошла бы к ненавистному троюродному братцу и попросту снесла ему голову, но тут она оказалась связана по рукам и ногам. Ей оставалось лишь одно — искать помощников и союзников, которые не откажутся разделаться с Исилдуром, пока она возится с грудным ребенком. С этой целью она обратилась к приближенным и друзьям мужа.

Однако все вокруг, к ее сильнейшему разочарованию, наотрез отказались ее поддержать — даже собственные дети, которые так любят отца, даже его ближайшие соратники, готовые идти за ним в огонь, воду и хоть на верную смерть!

Келебримбор и Маэглин наотрез отказались что-либо слушать. Если первый, которому всегда очень нравились орочьи традиции, заявил, что женщине пристало думать о том, чтобы быть хранительницей очага и той, что дает жизнь, а не о мести, то второй принялся громко возмущаться и вопить, как это Зимрабет такое вообще в голову

пришло — будучи убежденным в том, что Эарендил его сын, Маэглин очень тепло и даже трепетно относился к тем, кого считал своими потомками по прямой линии.

Единственным, кто вызывал у него неприязнь, был Элронд, но к подобному созданию было трудно питать добрые чувства.

Ульбар начал вещать что-то про Правду Земли и про то, что по их вастакским порядкам убивать безумца — большое злодеяние. Ага, а тому, получается, можно творить все, что угодно?

Моро всецело поддержал товарища и принялся в очередной раз говорить о своих предчувствиях — из его речей Зимрабет не поняла вообще ничего, как ни пыталась.

С Денной она не стала даже заводить разговор на тему мести Исилдуру, потому что прекрасно знала, как Третий себя поведет. Этот юноша производил очень странное впечатление: с одной стороны, он был ничем не хуже других людей, вполне себе разумный, общительный и симпатичный, с другой — как только речь заходила об исполнении приказов Саурона, он словно превращался в бессловесную и безвольную куклу, управляемую всесильным Властелином. Харадский принц был отнюдь не глуп и в ранней юности подавал большие надежды, как поговаривали люди, он был любимцем всей семьи и королевства, родители не могли на него нарадоваться, но потом, взяв у Саурона одно из Колец Власти, он решил посвятить свою жизнь великому служению Тьме. Бросив знаменитый Керананский университет на втором курсе, он ушел жить в Мордор, чтобы биться за идею вместе с другими сторонниками Саурианны; на самого Черного Майа он смотрел как на божество, каждое слово которого свято, и послушаться его не то что боялся — ему даже не приходило в голову, что такое вообще возможно. Верных нуменорцев Денна очень не любил, да и к большинству морэдайн относился довольно предвзято, но если уж Саурианна приказал Исилдура не трогать — все, это не обсуждается, нельзя — значит, нельзя.

С остальными шестью вышло то же самое: Аргор, Эрион, Хонахт и Сайта слишком ценили свое тепленькое местечко либо вовсе не собирались рисковать своей головой.

— Знаете, миледи, — настоятельно посоветовал ей Верховный Назгул, — я вашего супруга знаю уже не первую сотню лет и знаю, на что он способен в гневе. Мне еще жить не надоело, а если вдруг надоест, то я выберу менее жестокий способ самоубийства.

— Пусть сам его убивает, — поддержали его Хонахт и Сайта.

— Я б не отказался немного поэкспериментировать на вашем Верном братце, — задумчиво добавил Эрион, — учитывая, что он, как и все нуменорцы, должен быть достаточно живучим и сразу в моей лаборатории не сдохнет, а люди из рода Элроса вообще славятся своей силой и выносливостью. Однако мне совершенно не хочется злить моего господина и повелителя. Он же меня в свое время от эшафота спас — я на своем слуге и его друге неудачный опыт провел, и меня за это казнить хотели, пусть оба и дали свое письменное согласие на операцию! Вот если бы Властелин мне Исилдура сам для экспериментов отдал — тут бы я развернулся, это было бы очень интересно! Знаете, если он надумает его убить, я вашего мужа попрошу, чтоб сам не убивал, а мне отдал, тогда сможете прийти и посмотреть, вы, наверное, всяких жутких опытов не испугаетесь, а то у

меня порой слуги в обморок падают!

Элвир был не в меру миролюбив, вследствие чего давно попал в немилость к Саурону, а Аглахаду была противна даже сама мысль о том, чтобы поднять оружие против собственного родича, какую бы отвратительную гадость тот ни сделал.

— Мориэль, ты вообще в разуме? — он покрутил пальцем у виска, глядя на племянницу, как на чокнутую. — Какой бы ни был, он сын моего брата, и я знаю его с раннего детства! Поставь голову на место, что это тебя так повело? Если Зигур сочтет нужным, пусть сам с ним разбирается, а я б на твоём месте о таком и думать забыл, вернее, побоялся!

— И ты туда же! — в сердцах воскликнула Зимрабет и пошла теперь уже к старшему сыну. Дядя отказался ее поддержать, все подручные Саурона слишком сильно его боятся, может, хоть дети поймут, что Верного родича после того, что он сотворил, не стоит оставлять в живых? Однако Мортаур, услышав о затее матери, скривился так, словно она предложила ему не за отца отомстить, а сделать нечто в высшей степени омерзительное.

— Mam, ну перестань, что ты к Исилдурю привязалась, в самом деле, — сказал он.

— Видишь же, что он не в себе, что с него взять? Если б у него мозги на место встали, он бы наверняка сам ужаснулся тому, что у него вышло, а так он и сам не понимает, что делает. Ты ж ненавистью к нему еще со времен Нуменора пылаешь. Он за тобой с мечом не бегаёт, ну и пусть сам живёт как знает.

Его жена Алмариэль, которая и в юности не отличалась импульсивностью, а с годами стала вообще очень рассудительной женщиной, встала на сторону мужа и свекра.

— Вы уж меня простите, — сказала она, — но уж если вы замужем за таким, как Властелин, вам не следует ему перечить и делать что-либо против его воли. Потому что я уже давно поняла: он этого не выносит. Я не знаю, что он задумал, возможно, считает, что Исилдур — это его добыча и ему лично принадлежит право с ним разделаться, возможно, что-то еще, но всем нам вообще для нашего же блага не следует соваться в это дело, пока он сам не потребует от нас какой-либо помощи или не раскроет свои планы. Мы, конечно, можем проявить особое рвение и принести Властелину головы его врагов, но я не уверена в том, что это его обрадует. Скорее уж разозлит.

Тхэссу идея матери тоже не понравилась.

— Ну уж нет, мама, — довольно резко ответил он. — У меня семья, дети, младшему вон в этом году первый раз в школу, он и так почитай что все раннее детство из-за войны без меня провел, своих забот хватает. Дело твое, разбирайся с моим дядей как считаешь нужным, но меня в это дело не впутывай. Даже речь больше никогда об этом не заводи, — добавил он, чтобы окончательно пресечь всякие возражения.

Фаразхил своим ответом вообще напомнил Зимрабет Третьего Назгула.

— Мама, что за бред ты несешь? — возмутился он; в отличие от своих старших братьев, он родился и вырос в Мордоре, а потому с раннего детства знал, что слово отца — закон,

и никто не имеет права ему прекословить, что бы он ни говорил. — Папа четко и ясно сказал: если кто тронет Исилдура, тому он собственноручно все кости переломает. Я прекрасно тебя понимаю и тоже терпеть не могу этого придурка, но пока папа не отдаст приказ его схватить или убить, никто ничего делать не будет, уж прости.

Примерно то же самое сказала матери Зимрабит.

Расстроенная и разочарованная Зимрабет вернулась к себе и снова принялась думать над тем, как бы ей отплатить троюродному брату за то, что он сделал с ее мужем. В итоге у нее из-за переживаний заболела голова, но ничего хорошего она так и не измыслила — лишь продолжала злиться на детей и соратников, которые повели себя по сути дела как настоящие предатели. Безусловно, командира на войне нужно слушаться, но до тех пор, пока он поступает правильно; неужели в этой ситуации все они не видят, что Саурон не просто ошибся, но и подверг смертельной опасности себя и других? А если бы этот мерзавец Исилдур все-таки его убил? Что тогда? Эти же все только и знают, что талдычить одно и то же — Властелин не велел, Властелин не велел! Если уж он вдруг не смог постоять за себя, значит, ему должны помочь другие, те, кто всегда был ему поддержкой и опорой! Элронд и Исилдур сдохнут, сначала один, потом другой!

Она пошла к Эриону и попросила у него какое-нибудь снадобье от головной боли; выпив его, мораданэт немного поспала и почувствовала себя намного лучше. Тут у нее внезапно возникла одна хорошая идея. Конечно, она могла оказаться отнюдь не такой хорошей, но чем судьба не шутит, почему бы не прощупать почву, а вдруг получится?

Зимрабет вспомнила о своей подруге детства Гимилбэль — сейчас ее звали Тиндомиэль; она вышла замуж за второго сына Элендила, Анариона, и тоже безумно его обожала..., а еще всю жизнь недолюбливала Исилдура. Кто знает, может быть, она вспомнит о старых приятелях, ведь Гимилбэль никогда не была Верной, а лишь из уважения к покойному супругу делала вид, будто разделяет его убеждения... и что там творится у нее в голове?

Недолго думая, она позвала к себе одного из своих прислужников и дала ему тайное поручение особой важности, благо тот прекрасно говорил на Синдарине и при желании без труда мог выдать себя за коренного жителя Гондора.

— Балкузор, — сказала она, — для тебя есть задание. От его успешного выполнения может зависеть судьба нашего общего дела, нашего Властелина и вообще всей Арды.

— Да, моя госпожа, я сделаю все, что в моих силах, — уверенно пообещал морадан.

Зимрабет достала из ящика стола лист бумаги, что-то на нем написала и, сложив послание в восемь раз, перевязала его черной лентой и запечатала.

— Вот тебе письмо для леди Тиндомиэль Андуниз, она же Гимилбэль, вдова короля Анариона, — она зловеще усмехнулась.

— Я должен его ей передать? Будет исполнено, — произнес Балкузор.

— Погоди, дослушай до конца. Отправляйся в Гондор, в крепость Минас Анор, где живет

леди Тиндомиэль со своими детьми. Однако сразу с ней не встречайся, будь очень осторожен и внимателен и сначала разузнай, что да как. Выдай себя за простолюдина, слугу, рассыльного — кого угодно — и постарайся проникнуть во дворец. Подслушай, о чем говорят между собой королева и ее дети. Если вдруг узнаешь, что они отзываются об Исилдуре хорошо и рады победе — немедленно возвращайся домой, тебе там больше делать нечего. Если же все обстоит совсем иначе и ты выяснишь, что госпожа Тиндомиэль ненавидит брата мужа... отдай ей это письмо лично в руки, обязательно получи ответ и возвращайся ко мне.

— Будет сделано, — морадан преклонил колено и взял у Зимрабет письмо.

Короля Нолдор обуревали очень странные и противоречивые чувства, каких он не испытывал еще ни разу в своей жизни. Вот уже полторы недели он был в гостях у своего брата Келебримбора — или все-таки в плену у врагов? В гости как-никак ходят по своей воле, и что будет, если он попытается покинуть крепость? Иногда ему хотелось спуститься вниз и выйти наружу, может быть, даже посмотреть город, но он не решался зря искушать судьбу.

Однажды вечером он сидел в одном из залов крепости, наблюдая за тем, как садится солнце; от распахнутой балконной двери тянуло прохладой, небо на закате окрасилось в нежный сиренево-розовый цвет, а прямо над крышами домов внизу повис тонкий серп нарождающегося месяца. Гил-Галаду не хотелось ни о чем думать, напротив, он пытался хоть немного отрешиться от своих переживаний и отвлечься от мыслей о том, как жить дальше. Не может же он постоянно отсиживаться за спиной брата, рано или поздно ему все же придется найти себе какое-нибудь занятие, тем более что у него теперь есть семья, о которой надо заботиться. А еще нужно будет наступить на горло собственному страху и попросить-таки прощения у Саурана за то, что возводил на него напраслину и обвинял в том, чего тот не совершал. А что теперь делать несчастному Элендилу? У него все еще хуже — если судить по рассказу Маэглина, никто явно не заинтересован в его воскрешении... возвращении, как это назвать? Вина же за это лежит, к сожалению, на нем, Эрейнионе Гил-Галаде, который, не желая слушать брата и дядьев, сдуру доверился этому негодяю Элронду!

— Привет, — вдруг донеслось от двери. Король Нолдор вздрогнул, услышав чей-то тихий хриплый голос, показавшийся ему совершенно незнакомым, и обернулся, не вставая со стула. В следующее мгновение ему показалось, что по-прежнему невыносимо яркий взгляд Саурана лишил его способности двигаться и говорить. Он не ожидал увидеть его так рано — думал, что тот все еще приходит в себя после сражения на Ородруине, и молча разглядывал его, не зная, что ответить. Простая черная одежда, шея и правая рука замотаны бинтами, но выражение лица не злое, скорее насмешливое.

— Что молчишь, напугал? — негромко продолжал Черный Майа, видимо, ему было все еще трудно говорить, пусть и хотелось пообщаться с когда-то заклятым врагом. — Не переживай, не скушаю. Может, нам стоит поближе познакомиться, раз уж так все вышло?

— Тебе, наверное, стоит пока еще в постели лежать, а не по крепости ходить, — заметил Гил-Галад. — Думаю, что ты прав, но мы еще успеем познакомиться поближе, когда ты окончательно выздоровеешь.

— За меня не беспокойся, — несмотря на то, что Саурон говорил хриплым полусшепотом, эльф уловил в его голосе нотки небрежной самоуверенности. — Я, знаешь ли, сам целитель и прекрасно знаю, когда кому что делать можно, а когда нельзя. За годы практики я отлично научился восстанавливать и чужие тушки, и свою собственную.

Король Нолдор опустил голову.

— Я хочу попросить у тебя прощения. По своему незнанию и глупости я поступил просто отвратительно.

— И что же ты натворил? — усмехнулся майа.

— Ты же сам знаешь. Я думал, что это ты убил Келебримбора и пытал Маэглина. Теперь я знаю, что на самом деле все было не так, но долгие годы я возводил на тебя напраслину, не зная правды. Прости меня, пожалуйста. Ты спас обоих моих братьев от верной смерти, помог Майтимо и Макалаурэ, а я обвинял тебя во всяких страшных преступлениях, которых ты не совершал. Скажи, а про... Эльфов Тьмы — мне мой дядя рассказывал, а я ему не поверил, решил, что это просто жуткая легенда — это тоже правда?

— Да. Это долгая и очень печальная история, причем виноваты в случившемся были не только все Валар, но и мой отец, то есть Мелькор.

Голос Саурона звучал примерно как у человека, сильно застудившего горло, поэтому Гил-Галад, который всегда сочувственно относился к другим, решил его больше ни о чем не расспрашивать.

— Ты мне тогда потом расскажешь. Или я лучше у Тъелпе спрошу, — он остановил Черного Майа на полуслове. — Лучше иди и ложись в постель, тебе говорить больно, я не знаю, как ты вообще это делаешь, да и бледный ты очень.

— Я же сказал, обо мне не беспокойся. У меня от природы очень светлая кожа, причем она на солнце, как ни странно, почти совсем не загорает, пусть и не обгорает. Если бы мне было совсем плохо, я бы сейчас с тобой не разговаривал. Пока я был совсем в ужасном состоянии, Денна не пускал ко мне даже самых близких друзей и родственников. Сейчас все почти в порядке. Ты б лучше за Элендила в свое время так переживал, — Саурон, как всегда, не мог удержаться от иронии и издевки, из-за чего Гил-Галад снова со всей остротой ощутил немного приутихшее чувство вины перед лучшим другом.

Саурон подошел ближе и посмотрел в окно.

— Сейчас небо ясное, но ночью будет гроза, я по воздуху чувствую, — сказал он.

Эльф решил, что он все же в хорошем расположении духа, но не знал, как поддержать беседу, чтобы не нарваться на нечто неприятное.

— Да, я тоже заметил, что немного похолодало, — голос его дрожал и показался ему самому похожим на звучание расстроенной арфы.

— Я тебе уже сказал, что ничего тебе не сделаю, — Саурон словно прочел его мысли.
— Не понимаю, почему все меня так боятся. Хотел бы убить — давно бы убил.

— Можешь себе представить, этот негодяй Элронд собирается на моей сестре Келебриан жениться, — Гил-Галад попытался разрядить обстановку. — А я еще сдуру радовался, что мой герольд счастлив будет!

Саурон резко обернулся к нему — так резко, что эльф даже удивился способности живого существа к столь быстрому движению.

— Жениться? — прохрипел он, при этом его синие глаза стали ярко-алыми, словно огонь в печи в морозный день. — На Келебриан? Да чтоб у него в первую брачную ночь на нее не встало!

Потрясенный до немоты Гил-Галад с трудом выдавил из себя робкую улыбку.

— Беда в том, что она развестись с ним по вашим обычаям не сможет, — продолжал тем временем Саурон уже более спокойно. — Когда поймет, что это за фрукт, поздно будет, да увы. Хорошо вон харадским женщинам, если муж ни на что не способен в постели или просто придурком оказался, так пошла к жрецу и расторгла брак, захотела — вышла за другого, и дело с концом! Кстати, как — не мечтаешь отомстить гаду?

Где-то с минуту эльф молчал, не зная, стоит ли вообще говорить об этом при Сауроне, но потом решил, что хуже уже не будет.

— Если бы речь шла только обо мне, — наконец проронил он, — я бы постарался плюнуть и забыть, пусть он живет как хочет и как знает, я не мстителен, если обидели меня, и все это останется на его совести. Но поскольку он... ладно, ты все равно поймешь, если я попытаюсь солгать или утаить правду, поэтому скажу как есть. Я очень хочу убить своего бывшего герольда. Не из-за себя и даже не из-за того, что он сделал с Тъелпе, мой брат, как я смотрю, вполне способен сам за себя постоять, — тут он замолчал снова.

— И? — Саурон посмотрел на него исподлобья, и в этот момент Гил-Галад заметил, что он очень неловко держит голову — лучше бы и в самом деле не вставал с такими ранами.

— Из-за Исилдура, — наконец решился сказать король Нолдор. — Прости, я знаю, что ты его ненавидишь, но он не виноват в том, что повредился рассудком. Элронд воспользуется этим и убьет его, а потом заберет у него твое кольцо, как уже забрал мое. Тъелпе сказал мне, что он всю жизнь мечтал заполучить в свои когти Кольца Власти.

Маиа внезапно хрипло и глухо расхохотался.

— Я? Его? Ненавижу? Ненавижу?! Да что ты вообще про меня знаешь?!

Примечание к части

Это была последняя глава из тех, что я выкладывала на старом профиле в черновой версии, теперь пойдут принципиально новые.

8. Скрытый враг

Элронд, посоветовавшись со своими вернейшими слугами Линдиром и Глорфиндейлом, решил, что от любезного родича Исилдура однозначно надо избавляться; для этого он придумал хитроумный план. Однако и Элендур, который был уже в курсе коварных замыслов эльфа, не терял времени даром и решил предупредить своего несчастного полубезумного отца. Утром следующего дня он подошел к Исилдуру и сказал:

— Отец, у меня есть очень нехорошие подозрения относительно того, что на самом деле случилось с нашим другом Гил-Галадом.

Тот поднял на него настороженный взгляд, словно пытаюсь осмыслить, что говорит ему сын.

— Будь поосторожнее с Элрондом, ни в коем случае не оставайся с ним наедине, — продолжал Элендур в надежде, что отец его все-таки услышит и хоть что-то поймет. — Он почему-то решил, — осторожно добавил он, чтобы ненароком не спровоцировать агрессию со стороны безумца, — будто бы ты взял себе Кольцо Врага, я случайно услышал, как он говорит об этом с Линдиром! Поэтому будь бдителен, мне показалось, будто он хочет отнять его у тебя под предлогом, что якобы хочет уничтожить.

Взгляд Исилдура на мгновение стал осмысленным, и лицо приобрело вполне нормальное выражение.

— Я действительно его взял, — он посмотрел на Элендура как-то виновато, словно извиняясь и сожалея о случившемся. — Не знаю, зачем, но у меня уже не получается с ним расстаться, не могу объяснить, почему... что...

Больше Исилдур ничего не сказал, но Элендур понял, что его отец, к счастью, еще не окончательно потерял связь с окружающей действительностью и все же немного осознает, что делает. Еще наследнику трона дунэдайн стало более-менее ясно, что вообще происходит. Картина произошедшего представлялась ему примерно такой: Саурон убил в поединке Элендила и тяжело ранил Гил-Галада, однако Элронд счел за лучшее не спасать своего короля, а добить и благополучно занять его место. Несчастный полубезумный Исилдур, которому тем не менее удалось справиться с Сауроном, стал случайным свидетелем преступления Элронда, более того, он еще и присвоил себе Кольцо Врага, которое Элронд тоже мечтает заполучить в свои грязные лапы. Теперь этот негодяй боится, что к Исилдуру вернется здравый рассудок, он вспомнит, как все было, и расскажет другим о его злодеянии, поэтому от него следует избавиться, пока не поздно!

Подтверждение самых худших опасений Элендура не заставило себя долго ждать. Вечером этого же дня Элронд явился к новому верховному королю дунэдайн и принялся настоятельно советовать ему избавиться от вражьей поделки, причем именно с его помощью.

Исилдур некоторое время смотрел на Элронда и слушал, что тот говорит, а потом твердо ответил:

— Да, Элронд, наверное, ты прав. Кольцо Саурона надо уничтожить, и тогда у Врага не будет ни малейшего шанса возродиться и начать очередную войну против сил Запада.

Мерзкая рожа эльфийского владыки расплылась в довольной ухмылке: кажется, жертва клюнула на его удочку, и все идет по плану. Однако Исилдур, несмотря на свое нездоровое состояние, оказался не такой уж легкой добычей и внял предупреждениям старшего сына.

— Я думаю, нам нужно снова подняться на Роковую Гору, — продолжал вещать Элронд, — и бросить Кольцо в огонь. Тогда с Врагом будет покончено раз и навсегда. Тебе стоило сделать это...

— Элронд, давай без сожалений о том, что было сделано неправильно, — резко ответил нуменорец. — Я уже давно все понял. Сейчас главное — избавиться от него.

Они договорились, что вечером этого дня вместе поднимутся на Ородруин и бросят Кольцо в жерло Роковой Горы. Исилдур, помня о словах сына, все это время держался на шаг позади — о том, что произошло во время последней битвы с Сауроном, он помнил крайне смутно, но сказанное Элендуrom не дало ему окончательно утратить рассудок. Элронд постоянно что-то говорил о безоговорочной победе над Врагом и о своей предстоящей свадьбе с Келебриан — да, он знает, что Келеборн и Галадриэль его недолюбливают, но теперь они не посмеют отказать в руке своей дочери преемнику самого Гил-Галада, который к тому же смог сразить Черного Властелина! — но Исилдур совершенно его не слушал, погружившись в собственные мрачные мысли. Тропа к Саммат Наур поднималась вверх между черных и серых камней, лишенных всякой растительности, и королю дунэдайн казалось, что его жизнь уже давно напоминает нечто наподобие местного пейзажа — такая же безрадостная, однообразная и наполненная страхами и тоской. Раньше он никогда не жаловался на память... что же с ним произошло, что он и в самом деле не может вспомнить ровным счетом ничего из произошедшего, если не считать каких-то обрывков — как будто от большого одеяла остались жалкие лоскутки, каждый размером не больше пальца. Неужели он и в самом деле сходит с ума? Нет, надо найти в себе силы избавиться от Кольца и еще сделать так, чтобы оно не попало в руки Элронда...

Там, где мордорские булыжники подвергались разрушительному действию ветра, они стали похожи на высокие каменные изваяния; Исилдур внезапно подумал, что ночью они наверняка выглядят как памятники на кладбище... да, памятники всем его воинам, что сложили здесь головы, и его отцу и брату... когда он вернется домой, надо будет воздвигнуть им памятники... как странно это говорить — дом... нет, Гондор так и не стал его домом... дом был там, в Нуменоре, и его уже не вернуть...

Погружившись в свои спутанные мысли, он сам не заметил, как успел подняться на самую вершину Ородруина; перед ним было жерло Роковой Горы, похожее на огромное озеро с каменными берегами, почти до краев наполненное раскаленной лавой. Элронд тем временем заметно отстал — он не обладал выносливостью верховного короля дунэдайн, и Исилдур стоял на краю огненного провала один. Вспомнив, зачем пришел, он медленно поднял руку, раскрыл футляр, который висел у него на шее, и, несмотря на страх перед

очередной вспышкой боли, достал оттуда Кольцо. Заветная цель была так близка — ему стоило всего лишь разжать ладонь, и вражья драгоценность навсегда сгинула бы в огне, но он почему-то медлил, чувствуя, что не в силах расстаться со своей добычей, не в силах причинить вред сокровищу Саурона...

— Исилдур! — окликнул его кто-то сзади; обернувшись, нуменорец увидел, что уставший и запыхавшийся Элронд наконец добрался до верха и сейчас направляется прямо к нему.
— Уничтожь его! Брось в огонь! Скорее!

— Саурон мертв, — холодно ответил нуменорец, понимая, что просто не сможет переступить через себя. — Зачем уничтожать его Кольцо? Оно может быть нам полезно... к тому же пусть оно будет платой за смерть моих близких, моего отца, моего брата!

Элронд подходил все ближе.

— Пока Кольцо существует, его дух жив! Он вернется! — не то вкрадчиво, не то опасно проговорил он, глядя на Исилдура.

Внезапно король Верных буквально всем своим существом ощутил исходящую от эльфа смертельную угрозу — где-то в глубине его помраченного сознания мелькнула странная мысль о том, что нечто похожее ему не так давно говорил Эллендур, но что именно, с чем это было связано? Однако времени на раздумья у нуменорца не было; повинувшись скорее инстинкту, чем разуму, он поступил именно так, как привык делать в случае внезапной опасности. Выхватив левой рукой меч, он наставил его на Элронда, а в правой зажал Кольцо — сейчас ему было достаточно просто двинуть пальцем, чтобы надеть его.

Элронд, казалось, был сильно удивлен.

— Да что с тобой? — он изумленно поднял брови. — Ты в себе?

Исилдуру его соратник и союзник в этот момент, однако, показался еще более опасным и наводящим ужас, нежели сам Саурон.

— Не подходи ко мне! — отчаянно закричал он и, не убирая меч в ножны, надел Кольцо на палец и исчез на глазах у ошарашенного Элронда. Эльфийский владыка, который действительно имел намерение заговорить зубы ничего не подозревавшему союзнику и по своему обыкновению потом воткнуть в него меч, а потом забрать Кольцо себе и столкнуть труп нуменорца в жерло Ородруина, выдав все за несчастный случай, в недоумении смотрел в пустоту: его замысел с треском провалился. Теперь он терялся в догадках: неужели Исилдур понял, что соратник задумал с ним разделаться, или это всего лишь очередная безумная выходка помешавшегося дунадана, который постепенно перестает осознавать окружающую действительность и сам не знает, что творит?

Тем временем Балкузор, прислужник леди Зимрабет, занялся исполнением приказа своей госпожи. Переодевшись простолюдином и закрыв один глаз черной повязкой —

якобы кривой с детства да еще и плохо видит единственным глазом, потому и в армию не взяли, он пробрался в королевский дворец и попросился в услужение якобы водоносом. К удивлению морадана, его сразу взяли на работу — почти все боеспособные мужчины ушли воевать, и вдовствующая королева Тиндомиэль, привыкшая к роскошной жизни, часто жаловалась на нехватку слуг во дворце.

Долгое время он делал вид, что просто работает, а сам потихоньку приглядывался и прислушивался к происходящему. В скором времени он заметил, что вдова Анариона постоянно выглядит грустной и подавленной и разговаривает исключительно с сыном и дочерьми, да и то по делу, а потом ему удалось услышать, как она в беседе с Менельдилом всю проклинает брата своего покойного мужа.

— Да если бы я могла ему отплатить за все хорошее, что он сделал, я бы голыми руками вырвала ему сердце! — причитала облаченная в траур женщина, вытирая слезы черным кружевным платком. — Моим собственным сердцем всегда был мой Анарион, мой свет, мое солнце, моя душа, а теперь благодаря своему треклятому брату он никогда не придет домой! Я даже не знаю, где похоронен твой отец, чтобы прийти на его могилу и почтить его память подобающим образом, мне, его жене, злой волей судьбы было отказано даже в таких простых вещах, как оплакать своего мужа и проводить его в последний путь!

Менельдил забормотал неуклюжие слова утешения. Его мать продолжала плакать.

— Исилдур втянул наше королевство в войну! — рыдала Тиндомиэль. — Сколько теперь по его вине в Гондоре и Арноре жен без мужей и детей, которым больше никогда не суждено увидеть своих отцов, и я больше никогда не смогу радоваться жизни, зная, что мой Анарион не вернется с войны! Как же я ненавижу твоего дядю, будь он четырежды проклят!

Балкузор, услышав ее слова, обрадовался: его миссия была почитай что выполнена. Теперь ему осталось лишь передать Тиндомиэль послание Зимрабет, и дело с концом. Дождавшись удобного момента, когда вокруг никого не будет, он обратился к королеве на Адунаике:

— Госпожа Гимилбэль, — морадан вытащил письмо, — у меня есть кое-что для вас.

Та поначалу вздрогнула от неожиданности, но сразу поняла, что мнимый водонос вовсе не тот, за кого себя выдает.

— Кто ты такой?! — удивленно спросила она.

— Простой слуга, — почтительно ответил он, — но не дворцовый водонос, как вы думали, а слуга вашей старой подруги госпожи Зимрабет, которая точно так же, как и вы, мечтает отомстить вашему общему родичу Исилдур за все то хорошее, что он натворил. Думаю, вам будет интересно ознакомиться с письмом, которая она приказала передать вам.

В душе озлобленной вдовы затеплилась крошечная искорка надежды.

— Знаете, любезный... не имею чести знать вашего имени... — узнав о том, что перед ней морадан, причем к тому же не самого низкого ранга, она сменила тон и разговаривала с ним теперь уже как с равным себе, а не с обычным слугой.

— Балкузор.

— Так вот, любезный Балкузор, совсем недавно мое сердце было полно любви, и я была любима. Теперь же в нем осталась лишь жгучая ненависть. Моя душа — это выжженная пустошь, на которой уже ничего никогда не вырастет, и я обречена доживать свой долгий век без своего любимого мужа, который был моей опорой и защитой во всем. Виноват же в этом не кто иной, как его брат Исилдур, который, будучи одержимым своей ненавистью к Саурону, вместо того, чтобы просто отбросить врагов назад в Мордор, втянул людей и эльфов в самоубийственную войну, лишь чудом не закончившуюся сокрушительным поражением Гондора и Арнора. Результат... вы видите сами.

Морадан поморщился.

— Ваше королевство обескровлено, как и наши земли. Мы могли бы сейчас спокойно раздавить то, что осталось от Гондора, но нападать на вас просто некому.

Тиндомиэль стиснула зубы и снова промокнула глаза платком. Только теперь она стала понимать, что значит остаться одной. Без Анариона жизнь превратилась для нее в ледяную пустыню, потому что его любовь каждый день согревала ее душу. Просыпаясь утром рядом с мужем, она всегда ощущала тепло его сильного тела и с радостью думала о том, что сейчас они вместе сядут завтракать, и еще один день пройдет с ним; Тиндомиэль никогда не боялась, что может его потерять, и именно поэтому теперь она никак не могла примириться со своим горем. Иногда ей казалось, что она просто спит, это всего лишь длинный кошмар, но стоит ей открыть глаза, и она увидит Анариона живым и здоровым. Ее муж не мог погибнуть! Однако страшный сон все никак не обрывался, и она с еще более ужасающей силой осознавала, что он больше никогда не вернется. Он не вернется, а его старший брат уцелел и придет домой победителем! Почему жизнь так несправедлива?! Это Исилдур должен был сдохнуть, он это заслужил!

Недолго думая, она развернула послание и прочитала то, что написала ей ее подруга детства. Нет, справедливость в мире все-таки есть, и очень хорошо, что хотя бы Зимрабет разделяет ее ненависть к Исилдурю!

— Я буду вам очень благодарна, — обратилась она к Балкузору, — если вы ненадолго задержитесь и подождете, пока я напишу ответ вашей госпоже. Передайте ей, что я согласна на ее предложение. Королем Гондора и Арнора должен стать мой сын Менельдил, а не Исилдуровы отродья!

Сам сын Анариона, присутствовавший при этом разговоре, принес гостю вина и фруктов, чтобы тот мог немного перекусить, пока Тиндомиэль сочиняет послание. Женщина взялась за перо, при этом ни на мгновение не переставая причитать и плакать — видимо, она наконец-то за долгое время нашла благодарного слушателя, которому могла излить свое горе.

— Есть ли у вас жена и дети, почтенный Балкузор? — спросила она, снова вытерев слезы и тяжело вздыхая. — Или еще кто-то из родных?

— Есть, я женат и у меня два сына, — ответил тот. — Правда, я не так давно женился, и мои дети пока что еще маленькие.

— Тогда вы прекрасно меня понимаете! — снова всхлипнула вдова. — Когда-нибудь вы умрете, и ваша супруга умрет, и наверняка тому из вас, кто уйдет вторым, хотелось бы почтить память своего любимого подобающим образом. Родным и близким надлежит приготовить тело покойного к погребению, обрядить его в красивые одежды, положить в гроб или отнести в усыпальницу, оплакать умершего, воздать ему все необходимые почести, воздвигнуть на месте его последнего пристанища достойный памятник, и если ваша жена не сделает этого, все будут считать, что она вас не любила или пренебрегла своими обязанностями! Однако разве я была Анариону плохой супругой, что он заслужил подобное? Я любила своего мужа больше, чем себя, чем саму жизнь, и с радостью отдала бы все оставшиеся мне годы, лишь бы он был жив и здоров! Вместо достойного погребения он обрел неизвестную могилу где-то в Мордоре, и наверняка он похоронен в ней не один, а вместе с простыми воинами, а я, его жена, не смогла обеспечить ему подобающих посмертных почестей!

Стороннему человеку рассуждения вдовы могли бы показаться крайне странными и непонятными — ведь умершему совершенно все равно, где похоронено его тело, главное, что живые о нем помнят и не перестают его любить, но Балкузор прекрасно понимал причину переживаний королевы Тиндомиэль. Согласно обычаям морэдайн, родственники покойного обязаны были почтить память близкого человека самым что ни на есть наилучшим образом, и даже самые бедные и незнатные представители этого народа (хотя таковые встречались редко, в основной своей массе Черные Нуменорцы были очень даже обеспеченными людьми) старались не жалеть денег на похороны, поминальный обед, погребальное одеяние для мертвеца, памятник или усыпальницу и так далее. Чем пышнее был обряд, тем более одобрительно высказывались о нем другие морэдайн, и теперь Тиндомиэль, воспитанная в таких традициях, невообразимо переживала не только из-за потери горячо любимого супруга, но и из-за того, что не смогла должным образом проводить его в последний путь — ее бывшие соплеменники наверняка сказали бы, что она плохая жена!

Закончив писать, она свернула пергамент в трубочку, запечатала и подала Балкузору.

— Вот мой ответ госпоже Зимрабет. Передайте вашей повелительнице, что мне нравится ее предложение и я согласна с ней встретиться.

— Хорошо, — морадан принял послание и низко поклонился.

Примечание к части

Новая глава, которой не было в старой версии.

9. Свет во тьме

Элронд чувствовал досаду, разочарование и злость: его прекрасный план по устранению нежелательного свидетеля, как ни странно, не удался. Оказалось, что Исилдур все же не окончательно спятил и умудрился непонятным образом почувствовать в эльфийском владыке врага! Вернувшись к своим друзьям Глорфиндейлу и Линдиру, он рассказал им обо всем, снова выпил с ними вина и лег спать, а наутро решил, что придется искать другой способ разделаться с нуменорцем.

— Ну вы не волнуйтесь так, владыка, — успокоил его Линдир. — Во-первых, Мордор — место опасное, и хотя вы благополучно убили Саурона, можно быть уверенным в том, что по этим землям бегает еще довольно много его прислужников, в силу слепой преданности Врагу мечтающих подороже продать свою жизнь и забрать с собой в могилу побольше наших.

Элронд, который только что опохмелился, прекрасно понял намек.

— Правильно, Линдир, — с улыбкой протянул он. — Я слышал, что этот безумец собирается отдать своим людям приказ разрушить Барад-Дур и обшарить его подземелья. Если он наткнется в черной крепости на что-то очень нехорошее, вы с Глорфиндейлом, конечно же, не станете вмешиваться.

— Ну разумеется, — пропел его подручный. — Мне что, жить надоело?

— Конечно, нет, Линдир, ты мне нужен живым и здоровым. Поэтому, разумеется, если Исилдур попадет в беду, тебе не стоит ему помогать. Более того, будь внимателен. Если вдруг он окажется где-нибудь один... думаю, ты догадываешься, что тебе нужно сделать.

Эльф кивнул.

— Разумеется, а вину можно возложить на кого угодно. Мало ли тут всяких фанатиков по Мордору бродит, если что — так это один из них и сделал. Или еще несчастный случай подстроить... в горах, например, обвалы случаются...

— Молодец, правильно мыслишь, — похвалил его бывший герольд Гил-Галада.

У Линдира тем временем родилась еще одна идея.

— Если же вдруг у нас не получится разделаться с ним в Мордоре...

Элронд посерел от злости и хотел было сказать своему прислужнику какую-нибудь колкость, но подручный быстро закончил фразу.

-...заманите его к нам в Имладрис и там убейте.

Выражение лица Элронда переменилось в считанные секунды — теперь он вместо того, чтобы наорать на подручного, блаженно заулыбался.

— Молодец, Линдир, — снова ответил он.

— Не забывайте, что у вас во дворце его жена и младший сын, — напомнил ему прихлебатель. Глорфиндейл, который стоял за его спиной и поддакивал, при этих словах встрепенулся.

У владыки Имладриса тут же созрел гениальный план.

— Так, слушайте меня внимательно и запоминайте, что делать. Конечно, по возможности нам нужно избавиться от Исилдура еще в Мордоре, и тут мы уже все придумали. Если же не выйдет... теперь он король не только Гондора, но и Арнора, и у нас в Имладрисе его родственники. Он обязательно поедет в Арнор, я сам слышал, как он высказывал такие намерения. Здесь у нас два варианта, как действовать: либо заманить его к нам в гости и убить, обставив все как несчастный случай, либо... сделать так, чтобы до Имладриса он просто не добрался! По Средиземью бегают много слуг Врага, на которых можно свалить вину, орки, горные и пещерные тролли, варги, вастаки, кхандцы и харадрим...

— Какой вы умный, владыка Элронд! — восхищенно воскликнул Линдир.

*

Элендур вздохнул с облегчением, когда его отец все-таки вернулся с Роковой Горы живым и невредимым, однако он помнил о замыслах Элронда и понимал, что тот не откажется от идеи претворить в жизнь свой коварный план, тем более что Исилдур так и не уничтожил Кольцо Врага. Поэтому он старался по мере возможности находиться рядом с отцом и внимательно следить за тем, кто подходит к нему близко. Новый верховный король дунэдайн по-прежнему так и не мог рассказать старшему сыну ничего связного о том, что все же произошло на Ородруине, и Элендuru оставалось лишь теряться в догадках.

Радость победы омрачилась для нуменорцев еще одним трагическим событием: Валандур получил письмо от подруги своей жены Вардильмэ, которая сообщала, что его супруги больше нет в живых. Постоянные неудачные попытки обзавестись потомством, переживания и слезы по этому поводу очень серьезно подорвали здоровье бедной женщины, и еще до отъезда мужа на войну она тяжело заболела; встретиться снова им, к сожалению, было уже не суждено. Валандур все это время надеялся, что Вардильмэ все же оправится от своего недуга, но ей не помогли ни нуменорское происхождение, благодаря которому дунэдайн были куда более живучими, чем представители других народов, ни лучшие целители. Жуткое известие повергло его в ужас и глубокую скорбь, и целый день он молчал, глядя в одну точку и погружившись в свои мрачные мысли, а потом сказал Элендuru:

— Знаешь, меня с детства учили, что люди, которые живут праведно, будут вознаграждены по заслугам, и их рано или поздно ждет благоденствие. И что же? Когда я женился, то надеялся иметь детей, состариться и умереть в кругу семьи. Теперь мои родители умерли, моя жена умерла, дети тоже либо мертвы, либо даже не родились... я остался один на этом свете, хотя всегда старался поступать так, как меня учили! Тебе не

кажется, что я заслужил хоть каплю счастья?

Тот подумал, что будь живы его дед или прадед, точно сочли бы подобные речи кощунственными, но не мог не признать, что в какой-то мере Валандур прав, и кивнул.

— Конечно...

— Теперь мне уже не на что надеяться, — угрюмо произнес убитый горем вдовец. — Так и придется доживать свой век в одиночестве. Ни жены, ни детей, ни родных, да и лучший друг мой, твой отец... — он осекся, но все же продолжил, — ты сам видишь, что с ним творится.

Элендур снова кивнул: не было смысла отрицать очевидное и тем более на него обижаться. У дунэдайн не были приняты повторные браки, и если овдовевший харадец или вастак вполне мог взять себе вторую жену, то Верный нуменорец, даже если его супруга умерла меньше чем через год после свадьбы, не оставив ему детей, был благодаря такому обычаю обречен на вечное одиночество. Более того, если арузани и представители других народов спокойно относились к тому, что человек, не состоящий в браке, завел себе кого-то просто для удовлетворения телесных потребностей, то традиции Верных тоже не позволяли подобного — случись такое, от человека бы в лучшем случае стали все шарахаться, пусть даже и не говоря ничего, и он оказался бы изгоем среди своих, в худшем подвергся бы публичному осуждению.

— Ты хоть знаешь, что с твоей семьей и где они похоронены, — ответил он. — У меня же тоже были жена и дети, но я понятия не имею, что с ними случилось — убиты или в плен к морэдайн попали. Одно другого не слаще, вернее, второе даже хуже. В одном я уверен — что их уже давно в живых нет. Остается надеяться, что они хоть умерли без мучений. Так и будем мы с тобой свой век в одиночестве доживать. У меня, правда, хоть братья есть, сейчас война закончилась, так отец с матерью им невест подыщут, у них свои заботы появятся — может, я хоть с племянниками повозиться смогу.

— Твой отец в ближайшее время собирается предпринять попытку выкурить из Барад-Дура тех, кто там еще прячется, — опустил голову Валандур. — Я очень надеюсь, что меня там убьют, и на этом мои мучения закончатся. Как-то раз в детстве я слышал рассказ заезжего торговца о том, что некоторые народы верят в преисподнюю, куда после смерти попадают души тех людей, что при жизни совершили много злых поступков. Я думаю, что если эта преисподняя и существует, то она здесь, и чтобы в нее попасть, не нужно совершать злые поступки. Достаточно родиться в неудачное время в неудачном месте, и ты больше не выберешься из этого. Ведь есть люди, которые постоянно творят зло, даже служат Врагу, не чтят ни Валар, ни Эру Единого, и все-то у них благополучно, и жены живы, и дети здоровы, и дом — полная чаша. Нам же вот всем с детства не везет, не помню я в своей жизни ни единого светлого дня.

Элендур промолчал; ему подумалось, что покойный дед или прадед наверняка сочли бы слова Валандура вопиющим кощунством — ведь Амандил всегда утверждал, что жизнь прекрасна, что бы ни происходило, и каждый человек должен быть в любых обстоятельствах благодарен Эру Единому за то, что тот ему ее даровал, но, будучи от природы отнюдь не глупым, старший сын Исилдура не мог не видеть очевидного. Чему

теперь радоваться бедному Валандуру — тому, что он остался один на всем белом свете?

*

Исилдур дал своим людям приказ не терять бдительности и, несмотря на то, что Барад-Дур казался пустым и безжизненным, быть предельно осторожными — слуги теперь уже мертвого Врага по-прежнему опасны и могут отомстить, нанеся подлый удар исподтишка. Выждав пару дней, он все же собрал большой отряд, состоящий из наиболее отважных людей и эльфов, вызвавшихся пойти добровольцами, и отправился с ними в крепость Саурона. Среди тех, кто решился первыми войти во врата Барад-Дура, были также Линдир и Глорфиндейл, но они пошли за Исилдуром отнюдь не потому, что славились своей храбростью. Их повелитель дал им наказ всячески следить за происходящим, по возможности стоя позади, и ни в коем случае не вмешиваться, если кто-то из прислужников Саурона станет убивать верховного короля дунэдайн, а если представится возможность, то и незаметно прикончить его самим, естественно, свалив вину на кого-нибудь другого.

Валандур и Арандур тоже добровольно вызвались пойти со своим королем, но если Арандур сделал это лишь по причине того, что был всецело предан Исилдуру и считал, что обязан ему и жизнью, и спасением от страшной участи прислужника зла, то окончательно отчаявшийся и убитый горем Валандур в душе надеялся на то, что во вражеской цитадели его просто убьют, и на этом все его мучения закончатся.

Люди и эльфы Запада беспрепятственно вошли в крепость, которую никто не оборонял. Исилдуру, державшему меч наготове, показалось, что ворота и закрыты-то были напрасно, скорее просто для виду, а не для того, чтобы никто не мог проникнуть внутрь. Неужели Барад-Дур и в самом деле покинут, и это не ловушка? Что все это может значить?

— Будь очень внимателен, — настоятельно попросил он старшего сына, который держался рядом с ним. — Враг хитер и коварен, и это может быть западней. Я не верю в то, что все его слуги до последнего покинули крепость, и кто-то из них вполне может, прячась за углом или еще в каком укромном месте, воткнуть тебе меч в спину.

— Нет, отец, не похоже, чтобы здесь кто-то был, — недоверчиво ответил Элендур, пристально осматривая пустой крепостной двор. — Разбежались Саурановы слуги, как только узнали, что ты его прикончил.

— Не будь наивным, — жестко оборвал его Арандур. — Я в свое время вынужден был провести всю юность среди фанатиков, которые поклонялись Тьме, и знаю, что это за личности, да и некоторые их секреты тоже мне известны. В те годы я слышал в Храме от старших жрецов, что Барад-Дур — не просто крепость, а настоящий лабиринт, и тут есть великое множество подземных ходов, из которых на нас может вылезти все что угодно. Так что держи ухо востро, а оружие в руках!

Исилдур переменялся в лице и угрюмо сдвинул брови.

— Он все правильно говорит, — поддержал он Арандура. — Элендур, смотри по

сторонам, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Тот едва заметно кивнул. Он заметил, что отец, как ни странно, в этот день ведет себя с раннего утра вполне адекватно, но не имел никакого понятия о том, почему он все время так опасается за его жизнь и недавно не взял его с собой на Ородруин — ему казалось, что это обычное беспокойство родителя за своего ребенка, ну да, может, чуть более сильное, чем у всех, но отец все-таки не совсем в себе. Естественно, что в случае серьезной опасности любой человек, имеющий в груди сердце, а не камень, безо всяких оговорок пожертвует собой ради своего сына или дочери — и он сам поступил бы именно так, если бы смог защитить кого-то из своих детей во время нападения на Минас Итиль. Однако Исилдур никогда не говорил старшему сыну о повторяющихся ночных кошмарах, которые преследовали его со времени появления Элэндура на свет, когда-то и дело ему виделось, как Саурон его убивает — то еще совсем младенца, то уже взрослого. Теперь Враг был уже мертв, но можно ли считать, что опасность миновала? С него станется нанести внезапный удар даже из могилы руками своих фанатичных приспешников.

— Хорошо, отец, ты тоже береги себя.

Внутри крепость тоже оказалась совершенно пустой, кроме того — она произвела на Верных очень странное впечатление. Элэндур сразу вспомнил свое бегство из Нуменора, и ему показалось, что враги покидали Барад-Дур явно не в спешке, похватав самое ценное, что можно сунуть в сумку или заплечный мешок и бежать. Никаких опрокинутых стульев, раскрытых шкафов, из которых вывалено на пол все содержимое, крепость выглядит... странно даже так думать — как обычный жилой дом, будто прежний хозяин выставил его на продажу вместе со всей мебелью, а личные вещи забрал с собой на новое место. Мордорцы просто ушли отсюда, причем ушли тихо и спокойно, а не бежали в спешке, объятые ужасом. И что же все это означает?

— Если увидите где еду или напитки, не вздумайте трогать, — строго предупредил своих людей Исилдур. — Даже если вам очень хочется пить, пейте только из своей фляжки. Мордорцы могли нарочно отравить все съестное, откусите от румяного яблочка, тут вам и конец в страшных мучениях придет.

Арандур поморщился.

— С них станется. Мой отец в Тайной Страже служил, так он время от времени именно этим и развлекался — его подручные морили арестованных голодом и жаждой, а он потом играл в добренького и предлагал им кусок хлеба или стакан воды. Те с жадностью хватали угощение, но не подозревали о том, что оно отравлено — человек выпивал воду и умирал в чудовищных мучениях, а морэдайн это казалось очень смешным: папаша мой вечером домой приходил и хвастался своими «подвигами», при этом мать его слушала и тоже веселилась! Если увидите что-нибудь подозрительное, красивое или интересное, тоже ни в коем случае к этому не прикасайтесь, а то возьмете со стола серебряное блюдо, и под вами пол провалится, — добавил он. — Вы мои слова мимо ушей не пропускайте, — он заметил недоверчивое выражение на лицах двух молодых воинов, — я среди слуг Саурона все детство провел, знаю некоторые их милые хитрости. С виду-то все безобидно, а как дотронешься до обычной вещи, так прощайся с головой.

Исилдур утром того дня и в самом деле чувствовал себя немного лучше, чем обычно — ночью ему необъяснимым образом удалось поспать на пару часов дольше, и теперь он даже мог относительно адекватно воспринимать реальность. Его друзья и старший сын, понимая его состояние, старались по мере возможности поддерживать безумца, в душе надеясь на то, что рано или поздно к нему вернется разум, и он станет прежним. Сегодняшний день вселил в их сердца надежду: неужели у Исилдура все же есть возможность прийти в себя?

Помня о том, что замыслил Элронд, Элендур в оба глаза следил за Линдиром и Глорфиндейлом; пока что их поведение не вызывало у него подозрений, но он все равно старался не расслабляться, поскольку ему одновременно приходилось приглядывать за отцом, смотреть, чтобы из-за угла на них не напали вооруженные враги, и не спускать взгляда с прислужников Элронда. Еще никогда в своей жизни старший сын Исилдура не испытывал такого страха: даже в Нуменоре, живя в окружении арузани, он чувствовал себя в большей безопасности, потому что, по крайней мере, знал, что это враги и от них ничего хорошего ждать не приходится. Тут же зло против них замыслили те, кого они считали друзьями и союзниками, а Элронд, если судить по его словам, так вообще добил на Роковой Горе раненого Гил-Галада.

Воины Запада осматривали зал за залом, комнату за комнатой, но так и не обнаружили там никаких признаков жизни. Напротив, все, как и показалось Элендурю с первого взгляда, выглядело так, словно обитатели Черной Крепости покинули ее вполне сознательно, забрав все самое ценное, а бросили лишь то, что не жалко, да и нести тяжело. Интересно, куда они все-таки ушли? Может, у них есть какое-то тайное укрытие или они прячутся в подземных ходах, о которых говорил Арандур?

Своими подозрениями он, недолго думая, поделился с отцом. Тот, внимательно выслушав сына, отдал добровольцам новый приказ — тщательно осмотреть все крепостные сооружения на предмет наличия возможных подземных ходов и укрытий, но, поскольку здание было далеко не маленьким, отряду пришлось разделиться. Элендур поначалу вздохнул с облегчением, когда Линдир и Глорфиндейл свалили в южную часть крепости, но тут отец велел ему самому взять с собой часть отряда и проверить нижние ярусы северной части. Это ему совсем не понравилось, потому что он не хотел оставлять своего отца одного.

— Прости, пожалуйста, — робко проговорил он, боясь, что тот разозлится, — но я бы хотел быть рядом с тобой и прикрывать тебе спину. Мало ли что.

— Не надо, — жестко ответил Исилдур.

— Отец, я тебя умоляю...

Тот сразу вспомнил свои кошмары с участием Саурона, и страх вернулся в его сердце с новой силой. Нет, такого он допустить не может — только не Элендур! После гибели Нуменора привычный мир разрушился, разлетелся в пыль, а на смену прежним чувствам пришла пустота, которая поглотила его почти целиком, не оставив ничего, кроме невыносимой боли. Трудно было начать все сначала теперь уже на материке, но у него были отец, мать, брат, жена, дети, друзья, и это позволяло ему хоть как-то держаться.

Однако есть люди, над которыми как будто с самого рождения навис какой-то злой рок, и их преследуют постоянные несчастья: Исилдур время от времени казалось, что он как раз один из них. Стоило ему спастись от Ар-Фаразона и морэдайн, как сначала умерла мать, потом в бою за Минас Итиль погибла вся семья Элендура, мордорцы убили Анариона, Саурон разделался с отцом... он просто не мог позволить старшему сыну стать очередной жертвой козней Врага. Он чувствовал себя в ответственности за его жизнь и благополучие, и теперь, с одной стороны, он был не в состоянии постоянно прятать Элендура от всех опасностей и невзгод — все-таки он взрослый мужчина и воин, и в глазах других людей такое было бы несусветным позором, покойный Анарион вон уже выставил себя на посмешище, с другой — как отец Исилдур был обязан сделать все возможное для того, чтобы спасти его от смерти.

Повинуясь внезапно вспыхнувшему ужасу, он резко развернулся, схватил старшего сына за плечи и встряхнул его с такой силой, что тот с трудом удержался на ногах, ударившись спиной о каменную стену с выложенной на ней мозаикой из вулканического стекла; тяжелая кольчуга Элендура звякнула на удивление противно и жалобно.

— Я сказал — нет, — грубо бросил он, в то же мгновение пожалев о таких резких словах — все-таки перед ним его родной сын, самый близкий на свете человек!

Элендур смотрел на него не то с удивлением, не то с печальным укором, и Исилдур сразу почувствовал себя еще более неуютно.

— Прости, — смягчился он. — Я не хотел на тебя кричать, но ходить со мной действительно не надо. Со мной идет Валандур, и мы, если что, от врагов отобьемся. Если же не отобьемся... по крайней мере, ты останешься в живых, потому что кто-то должен править нашим народом и увести наше войско из Мордора! Кто-то должен жить, не ты, так я, — голос его сейчас звучал почти умоляюще. — Иди, куда я сказал. Арандур отправится в западное крыло крепости, Валандур со мной вон туда.

Старший сын Исилдура снова печально кивнул.

— Хорошо, отец, как ты скажешь. Только... береги себя.

*

Исилдур и Валандур внимательно осмотрели всю восточную часть крепости Врага; день уже начинал клониться к закату, и они чувствовали себя изрядно уставшими, зато это занятие, по крайней мере, сильно отвлекло Валандура от тяжелых мыслей о его неудавшейся семейной жизни.

— И не лень же Саурону было все эти бесконечные коридоры и залы строить, — угрюмо проворчал себе под нос кто-то из нуменорцев. — Кажется мне, что мы, мой король, так тут ничего и не найдем.

— Не найдем и не найдем, значит, просто вернемся в лагерь, а потом снесем все здание до основания, — ответил Исилдур, которому, впрочем, почему-то упорно казалось, что в крепости кто-то или что-то есть. — Все равно бдительности не теряйте. Мы еще не

знаем, что остальные в Барад-Дуре обнаружили, не хочется о таком думать, но их может уже и в живых не быть.

— Хм, мне кажется, в этой части крепости на нижних ярусах всего лишь хозяйственные помещения, — успокоил его Валандур.

В какой-то момент Исилдуру и самому показалось, что так оно и есть, пока в одной из опустевших запыленных комнат, которая, судя по всему, раньше была кладовой, он не заметил дополнительную дверь в стене — низенькую, маленькую, от силы в половину человеческого роста. В глаза ему бросилось то, что паутина на ней была совсем недавно сорванной — судя по всему, туда кто-то заходил!

— Мой король, мне кажется, нам пора возвращаться, — напомнил ему один из воинов, — скоро стемнеет.

— У нас с собой факелы, — ответил Исилдур и покрутил ручку сначала влево, потом вправо. Дверь открылась, и за ней глазам нуменорцев предстала каменная лестница, ведущая куда-то вниз.

Кто-то ахнул от удивления.

— Вот мы и нашли то, что искали, — удовлетворенно произнес верховный король дунэдайн. — Арандур был прав насчет подземных ходов. Я пойду туда. Кто хочет — за мной, силой никого тащить не стану, это может быть более чем опасно.

Недолго думая, он зажег факел и, держа его в правой руке, а меч в левой, решительно шагнул вперед. Чтобы пройти в низкую дверь, ему пришлось согнуться вдвое, но сразу за порогом потолок снова стал выше, и он смог выпрямиться. Валандур, не колеблясь ни единого мгновения, последовал за ним. Лестница оказалась довольно длинной, и внизу было сыро и холодно — неудивительно, все-таки это подземелье, тут не может быть ничего приятного. Исилдур все сильнее ощущал чье-то присутствие в этом месте, и ему это совершенно не нравилось.

— Мне кажется, что здесь кто-то есть, — сказал он Валандуру. — Будь осторожен, мне это не нравится.

Они шли, шли и шли — дорога казалась бесконечной, но пока что они так никого и не встретили. Дальше длинный подземный ход разделялся на два коридора; несмотря на свое недавнее желание поскорее умереть, лучший друг Исилдура ощутил леденящий страх — а что, если в этом темном мрачном подземелье их завалит песком и землей, осыпавшимися с потолка, и они медленно умрут от удушья, будучи не в силах позвать на помощь? Что, если заблудятся во вражьем лабиринте и не найдут дорогу назад?

— Куда теперь? — спросил он. — Направо, налево?

— Давай направо, — Исилдур сказал первое, что пришло в голову. — Наверное, я все-таки ошибся и тут никого нет. Пройдем вперед немного, а потом вернемся. Элендур там уже небось с ума от страха сходит и думает, что со мной что-то случилось.

— Хорошо, — чуть слышно ответил его товарищ, которого вместо мыслей о смерти уже волновало, как они выберутся из этого жуткого места. — Завтра же нужно заняться сносом здания. Если в подземных ходах и осталась какая нежить, она просто не выберется наружу, и все — тихо сдохнет в темноте.

— Или останется влачить жалкое существование в развалинах Барад-Дура, — возразил Исилдур. — Вражьи тварей так просто не убить.

Внезапно огонь факела высветил впереди каменную стену — коридор оканчивался тупиком — и небольшое углубление, в котором нуменорцы заметили чьи-то фигуры; это явно были люди либо орки. Крепко сжимая в руке меч, король дунэдайн повернулся лицом к возможным врагам, успев подумать о том, что чутье все-таки его не обмануло, и встретился взглядом с одним из них. Это мгновение он запомнил навсегда: перед ним стоял не морадан или орк, а невообразимой красоты светловолосая эльфийка, почему-то облаченная в харадский доспех. Ее зеленые глаза были полны решимости, затаенного страха и отчаяния и вместе с тем какого-то пронзительного внутреннего света, а в руке она сжимала обнаженный меч, который безо всякого страха наставила на застигнувших ее врасплох врагов. Второй враг оказался харадкой лет двадцати пяти тоже в полном боевом облачении. Впервые в жизни Исилдур растерялся и не знал, что делать — он никогда в жизни не дрался с женщинами и уж тем более их не убивал, разве что совершенно случайно, когда в горячке боя ты не разбираешь, кто бросился на тебя с оружием. Возможно, для него все могло бы в этот вечер закончиться очень плохо, но положение спас Валандур: он, по всей видимости, понял, что харадка — далеко не опытный воин, и, выбив у нее из руки оружие, приставил ей к горлу экет.

— Бросай меч, — обратился он к золотоволосой эльфийке, — и она не пострадает. Мы не воюем с женщинами. Тронешь кого-то из наших — умрете обе.

Исилдур по-прежнему стоял в безмолвии; наверное, если бы эта женщина сейчас и в самом деле попыталась его убить, он оказался бы не в силах дать ей отпор. Что делает такое прекрасное воплощение самого света в сердце твердыни Тьмы и средоточии зла? Неужели это снова козни Врага? Ему внезапно вспомнилась картинка из старой книги, что он читал еще в Нуменоре: такая же прекрасная эльфийка со светлыми волосами. Был бы у него тогда выбор...

Эльфийка тем временем сначала внимательно посмотрела на Исилдура, потом на свою дрожащую от ужаса спутницу и медленно опустила — даже не бросила — свое оружие на землю.

— Не трогайте ее, — сказала она, дерзко и смело глядя Валандуру в глаза, в ее движениях и манере держаться были заметны и гордость, и несгибаемая сила. — Я сдаюсь. Отпусти Айор.

Кто-то из воинов протянул Валандуру веревку; тот убрал меч от горла харадки, но связал ей руки за спиной. Исилдур молчал, не сводя глаз с эльфийки, и не говорил ни слова. Та окинула нуменорцев снисходительным взглядом.

— Вы обе пойдете с нами, — резко бросил Валандур и повернулся к своим за второй веревкой, но светловолосая лишь презрительно повела плечом.

— Боишься меня, да? Не трудись, мне можешь руки не связывать, я пойду с вами сама, если только вы пообещаете мне не трогать Айор.

— Договорились, — Исилдур наконец-то вмешался в происходящее. — Ты идешь с нами, но только попробуй что-нибудь вытворить. Нас много, и у нас оружие.

Та нехотя кивнула.

— Я надеюсь, в этом не будет нужды.

10. ...и встретишь ты, когда не ждешь...

— Ну вот, вляпались мы с тобой — даже и говорить нечего, — Айор чуть не плакала.
— Надо было слушать Саурианну, он нам все правильно советовал... наверное.

— Не переживай, — утешила ее Аллуа. — Я и не в таких передрыгах бывала, и ничего, каждый раз как-то выбиралась и отбивалась. Уж и в этот раз как-нибудь да выберемся, ты только не паникуй.

— Все равно мы с тобой могли бы здесь и не оказаться, — девушка шмыгнула носом, кутаясь в плащ. — Побоялись вылезать из крепости, когда вокруг полно врагов, не были уверены в том, что они не стерегут выходы. Решили вопреки словам Саурианны переждать несколько дней, пока противник снимет осаду, и пересидеть это время в укрытии, а потом беспрепятственно уйти. Ничего у нас не вышло!

— Да, конечно, лучше бы мы его послушали, — согласилась с ней Аллуа, — только что теперь сделаешь, нет смысла сожалеть о прошлом, тем более что Саурианны уже и в живых-то нет. Впрочем, ты все равно не паникуй и не переживай, мы отсюда обязательно выберемся. Они нас не покалечили, не пытали и не убили, так что успокойся и прекрати плакать. Попробуем договориться, все-таки это дунэдайн, и они как-никак люди, а не Валар, обычные чувства им не чужды, они не будут никого убивать из прихоти.

Прошлым вечером Верные привели Айор и Аллуа в свой лагерь и оставили там в отдельном шатре пол охраной; по их разговорам между собой эльфийка поняла, чем закончилось сражение на Ородруине да и вся война вообще. Никто не пытался их оскорблять или бить, но Айор все равно была напугана до полусмерти, в то время как ее подруга старалась сохранять спокойствие. Так они провели почти сутки — дунэдайн принесли им еду и воду, но не пытались с ними разговаривать, чем привели харадскую жрицу в еще больший ужас — она ждала самого худшего.

— Аллуа, что с нами теперь будет? — причитала она. — Денна не знает, где мы, а то бы он нас выручил...

— Ага, еще сам попал бы в переделку, придумай что-нибудь поумнее, — эльфийка толкнула ее локтем в бок. — Еще раз повторяю: прекрати, выберемся. Что ты, в самом деле, хнычешь, как ребенок, которого в школе за невыученные уроки отругали? Тебя голодом не морят, не бьют и в цепях не держат, вон даже руки развязали, так что молчи, нечего плакать, все могло быть куда хуже. Ложись-ка ты лучше спать, благо чистой постелью нас тоже снабдили и тебе не придется мерзнуть на голой земле. Утро вечера мудренее, я уверена, что рано или поздно они скажут, чего от нас хотят.

Пока что нуменорцы обходились со своими пленниками вполне неплохо, поэтому Аллуа, в отличие от Айор, не опасалась, что они могут причинить им вред. Жрица Гневного Солнца с недоверием посмотрела на свою подругу, но сочла за благо все же ее послушаться. Она забралась под шерстяное одеяло и закрыла глаза, пытаясь заснуть. Аллуа тоже подумала, не лечь ли ей спать, как вдруг в шатер заглянули двое дунэдайн. Айор, еще не успевшая задремать, замерла, еле дыша и в душе надеясь, что они ее не тронут и не обратят на нее внимания; эльфийка же безо всякого страха посмотрела на

нуменорцев.

— Наш король желает говорить с вами, — произнес один из них, — но если уж ваша спутница спит, к нему пойдете вы одна.

— Ну ладно, — Аллуа встала и бросила взгляд на Айор: не хотят ее будить, значит, пожалели? Ну так она была права — это не морэдайн, не станет их тут никто убивать, наверняка подержат у себя немного под стражей да потом на кого-нибудь из своих обменяют. — Ее действительно лучше не трогать, она очень устала.

Нуменорцы встали по обе стороны от нее.

— Только без глупостей, — предупредили они.

Эльфийка криво усмехнулась.

— Не переживайте, бежать не попытаюсь и никого не убью. Оружия у меня нет, вы же и так нас обыскали, так что бояться вам нечего.

Те посмотрели на нее с явным недоверием.

— Надеемся на ваше благоразумие. От таких, как вы, всего можно ожидать.

— Понятно, — она заметила, что оба воина держат руки на эфесах мечей, видимо, готовясь в случае опасности в любой момент пустить их в ход. — Боитесь, значит. Идем.

Мысленно Аллуа готовилась к тому, что сейчас ей придется говорить с человеком, который совсем недавно убил Ортхэннэра, ее старого друга, помощника и защитника, и вряд ли эта беседа будет приятной. Ей пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы не начать хныкать, как Айор, или тем более не сорваться. Вся ее жизнь круто переменялась в один миг, но она тем не менее не жалела о том, что пренебрегла уговорами Сайирхатты и покинула Ханатту: что толку бесплодно переживать о том, что уже сделано? Единственным, что сильно ее расстроило, была гибель Ортхэннэра, но Аллуа держала себя в руках. У нее еще будет время оплакать и помянуть его подобающим образом, когда она встретится с Денной, а сейчас перед ней стоит нелегкая задача — надо уговорить короля Верных отпустить их с Айор на родину. Для этого следует убедить его в том, что они не представляют для него опасности, и надежда на это у нее была: Верные обращались со своими пленниками вполне неплохо, не били, не оскорбляли, голодом и жаждой не морили. В свое время Аллуа наслушалась от покойного Ортхэннэра рассказов о том, что пришлось пережить Эллери Ахэ, попавшим в лапы эрупоклонников во времена Войны Могуществ, и она возблагодарила судьбу за то, что ей удалось этого избежать. Мелькор впоследствии поведал старшему сыну, что прислужники Манвэ без зазрения совести поднимали руку на пленных, даже не глядя на то, мужчина перед ними или женщина, не скупилась на грязную ругань, а еды и воды давали столько, чтобы те просто не умерли по дороге. Тут же Верные вели себя в рамках разумного, и пока что у эльфийки не было повода их бояться.

Проведя Аллуа через лагерь, один из сопровождавших ее воинов откинул перед ней

полог королевского шатра; она шагнула внутрь и тут же встретила взглядом с тем, кто несколько дней назад убил ее друга Ортхэннэра. С нынешним верховным правителем дунэдайн.

Она сразу остановилась, не решаясь двинуться с места. Естественно, ей доводилось много слышать об Исилдуре, однако она представляла его себе совершенно другим — наверное, куда более жестким, решительным и суровым, возможно, даже надменным. Тут же ее глазам предстал совсем еще молодой — нуменорцы стареют медленно, но тем не менее выглядевший смертельно уставшим человек, в серебристо-серых глазах которого застыли плохо скрываемый страх и невообразимая тоска. Ей думалось, что король Верных наверняка окажется высокомерным, гордящимся своими успехами воином Света в худшем смысле этих слов, а тут... да, он отнюдь не похож на радостного победителя

Увидев ее, Исилдур поднялся со стула.

— Оставьте нас, — сказал он обоим воинам.

Те растерялись.

— Вы уверены? А если она...

— Я из боя с самим Сауроном живым вышел, вы во мне сомневаетесь? — строго спросил он. Те извинились и с поклоном вышли. Исилдур пристально посмотрел на свою гостью.

— Ну, здравствуйте, уж не знаю вашего имени, — негромко произнес он. — Так вот кого Враг посылал на войну против нас. И даже женщин не пожалел. Что ж, вполне в его духе.

— Аллуа, — представилась она. — Мое имя Аллуа.

— И откуда ж вы в Мордор притопали? — король Верных говорил якобы удивленно, но ей подумалось, что он пытается изо всех сил скрывать свои истинные чувства, она пока не могла понять, какие именно, но однозначно не самые приятные. — Воевали за харадрим, если я все верно понял. Я знаю, что у них в армии и женщины сражаются, но меньше всего ожидал увидеть там эльфийку.

Аллуа, не моргнув глазом, тут же выдала ему заранее подготовленную легенду — впрочем, единственной ложью в ней было упоминание о ее происхождении: рассказывать Верному об Эллери Ахэ было и небезопасно, и просто глупо — все равно же не поверит.

— Я из тех, кого вы называете Авари, — сказала она. — Так получилось, что вся моя семья погибла, и дома меня ничто не держало. С детства мне нравилось странствовать, и я отправилась в путь — все равно куда. В итоге я забрела в южные земли. Ауранна, местный правитель, влюбился в меня и предложил мне стать его женой. Долгие годы после смерти моего мужа я жила со своей новой родней на юге, а потом началась война.

— Дальше можете не продолжать, — печально произнес Исилдур. — Все с вами ясно.

Он опустил взгляд, стараясь и в самом деле не выдать того, что чувствует. Какая дивная красавица — именно о такой он мечтал в юности, такую взял бы в жены, будь у него выбор! Глядя на нее, он забыл даже о том, что в последнее время почти не спал и даже, не выдержав, плакал в подушку — тихо, чтобы никто не видел и не слышал... Ему было жаль и себя, и ее, хотя он совершенно ее не знал, но понимал, что эта прекрасная женщина стала заложницей своей жестокой судьбы и непреодолимых обстоятельств... равно как и он сам, не видя ни выбора, ни выхода.

— И что же вам ясно? — Аллуа удивленно приподняла брови.

— Не надо быть провидцем, чтобы понять, во что вы вляпались, — Исилдур вдруг поймал себя на кощунственной мысли о том, что ему безумно хочется дотронуться до руки или даже до щеки своей гостьи, а то и вообще ее поцеловать. — Ваших родных наверняка убили орки...

— Какие еще орки, Авари никогда не враждовали с орками, не убивал их никто, — снова соврала она. — Мы жили близко от высоких гор, там постоянно трясло. Вот очередное землетрясение и случилось, я в ту пору в поле работала, а их в доме рухнувшей кровлей завалило. Природное бедствие, тут ничего не поделаешь, да и винить некого. Я тогда похоронила их как положено, оплакала, собрала кое-какие вещи да и пошла на все четыре стороны.

Исилдура передернуло, он снова уставился в землю — после ее слов на него с новой силой нахлынули воспоминания о гибели Нуменора, однако в следующее мгновение ему удалось взять себя в руки.

— Сочувствую. Простите. Ну потом вы отправились странствовать, вышли замуж... и оказались в золотой клетке. Слышал я от людей про обычаи южан...

Аллуа только рассмеялась.

— Не говорите о том, чего не знаете. Про Харад вообще ходят очень странные слухи, над которыми местные жители потом до слез смеются. Знаю, у вас, например, не принято, чтобы женщина работала, если только она не вдова или круглая сирота без средств к существованию, тогда как у нас не принято, чтобы она как раз не работала, если только у нее не грудные дети. Однако почему-то вы искренне убеждены в том, что харадрим своих жен взаперти держат и даже в случае надобности на улицу с открытой головой не выпускают, хотя на самом деле все эти наши покрывала и головные повязки — просто защита от солнца и песка, иначе пока у нас летом дойдешь от дома до рынка, у тебя будут этого песка полные уши и прическа, да и жара стоит невыносимая! Забавно вас слушать, честное слово. Что же до меня, то я любила своего покойного мужа и браком своим была довольна, а если бы он вдруг перестал меня устраивать — так обычаи южан позволяют развод по личному желанию любого из супругов, и я бы просто повернулась и ушла, — саркастично закончила она.

Исилдур почувствовал жгучую зависть к тому харадцу, который в свое время имел счастье обладать таким совершенством, однако мнение о местной культуре у него на

основании слухов действительно сложилось не самое лестное.

— Да я с этим и не спорю, — невозмутимо ответил он. — Ваш покойный супруг наверняка и в самом деле очень вас любил и вами восхищался, что неудивительно, потому что у каждого из нас в этом мире свое место, и эльфийская девушка за редким исключением никогда не снизойдет до смертного мужчины, не знаю, как с этим обстоит дело у Авари, но те эльфы, которых знал я, с раннего детства воспитываются и живут с осознанием того, что они как-никак создания куда более высшего порядка, чем мы, люди. Он осыпал вас дарами и сдувал с вас пылинки, да вот только если бы вы и в самом деле вдруг захотели покинуть Харад, никто бы вас никуда не отпустил — ни при его жизни, ни после смерти. Как я слышал, по их обычаям человек ничего не значит без своей семьи, по сути он даже собственность семьи, и без ее разрешения никуда и шагу не ступит. Так вы и жили долгие годы — как драгоценная собственность семьи, а потом старшему в роду надоело кормить бесполезных родичей, вот он вас на войну и отправил. Расчетливый оказался, убьют — одним лишним ртом меньше.

Аллау снова хихикнула, хотя ее зеленые глаза потемнели от плохо сдерживаемого возмущения. Он искренне думает, что знает все и про нее, и про Ханатту, и про то, как там живут люди, да еще и пытается ее в этом убедить! Говоря по правде, она бы вообще расхохоталась в голос, но ей показалось, что это будет совсем уж неприлично.

— Ну, насмешили, — сказала она. — Кто ж вам про Харад такого наговорил?

Король дунэдайн ничего не ответил, про себя думая, что уже наговорил Аллау лишнего — беседа у них однозначно не клеилась и пошла однозначно не так, как он рассчитывал. Он отстранился, поймав себя на мысли о том, что ему, несмотря на всю его выдержку, становится тяжело держать дистанцию — так и хочется, забыв обо всем на свете, перейти запретную черту и коснуться хотя бы ее руки, но он опасался, что потом уже просто не сможет остановиться, и все кончится очень плохо.

Она, впрочем, ничего не заметила, лишь презрительно хмыкнула и решительно произнесла:

— Знаете, у меня действительно есть родня на юге, и они меня очень любят, а не на смерть отправили, как вы себе вообразили. Предлагаю сделку: они дают вам столько золота, сколько вам нужно, а вы отпускаете меня и Айор домой, и все останутся довольны. Я никого из ваших убить не успела, зверств никаких не чинила, так что давайте решим дело миром и на этом разойдемся. Как вам такая сделка?

Исилдур сделал шаг назад, но потом тут же еще один вперед.

— Такая прекрасная — и служили этому чудовищу, — он озадаченно покачал головой. — Я даже не верю, что вы могли сделать это сознательно. Вы даже не представляете себе, что это был за монстр...

Его обычно сдержанное выражение лица внезапно изменилось: сначала он нахмурился и стиснул зубы, потом едва заметно улыбнулся.

— Какое же вы необыкновенное создание, — проговорил он. — Запутались, конечно, но с любым могло произойти такое. У меня в юности была хорошая подруга, мораданэт. Тоже симпатичная, пусть и не такая красивая, как вы. И Саурону служила не по своему выбору — за нее семья все еще в детстве решила, ее отец был из числа его вернейших приспешников, куда ей, бедной, было деваться. Вот и вы так же...

— Я?! — насмешливо переспросила Аллуа. Исилдур был поражен не только ее необыкновенной красотой, но и умением держать себя в руках: другая женщина, да даже и иной мужчина на ее месте могли бы начать причитать, рыдать, молить о снисхождении, драться с охраной или попытались бы бежать, но она ни разу не позволила себе и мгновения слабости. Такая твердая, решительная, да и за словом в карман не лезет...

— А что, разве по своему? — ответил он. — Вы можете сейчас солгать, но я вам не поверю. Знаете, почему? Потому что если бы вы знали Саурана так же хорошо, как я, то не только добровольно служить бы ему не стали, но и вообще при одном упоминании его имени убежали за добрую тысячу лиг.

Аллуа снова снисходительно улыбнулась. Интересно, что же он такого знает об Ортхэннэре, чего не знает она, да еще настолько ужасного? Хм, можно подумать, что у него в жизни был выбор и он все время делал только то, что хотел — она-то как раз была в курсе обычаев его народа, и ей они не слишком нравились.

Исилдур хотел было что-то ответить, но после того, как в очередной раз заговорил о прошлом, вспомнил Нуменор, свою дружбу с Нилуинзиль — где она сейчас, как она? — и, естественно, Врага, который долгие годы наводил на всех ужас, а потом без зазрения совести погубил целый остров, снова ощутил какое-то помрачение сознания. Сейчас он пытался вспомнить, как повстречал эту восхитительную красавицу и с чего началась их беседа, но никак не мог. Повинуясь внезапному порыву, он протянул руку и все-таки дотронулся до щеки эльфийки; осмелев, он провел пальцами по ее лицу и шее. Она не отстранилась, про себя думая, что король Верных, однако, весьма недурен собой — даже красивее Ауранны, было бы еще лучше, если бы он почаще улыбался, а то не поймешь: вроде она ему и нравится, вон как смотрит, а вроде и злится. Похоже, что он тоже вдовец — брачного кольца по обычаям нуменорцев на руке нет, а взрослый сын у него есть. Видимо, жена его умерла или ее убили.

Исилдур, не понимая, что делает, застыл на месте — неужели страсть к ней лишает его разума? Однако много лет назад он думал, мечтал именно о такой, как она — эльфийской женщине со светлыми волосами и восхитительно красивыми зелеными глазами. Какое-то время они пристально смотрели друг на друга, а потом он решительно придвинулся ближе, и их губы встретились в долгом, жадном поцелуе, о котором король дунэдайн даже не мог и мечтать. Сейчас он не мог думать больше ни о ком и ни о чем, кроме этой красавицы, а в ее голове тоже была лишь одна мысль — неужели она после стольких лет вдовства снова нашла того, кто пришелся ей по сердцу? Многие со времени смерти Ауранны сватались к Солнечной Деве, но никто ей не нравился, а тут вдруг такое... Было бы неплохо, конечно, перед встречей привести себя в порядок, нарядиться и накраситься, но уж что вышло, то вышло.

Нуменорец вдруг отстранился: он подумал, что Аллуа это наверняка не понравилось и

сейчас она влепит ему пощечину или оттолкнет, но вопреки его ожиданиям она улыбнулась. Пару мгновений, показавшимся обоим вечностью, он смотрел на нее, не отводя глаз. Еще не поздно было остановиться, но Исилдур был не в состоянии это сделать, как человек, только что выбравшийся на берег из-под накрывшей его толщи воды или долго голодавший, не в состоянии перестать дышать или есть. Он протянул к эльфийке руки и резко, почти грубо заключил ее в объятия, снова коснувшись губами ее губ.

— Само совершенство, — горячо прошептал он, — ты прекрасна, как... я даже не могу подобрать сравнений...

— Да ты тоже красавчик, — Аллуа провела рукой по его темным волосам, заплетенным в толстую косу. — Мне нравишься.

Исилдур, краем сознания еще думая, что делает что-то очень неправильное, протянул руку к завязкам ее ярко-алой рубашки с золотым узором.

— Ты не оттолкнешь меня? — прошептал он.

— Конечно, нет, — она со спокойной улыбкой стянула через голову рубашку и бросила ее на стул. Ощущение тепла его руки на обнаженной груди возбудило в ней еще более сильное влечение к этому человеку, которому она не могла противиться; ей хотелось, чтобы он касался ее везде, где только можно. Ее дыхание участилось, лицо пылало; дернув за шнурок на штанах, она окончательно освободилась от одежды и теперь жаждала большего.

Исилдур, окончательно утратив чувство реальности, схватил ее за плечи и повалил на ложе, а потом сам лег рядом с ней и снова горячо поцеловал. Аллуа мельком подумала, что, окажись на ее месте Айор, еще неизвестно, чем бы все закончилось, но у нее даже не возникло мысли о том, чтобы сопротивляться, уж слишком ей приглянулся этот нуменорский красавец, а харадские традиции не запрещали в таких случаях близость по взаимному согласию. В конце концов, ее покойный муж давно умер, потом ей долгое время никто не нравился, а тут представился такой удобный случай — так отчего бы им не воспользоваться? Даже если у жаркой ночи не будет продолжения, то, по крайней мере, останется приятное воспоминание. Теперь она лежала рядом с ним обнаженная, а он покрывал поцелуями все ее тело, и окружающий мир словно перестал существовать. Она отдала себя ему, забыв обо всем на свете; охватившая их страсть была похожа на пожар в засушливое время года, сметающий и превращающий в пепел все на своем пути.

*

На главной площади Арменелоса собрался народ; одетые в разноцветные, расшитые золотом и серебром богатые одежды люди играли на флейтах, лютнях и арфах, в безоблачном небе вились стаи птиц. Исилдур смотрел на готовящийся праздник со стороны, не зная, какому торжественному событию он посвящен и не пытаясь искать в толпе глазами кого-то из друзей и близких: он уже знал, что их там нет, и просто наслаждался музыкой и теплым ветром с запахом луговых цветов и трав, как вдруг небо резко потемнело, и полил холодный дождь. Люди стали расходиться, но тут на глазах

Исилдура городская площадь превратилась в бескрайнее море. Не было видно ни домов, ни улиц — только пахнувшая водорослями темно-синяя вода, почему-то вызвавшая у короля дунэдайн невообразимый ужас одним своим видом, словно это было кладбище, а не обычный водоем.

Чувствуя бешеное сердцебиение, он открыл глаза и резко сел на постели; первым его ощущением было то, что с ним явно что-то не так. Ну да, ему приснился очередной, уже ставший привычным ночной кошмар, но в этом раннем утре было еще что-то непривычное, необычное... вроде бы он не привык спать без одежды... Тут он повернул голову и вспомнил некоторые события прошедшего вечера: не все, конечно, в последнее время у него случались провалы в памяти, но определенные — с поразительной яркостью. Следующим, что он почувствовал, было чудовищное, доходящее до запредельного омерзения отвращение к самому себе и тошнотворный страх — как он мог сотворить подобное? Вряд ли эта удивительная красавица согласилась на все это по доброй воле, они же враги... что произошло вчера? Он никак не мог вспомнить, что именно сделал, чтобы заставить эльфийку лечь с ним в постель — он что, ее запугивал, угрожал, просто взял грубой силой? Разум отказывался верить в реальность происходящего, может, это все же продолжение кошмарного сна и ничего не было, сейчас он проснется в одиночестве и поймет, что ничего не случилось и непоправимого удалось избежать?

Тут Аллуа шевельнулась, открыла глаза, подняла голову.

— А ты чего так рано проснулся? — удивленно спросила она. — Вроде ж еще даже едва-едва светать начало.

Исилдур повернулся к ней с совершенно ошарашенным видом — он ожидал, что она начнет рыдать или вообще его ударит, но только не такого.

— Я не знаю, что со мной в последнее время творится, меня уже называли безумным, — медленно произнес он, — но я совершенно не помню, как с тобой это сделал вчера, в одном уверен точно — что это было против твоей воли... Прости меня, пожалуйста, если сможешь, хотя вряд ли... знала бы ты, как я сейчас сам себе противен...

— Ты точно не в себе, — Аллуа пригладила растрепанные волосы. — Попробуй ты со мной что-то сделать против моей воли, ты бы попросту не дожил до рассвета. Я прекрасно умею за себя постоять. Если что, для убийства можно использовать не только меч или нож.

Он посмотрел на нее полным отчаяния взглядом и чуть слышно произнес:

— Ты мне лжешь...

— Я не лгу.

— Ты себе не представляешь, что я натворил... Ты, может, меня и простишь, наверное, уже простила, да только я сам себя никогда не прощу.

Она села, потянулась за своей одеждой.

— Я все же не понимаю, что не так, — эльфийка пожала плечами. — Я тебе понравилась, ты меня первым поцеловал, я не стала возражать, наши законы не возбраняют тому, кто овдовел, вступить в новый брак или просто заниматься этим с кем угодно по взаимному желанию. Я знаю, что у вас более строгие нравы, но если ты боишься, что твои родичи или народ все узнают и тебя осудят, я никому о случившемся не проболтаюсь. На тебе же не написано, что ты с кем-то ночь провел, да и на мне тоже. Сейчас быстро оденемся, и никто ничего плохого не подумает — может, мы с тобой до рассвета просто разговаривали, и ты старательно мне объяснял, в чем я неправа, убеждая не служить мордорцам, причем успешно. Зато какое приятное воспоминание останется — не знаю, как у тебя, а у меня точно.

Исилдур провел рукой по лицу, словно пытаюсь отогнать наваждение.

— Если бы мой несчастный отец был сейчас жив и узнал, что я наделал, то не просто бы разозлился и высказал мне все, что обо мне думает, а попросту убил бы меня на месте и был бы совершенно прав — потому что я оставил в Имладрисе свою жену и младшего сына, которые ждут меня с войны, а сам преступил все мыслимые и немыслимые понятия о чести и благородстве, воспользовался случаем и опозорил другую женщину. И если бы об этом узнали и твои родные, то тоже порезали бы меня на куски, а я бы и сопротивляться не стал, потому что заслуживаю худшего и это было бы справедливо.

Аллау вздрогнула. Ей очень не понравились его слова, но сделанного не воротишь, и единственное, что можно в данном случае предпринять — это попытаться и в самом деле все скрыть.

— Так, — отрывисто произнесла она, — это все, конечно, не слишком хорошо...

— Не слишком хорошо?! — во взгляде Исилдура читались ужас, стыд и, кажется, даже гнев на самого себя. — Ты явно не понимаешь, что я наделал... хотя не можешь не понимать...

Эльфийка вздохнула и стала одеваться.

— Да все я понимаю, не принимай меня за слабоумную — ты тут семь лет на войне, жену наверняка еще дольше не видел, а тут я подвернулась. По нашим законам это тоже нехорошо, но не смертельно, убивать за супружескую измену тебя никто бы, конечно, не стал, однако твоя жена, если бы не захотела тебя прощать, могла бы подать на развод, потребовать с тебя приличные деньги за нанесенное оскорбление и еще детей себе забрать. По вашим же обычаям это несмыслимый позор, но опять же — на тебе не написано. Я никому ничего не скажу. Ты тем более. Ты договоришься с моими родственниками, получишь за нас с Айор столько золота и драгоценностей, сколько хочешь, и забудешь все это как страшный сон. Я умею молчать, можешь не бояться, никто никогда не узнает, что там у нас с тобой было.

Король дунэдайн снова посмотрел на нее — теперь уже с мольбой и надеждой.

— Ты не страшный сон. Ты не знаешь, что такое страшные сны. Ты единственный

прекрасный сон в моей жизни... И не проси меня обо всем забыть. Не смогу. Будь моя воля, я бы на тебе женился.

— Не сможешь забыть, так не забывай, пусть и у тебя останется приятное воспоминание, но тогда уж просто не проболтайся и веди себя как обычно, — попросила она. — Все, одевайся, приводи себя в порядок, чтобы никто ничего не заподозрил, и на этом мы с тобой расстаемся, это был наш первый и последний разговор, и все. Я тебе скажу, куда и к кому нас отвезти.

Исилдуру в этот момент показалось, что страшный сон продолжается: краска то сбегала с его лица, то вновь прилиwała к щекам, он не мог оторвать взгляда от светловолосой эльфийки. Та невозмутимо замолчала.

— Не надо, — неуверенно проговорил он и опустил глаза. — Я знаю тебя один день, но мне кажется, что именно тебя я хотел встретить всю жизнь. Наверное, я и вправду безумен... я не хочу, чтобы ты меня покидала... я не знаю... я не хочу и просто не смогу тебя отпустить!

11. Чрезмерная инициатива наказуема

Исилдур, который наутро одновременно раскаивался в содеянном и в то же время думал, что прошедшая ночь была самым прекрасным событием в его жизни, даже не подозревал о том, что своим опрометчивым поступком по сути спас себе жизнь. Как раз той ночью Элронд, недолго думая, в очередной раз отправил своего прислужника Линдира разделаться с ненужным свидетелем его злодеяния. Тот долго ходил вокруг да около, пряча под плащом небольшой арбалет, подобранный на поле боя возле тела убитого мордорца, и делая вид, будто просто гуляет, пока наконец не увидел, что Исилдур по неизвестной причине отослал охрану. Линдир решил, что час настал; вытащив из-за пояса небольшой кинжал, он проделал в ткани шатра небольшую дырку. Сейчас он дождется подходящего момента, прицелится, и о короле дунэдайн можно будет говорить в прошедшем времени, а вину благополучно свалить хоть на вражеских лазутчиков, тем более что именно они носят такие арбалеты, хоть даже на кого из пленных — с них станется.

Осторожно раздвинув кончиками пальцев разрез на ткани, Линдир заглянул внутрь, одновременно с тем подняв свое оружие, но в следующее мгновение так и не решился стрелять, иначе у них с Элрондом мог бы появиться еще один нежелательный свидетель теперь уже другого преступления. Снова спрятав арбалет под плащом, он вернулся к владыке Имладриса, который в это время лежал у себя в шатре, мирно потягивая вино из бокала, и поделился с ним своими сомнениями.

— Мой повелитель, — объяснил Линдир своим обычным вкрадчивым голосом, — у меня ничего не вышло. Этот свихнувшийся нуменорец там у себя не один. Вы сейчас сильно удивитесь, но он там с этой светловолосой девкой, которую они нашли в Барад-Дуре... ну... целовался и...

— Дальше можешь не продолжать, — оборвал его бывший герольд Гил-Галада, презрительно махнув рукой. — Люди, как я смотрю, вообще очень слабые и жалкие создания, и я обычно удивляюсь не тому, что кто-то из них воспользовался возможностью с кем-то прилечь, а тем, что кто-то, напротив, ею не воспользовался. Может, в силу того, что эти Верные никогда так не делают, они были мне все это время чуть менее противны, нежели прочие смертные, а Исилдур-то, оказывается, ничем не лучше других. С гнилой человеческой природой ничего не поделаешь — вот и еще один перед искушением не устоял. Она там сильно орала и сопротивлялась? — Элронд кровожадно оскалился, предвкушая веселые подробности.

— Да вообще не сопротивлялась, ей все нравилось, — развел руками Линдир.

— Ну, все понятно, очередная бесстыжая шлюха, — отрезал Элронд, — а ты, конечно, правильно сделал, что не стал стрелять. Эта женщина могла тебя заметить, поднять крик, прибежала бы охрана, и тогда бы ты уже не отвертелся, а я-то тебя выгораживать не буду, если что и меня вдруг спросят, я тут ни при чем, скажу, что это была твоя идея, полностью твоя, ты там... ну, на Исилдура за что-то в обиде был.

Владыка Имладриса лениво потянулся и снова отхлебнул вина из серебряного кубка старинной нолдорской работы. Линдира, впрочем, совершенно не смутило неприкрытое

хамство его повелителя и готовность свалить вину за содеянное на подручного — напротив, он поклонился и спросил:

— Простите, но что теперь прикажете делать?

— А вот что, — глубокомысленно заключил тот. — Мы хотели избавиться от нежелательного свидетеля битвы на Ородруине и заодно по возможности забрать у него Кольцо Врага, но из-за этой мордорской потаскухи сегодня у нас ничего не вышло. Дождись удобного момента, когда Исилдур останется один, без охраны и посторонних, и тогда его убей. Не стоит рисковать зря, тут ты поступил правильно. Она могла тебя заметить и закричать. Надеюсь, все это долго не продлится, ну, одну ночь или две... ты пока ложись спать, утро вечера мудренее, а я постараюсь тем временем настроить Элендура против папаша.

— Вы уверены, что он... настроится? — растерялся Линдир.

— Уверен-уверен, насколько я знаю людей, дети обычно не прощают родителям походов налево! — торжественно провозгласил бывший герольд Гил-Галада.

*

После всего произошедшего Аллуа была действительно напугана — она совершенно себе не представляла, как теперь быть. Напугала ее не сама прошедшая ночь, когда она и король дунэдайн оба не совладали со своими желаниями и чувствами, а то, что случилось наутро — она понимала, что ей в принципе нельзя здесь оставаться, однако Исилдур наотрез отказывался ее отпускать.

Эллерэ попыталась воззвать к голосу разума.

— Подумай сам, — взмолилась она, — ну что ты вообще говоришь? Да, ты мне тоже очень нравишься, и я бы не отказалась от продолжения... ночью, конечно, все было замечательно, но я не могу с тобой остаться.

— Даже не говори такого, — на его лице появилось странное выражение, одновременно напомнившее Аллуа страх, гнев и отчаяние, — или ты мне все-таки солгала?! Я так и не могу вспомнить, как у нас с тобой до этого дошло!

Еще до войны Аллуа доводилось слышать о том, что у короля Верных здорово едет крыша, но она и подумать не могла, что все так серьезно. Тем не менее она предприняла еще одну попытку убедить его в своей правоте.

— Я тебе не солгала, — мягко ответила она, — еще раз повторяю, я была не против, и если бы ты действительно попытался сделать что-то со мной против моей воли, то просто бы не дожил до утра, я умею за себя постоять. Ты очень понравился мне, я тебе, и если бы обстоятельства сложились иначе, я бы согласилась остаться с тобой на всю жизнь, но ты же понимаешь, что это невозможно. Ты настаиваешь на своем, а потом твои люди все увидят, и что они про тебя подумают?

— Я все понимаю, — с горечью произнес Исилдур, — но я просто не могу, и мне уже все равно, что там про меня подумают и скажут.

— Даже твой сын? — пожала плечами Аллуа. — Не думаю, что тебе и в самом деле прямо уж совсем все равно. Если бы мы жили у меня на юге, то могли бы беспрепятственно встречаться и вообще делать все, что захотим, но тут ты скован своими обычаями, и с ними нам придется считаться! Не думаю, что все будут мне очень рады! Поэтому я тебя прошу, нет, не просто прошу, а умоляю, — повторила она, пытаюсь воззвать к здравому смыслу, — во имя твоего же блага отвези нас с Айор домой. Сделай это, пока еще не поздно и никто ничего не узнал. Если хочешь, можешь даже получить за нас выкуп, думаю, деньги в любом случае не будут лишними. Забудь обо мне, тем паче что ни на тебе, ни на мне не написано, что там у нас с тобой было. Если мы оба будем молчать, то никто никогда ни о чем не догадается, а у нас обоих, по крайней мере, останутся приятные воспоминания, я тебе уже говорила!

— А у меня такое чувство, что ты мне все-таки солгала, — он отвел взгляд, все еще пытаюсь вспомнить, что именно произошло ночью, но это ему никак не удавалось.

— Наверняка ты подумала, что если начнешь сопротивляться и звать на помощь, то я все равно получу свое и еще тебя покалечу, все же я сильнее тебя и порой плохо понимаю, что делаю... со мной в последнее время такое часто бывает, поэтому ты просто решила покориться, но на самом деле ты этого не хотела!

— Неправда!

— Если неправда, — Исилдур нахмурился, в его голосе Аллуа слышались плохо скрываемая тоска и горечь, и сейчас король Верных казался ей потерянным, испуганным и в то же время еще более красивым, чем прежде, — ты поедешь со мной.

Эльфийка отшатнулась.

— Ты что?! Хочешь, чтобы я... я ехала с тобой в Гондор? Как ты объяснишь это своему сыну? Своим людям?

— Хочу, — король дунэдайн повысил голос. — А что до Эллендура... он не станет мне перечить. Прости, я действительно не знаю, что делаю, мне и так очень плохо, я не могу сказать, сколько еще так продержусь, — более мягко пояснил он. — Если я сейчас сделаю так, как ты просишь, и отвезу тебя на юг...

Он не закончил фразу, но Аллуа сразу поняла, что он имел в виду нечто очень страшное, возможно, даже слишком страшное, чтобы об этом говорить, поэтому не стала дальше спорить, лишь опустила взгляд и кивнула.

— И что теперь будет? — с неожиданной для себя робостью и неуверенностью спросила она. — Что будет с нами? Что нам теперь делать?

Исилдур и сам не знал, что делать — с одной стороны, он прекрасно осознавал, поскольку еще не до такой степени утратил рассудок, что натворил что-то очень ужасное и в корне неправильное, но отпустить свою случайную возлюбленную на все четыре

стороны был теперь просто не в состоянии, как любой человек не в состоянии, например, добровольно отсечь себе здоровую руку или ногу. Будь отец жив, однозначно пришел бы в ярость от известия о подобном непотребстве, а то и навешал бы старшему сыну по первое число! Конечно, с точки зрения разума королю Верных стоило поступить именно так, как советовала Аллуа, и постараться, пока не поздно, все скрыть, однако вопреки здравому смыслу все его существо противилось такому решению — он и сам был не в состоянии объяснить, почему, и впервые в жизни пошел на поводу у своих чувств, попросту перешагнув через все, чему его учили с пеленок.

— Знаешь, я уже и сам не представляю себе, как быть дальше, — тихо произнес он после долгого молчания, — но не оставляй меня. Хотя бы... пока.

*

Как того и следовало ожидать, поступок отца поверг Элендура в состояние, близкое к шоку — он даже и не подозревал, что Исилдур способен на нечто подобное, пусть и знал, что никакой любви между его родителями никогда не было — по меркам Верных это было вполне нормально. Он промолчал, когда отец, держа за руку светловолосую эльфийку, объявил, что она поедет с ними, но сам одновременно испугался и задумался — что теперь предпринять, как быть и как себя поведут его братья? О том, что будет, если такая новость дойдет до матери, он боялся даже думать.

Айор, поняв, в чем дело, прижала к себе Аллуа и зарыдала в голос.

— Великое Солнце, — причитала она, — я думала, что он благородный человек, а он... что он с тобой сделал?

Та отпихнула подругу с недовольным выражением лица.

— Айор, перестань. Ничего страшного не случилось. Если тебя это беспокоит, то никто меня не насиловал, все произошло по взаимному согласию.

Харадка вздохнула с облегчением.

— Хоть это радует... что ж вы оба натворили?

— Я ему советовала все скрыть. Я бы даже тебе не проболталась.

— Не послушал? — удивленно воскликнула та.

— Нет.

Валандур, все это время исподволь наблюдавший за Айор и Аллуа, невольно подслушал их разговор.

— Он и не слушает. Я не ожидал другого. Простите, не знаю ваших имен? — обратился он к ним.

— Я — Аллуа, а она — Айор.

— Как бы вам это объяснить, — осторожно начал нуменорец и огляделся вокруг, нет ли поблизости его полубезумного друга и короля, — мы с Исилдуром дружим с детства, наверное, с тех пор, как научились ходить и говорить. Поначалу... конечно, у него и в юности были свои странности, но после того, как погиб наш Остров, он стал вообще... ладно, буду честен, многие говорят, что мой друг безумен. Я не согласен с тем, что он прямо уж совсем сумасшедший, но с ним действительно творится что-то не то: иногда он прекрасно понимает, что делает, а иногда у него то провалы в памяти, то всякие страшные сны и видения. Мы с Элендуром не теряем надежды на то, что со временем это все же пройдет и Исилдур станет прежним, однако пока что лучше ему не становится, утешает лишь то, что он пока еще не окончательно потерял рассудок. Поэтому... мне не очень удобно об этом говорить, но вы... не знаю, сможете ли... простите его за то, что он с вами сделал. Если ему все же станет лучше, я уверен, что он сам будет в ужасе от того, что натворил. Поэтому сейчас вы все же поедете с нами, а я уж прослежу за тем, чтобы вас никто не обижал, ведь вы ни в чем не виноваты.

— Айор? — Аллуа вопросительно посмотрела в сторону подруги.

— Вы обе поедете с нами. Даю вам слово, что никто не причинит вам вреда. Как только появится возможность, я постараюсь помочь вам обеим добраться до дома.

Она ожидала, что Айор возразит, но та все поняла и промолчала.

— Хорошо.

Жрица Солнца опустила глаза, и ее длинные ресницы дрогнули. Нуменорец исподволь бросил на нее заинтересованный взгляд и тотчас отвернулся, надеясь, что женщины этого не заметили — все-таки вести себя подобным образом не очень прилично.

— Я очень сожалею, что с вами так получилось, — сочувственно обратился он к Аллуа, — поди, ваша семья по вам уже все глаза выплакала, все же женщине на войне не место. В любом случае я вам обещаю, что при первой же возможности помогу вам уехать домой к родным.

*

Как того и следовало ожидать, очередная странная выходка полубезумного короля Верных не осталась без внимания; не успели Олло, Ахэир и Гэленнар вернуться домой, как до них уже дошли вести о произошедшем. Соото такая новость едва не убила на месте: несколько дней он просто сидел, глядя в пространство и не разговаривая со своими друзьями, а Олло, немного поразмыслив, решил, что нужно срочно что-то делать. Гэленнар, впрочем, воспринял его слова без энтузиазма.

— И что же мы, по-твоему, сделаем? — угрюмо спросил он и посмотрел на своего приятеля, как на умалишенного. — У меня, конечно, есть войско, но нам в любом случае не одолеть армию Запада. Предложи что-нибудь более разумное. С одной стороны, я с трудом живу с мыслью о том, что Аллуа в плену и ей плохо, с другой — пока что я не

вижу совершенно никакого выхода!

— Выход есть всегда, — возразил Ахэир.

— И какой же? — возмутился Соот-Сэйор. — Давай, предлагай!

Тот поначалу растерялся, но потом попробовал успокоить друга.

— Давай не будем паниковать, — произнес он. — Надо...

— Да уж, идея — лучше не бывает! — оборвал его Гэленнар. — Аллуа в плену у этого нуменорского выродка, он издевается над ней, как хочет, не ровен час, вообще убьет, я как представлю себе все это — так ни есть, ни спать не могу, а ты советуешь мне не паниковать!

Ахэир ободряюще улыбнулся, стараясь не разозлить и не расстроить друга еще больше — он пока что еще не любил никого всем сердцем, но все же понимал, как тому тяжело.

— Я не это имел в виду, ты меня прости, я не хотел тебя огорчить, — извинился он, — я всего лишь хотел сказать, что мы не поможем Аллуа, если будем себя накручивать и паниковать. Мы должны, пусть это и тяжело, взять себя в руки и дожждаться удобного момента, чтобы выволить ее из плена. Мы обязательно это сделаем, пусть не сегодня и не сейчас. Пойми, для нас сейчас главное — действовать в ее интересах. Мы же в первую очередь ей помочь хотим. Поэтому я думаю, что для начала нам нужно вернуться в Аст Алтар и как следует продумать, что мы будем предпринимать и как именно.

Соото с тяжелым сердцем признал, что его друг прав.

— Ох, Ахэир, я даже не знаю, как это выдержу, — вздохнул он, — ты даже себе не представляешь, как мне сейчас больно, я бы согласился уж лучше добровольно себе сердце вырезать, только бы с Аллуа было все в порядке. Однако ты все верно говоришь: надо будет дожждаться удобного момента и ее выволить... несчастная, как она потом в себя после такого приходиться-то будет!

— А по возможности заодно еще и разделаться с этим нуменорским выродком, — добавил тот, — у Аллуа же в любом случае мы есть, мы ее всегда поддержим и ей поможем.

Олло, сидя у костра, внимательно слушал своих товарищей, однако поступить решил по своему: идея сидеть и ждать у моря погоды была ему совершенно не по душе. Поэтому он, выдумав какой-то благовидный предлог, сказал обоим, что придет в Аст Алтар чуть позже, а сам отправился за пределы Мордора, чтобы найти еще кого-нибудь из тех, кому тоже дорога Аллуа, и попросить их о помощи. Ставить об этом в известность Соото он по понятной причине не стал — тот здорово не ладил не только с Ортхэннэром, но и с харадской родней своей возлюбленной, а с Денной так и вообще разругался в пух и прах, обвинив Третьего в том, что у него отсутствует собственное мнение и он постоянно повторяет слова своего повелителя, какую бы чушь тот ни нес и какие бы мерзости ни

вытворял.

Решив, что Денна вполне может быть в Нуут-Улиме, Олло пошел именно в этот город; к своему удивлению, от местных он узнал, что Ортхэннэр все-таки не убит на Ородруине. Это вселило в него надежду — характер у сына его учителя был, безусловно, на редкость скверный, но с Аллуа они всегда дружили, и вряд ли он бросит ее в беде! Недолго думая, он пошел в крепость и спросил у воинов Ортхэннэра, можно ли повидаться с их повелителем, поскольку дело не терпело отлагательств.

— Простите меня за беспокойство, я понимаю, что после всего произошедшего он наверняка не слишком хорошо себя чувствует, — извинился эльф, — но все действительно очень серьезно, и мне больше не к кому обратиться и не на кого надеяться.

Те посмотрели на гостя с явным недоверием, но пообещали ему, что если уж ситуация действительно серьезная, то они сейчас же пойдут к Властелину и спросят у него, может ли он принять посетителя. Спустя некоторое время к Олло подошел какой-то южанин в богатом офицерском облачении и велел эльфу следовать за ним на верхний ярус.

— Властелин согласен с вами говорить, — вполне приветливо произнес он, — давайте я провожу вас к нему.

Харадец провел гостя в красиво обставленную светлую комнату, где тот сразу увидел Ортхэннэра, отнюдь не похожего на несчастного побежденного, потерявшего все и вся; старший сын его учителя сидел за красиво накрытым столиком и пил чай в компании своего верного подручного Денны и какого-то темноволосого эльфа; в следующее мгновение он понял, кто это, и с трудом подавил желание скривиться от омерзения при виде очередного родича Финвэ.

— Простите, Властелин, — сказал офицер-южанин, — этот эльф из Эллери сказал, что желает вас видеть, у него есть к вам какое-то срочное дело, и оно не терпит отлагательств.

— Хорошо, — кивнул Саурон. — Пусть войдет.

Гил-Галада несколько смутило появление незваного гостя, тем более что после подробных рассказов Тъелпе и Саурона его постоянно терзали жгучие угрызения совести за содеянное прадедушкой и Манвэ, пусть все и убеждали его в том, что никакой его вины тут нет.

— Извини, я, пожалуй, на время уйду, чтобы вам не мешать, а вы тут поговорите, — он поднялся с кресла, но Черный Майа остановил его властным жестом.

— Зачем? Сиди, чего тут такого страшного? Я же со старым знакомым говорить, а не трахаться прилюдно тут собрался.

Нолдо чуть было не скроил осуждающую гримасу, но поймал себя на мысли о том, что это невежливо, и продолжал сидеть со спокойным видом, словно ничего не происходит.

— Может, у вас есть какие-нибудь личные тайны, которые мне не нужно... — все же возразил было Гил-Галад.

— Знаешь что? Если бы мне и в самом деле нужно было поговорить с кем-то наедине о разных тайных вещах, которые касаются только нас двоих, я бы назначил ему встречу в другое время и в другом месте, — Саурон ухмыльнулся. — Коли уж Олло хочет со мной побеседовать, то пусть скажет открыто и при всех, что ему от меня нужно. Надеюсь, он по делу пришел, а не читать мне мораль по поводу того, зачем я убил Наурэ, — шепотом добавил он, чтобы это слышали только Денна и Гил-Галад.

Он снова усмехнулся собственным мыслям, что неприятно поразило как раз вошедшего в комнату Олло, пусть тот и не расслышал последних слов Ортхэннэра: ему бы после всего случившегося вообще в постели лежать — до сих пор вон рука в бинтах — или людей своих оплакивать, а он сидит, ржет!

— Здравствуй, Ортхэннэр, — эльф попытался изобразить на лице спокойствие и невозмутимость, пусть это и далось ему в высшей степени тяжело. — Прошу простить меня за то, что побеспокоил тебя в не слишком подходящий момент, но у меня не было иного выбора, потому что мне больше некого просить о помощи. Говоря по правде, не ожидал застать тебя почти что в добром здравии и таком хорошем настроении...

Саурон мысленно отметил, что вести себя Олло так и не научился — воспитанный человек не стал бы демонстративно игнорировать всех собравшихся и поприветствовал бы других присутствующих, а не одного хозяина дома.

— Здравствуй, — ответил он. — Ну, лично я придерживаюсь мнения, что поражение — это еще не повод портить себе день. И что же произошло?

— Ты еще, я так понимаю, не знаешь, что случилось с Аллуа?

— Знаю.

— Что ты думаешь предпринять?

— Не понял, — Саурон криво усмехнулся. — Я что-то должен предпринимать?

— Ты спятил? Она попала в плен к твоим врагам, и один из них... — Олло залился краской.

Брови майа гневно сдвинулись к переносице: он уже понял, куда клонит бывший ученичок его папаши — надо же прожить на свете столько лет и не нажать мозгов.

— И что ж ты замолчал, словно не знаешь, как люди размножаются? — он хрипло рассмеялся. — Я прямо сразу своего братца Курумо вспомнил, как он увидел кота и кошку с котятами и спрашивает: ты не знаешь, откуда они этих маленьких берут? Я потом полчаса до слез смеялся над этим слабоумным! Говори уж прямо: трахаются они там. Понравились друг другу и решили немного развлечься. Только не могу понять, что тебя

так смущает. Найди и себе кого-нибудь, коли завидно.

— Ортхэннэр, ты в себе? — Олло невольно вздрогнул и чуть не зарыдал, в красках представив себе все те жуткие муки, которые приходится испытывать в плену несчастной Аллуа. — Ты со спокойным сердцем позволишь своему врагу, который, между прочим, чуть тебя не убил, над ней издеваться?

— Почему издеваться-то? — фыркнул Саурон.

Эллоро хотел было что-то ответить, но какое-то время стоял тихо, разглядывая интерьер комнаты и присутствующих; его душили слезы, но он сдержался. По лицу Денны было видно, что он колеблется и ему очень жаль Аллуа, но за долгие годы на службе у Ортхэннэра он уже привык к смирению и абсолютной покорности. Да, его родственница страдает в плену у повредившегося рассудком врага, но если Саурианна сказал, что так надо — значит, так надо, и он всегда прав, потому что прав, и никак иначе. Олло немного помедлил, бросив на харадца вопросительный взгляд в ожидании поддержки, но, не получив ее, продолжил свою пламенную речь.

— Неужели никто из вас не вмешается? — его глаза наполнились слезами.

— Олло, — снисходительно ответил майа, — уясни себе одну вещь: это не твоего ума дело, и тебе не нужно в это вмешиваться. Сайирхатта уже докладывал мне о вашем визите в Ханатту, и мне это очень не понравилось. Советую тебе не заниматься самоуправством, и тогда все будет хорошо, передай это также Соото и Ахэиру. Мы сами во всем разберемся без вашего участия. Возьми-ка себе вон немного печенья на дорогу и иди отсюда. Хорошего дня.

Денна скривился и отхлебнул глоток чая из стеклянной чашки. Эллоро передернуло от омерзения.

— Вы тут все с ума посходили? Если вы не хотите помочь Аллуа, это сделаю я, даже если для этого мне придется пожертвовать собственной жизнью. Ее надо выручать любой ценой.

— Да как ты вообще смеешь разговаривать, когда я тебе приказываю? — удивленно поднял брови Саурон; он не привык к тому, чтобы ему кто-либо перечил, и был сильно недоволен подобной выходкой Олло.

— Что ты такое говоришь?! Я собственноручно прикончу этого мерзавца Исилдура за то, что он сделал с Аллуа, да и с тобой тоже! — обычно миролюбивый и скромный эллоро сам был удивлен тому, что говорит, более того, в это мгновение он был полностью уверен в том, что именно так и поступит, и полон решимости.

Денна отодвинул чашку, с интересом наблюдая за их перебранкой. Гил-Галад подавленно молчал.

— Запомни, ублюдок, — зарычал на него Саурон, — если ты еще раз посмеешь открыть рот и выступить с подобной инициативой, я тебя в порошок сотру. Ты не имеешь никакого

права самостоятельно что-либо решать. Все понятно? Вон отсюда, и чтоб больше я тебя никогда не видел. Увижу — убью, и тогда пеняй на себя, я два раза никому ничего не повторяю, ты не в начальной школе, недоумок, что не можешь понять простейшие вещи! Если же ты тронешь Исилдура, хотя я, впрочем, сомневаюсь, что с твоими воинскими навыками ты сможешь зарубить даже полудохлого мышонка, то я тебя не просто убью, а буду убивать долго и жестоко, так, что ты несколько дней будешь проклинать тот час, когда появился на свет, и умолять свою мамашу родить тебя обратно.

Тот посмотрел на него с укоризной.

— Наш Учитель не был таким грубым и кровожадным.

— Может, в этом и была его беда? — невозмутимо парировал Черный Майа с ироничной усмешкой. — Знаешь-ка, Олло, проваливай отсюда подобру-поздорову, пока я в хорошем настроении, и не нужно мне его портить. Я очень не люблю, когда кто-то напрямую игнорирует мои требования или оспаривает решения. Если я что-то сказал, значит, так надо. Это ясно?

— Ты мерзавец! — не выдержал эльф. — Отвратительный тип, в котором не осталось ничего светлого и чистого, равнодушный ко всему и вся, наверное, даже к себе, который к тому же давно забыл о тех, кого раньше звал своими близкими друзьями. Аллуа, между прочим, тебе не чужая, а еще я бы на твоём месте погнушался принимать у себя в гостях наследника проклятого рода, — он покосился на Гил-Галада, который сразу почувствовал себя неуютно и пожалел о том, что поддался на уговоры Саурона и не ушел.

Майа слушал всю эту гневную тираду с выражением брезгливого презрения на лице.

— Олло, ты идиот или все же просто неудачно пошутил? — наконец спросил он. — С какого хрена кто-то обязан отвечать за чужое преступление? Наверное, если бы у тебя были дети, ты бы счел справедливым, что твоего сына обвинили бы в злодеянии, которое совершили его родственники. Эрейнион, не обращай внимания, этот придурок несет ахинею. Вообще не бери это в голову. В то время не то что тебя, даже деда твоего на свете не было, так почему ты еще и виноват оказался? Честно говоря, я бы на твоём месте съездил бы этому наглому упырю за такие речи в жбан, но ты у нас слишком вежливый, так что оставим эту тему.

Саурон властным жестом указал Эллеро на входную дверь.

— Теперь проваливай, пока я еще добрый. Советую тебе проявить благоразумие, выбросить эту историю из головы и заняться каким-нибудь полезным делом. Если ты хочешь, чтобы кто-то из нас почувствовал свою вину непонятно в чем, то можешь не стараться, а я тем более всегда знаю, что делаю.

— До чего ты докатился! Меня от тебя тошнит!

Майа зловеще рассмеялся.

— Не трать силы, ублюдок. Я тебе не Гил-Галад, который молча проглотил твоё оскорбление, хотя надо было отвесить тебе по роже. Тебя спасло то, что у него, видимо, после общения со светлятиком обе руки ещё болят, а у меня вот только одна, так что получай, что заслужил.

С этими словами он, не сходя с места, чуть откинулся назад и с размаху влепил Олло пощечину здоровой левой рукой, вложив в удар всю свою силу. Эльф покачнулся, попятился и, споткнувшись о чайный столик, не устоял на ногах. Потеряв равновесие, он упал на пол, зацепив сам столик, который опрокинулся вместе со всеми приборами; Денна при виде разлитого чая, разбитых чашек и рассыпанных конфет переменялся в лице и скроил такую зверскую гримасу, что Олло передернуло. Неужели Ортхэннэр до такой степени дурно влияет на людей, что этому юноше безразлична родственница, но важно сорванное чаепитие? Ощупывая кончиками пальцев начавшую распухать после удара щеку, эллеро кое-как отряхнулся и поднялся с пола, укоризненно глядя на сына своего бывшего учителя.

— Ты действительно мерзавец, а ещё тебе, судя по всему, нравится истязать других или любоваться со стороны чужими страданиями, — заключил он.

— Пожалуй, ты прав, — неожиданно согласился Саурон. — Получи ещё, может, в голове что прояснится и перестанешь молоть ахинею. Как жаль, что тупость не причиняет боль её носителю!

Вторая затрещина оказалась не менее сильной, в ушах у эллеро зазвенело, и Олло чудом устоял на ногах, схватившись за разбитое лицо; щека болела, из носа капала кровь. Тут не выдержал Гил-Галад.

— Майрон! — он вскочил на ноги. — Пожалуйста, прекрати, ты же убьёшь его!

Тот остановился, опустил руку и обернулся к эльфу.

— Тебе его жалко? А ничего, что он тут тебя оскорблял и угрожал расправой твоему родичу?

— Все равно не надо, — спокойно возразил он. — Можно обо всем договориться и без драки.

Олло бросил на него полный ненависти взгляд и пошел к выходу. На пороге комнаты он на мгновение обернулся, но вышел, так ничего и не сказав; дверь бесшумно захлопнулась за его спиной.

12. Жестокая жизнь

Элронд был на редкость злобным и завистливым, но отнюдь не глупым типом. Он отлично понял, что настало время переходить к другому плану по устранению короля Верных, потому что Аллуа своим появлением разрушила все его замыслы и теперь пытаться прикончить Исилдура было опасно. Тот не обращал никакого внимания на возмущенные перешептывания окружающих и постоянную печаль и подавленность Элендура и не собирался разлучаться с этой странной женщиной из Авари. Очередной нежелательный свидетель Элронду был совершенно не нужен, и он, позвав к себе Линдира и Глорфиндейла, дал им очередные ценные указания.

— Придется нам делать все по-другому, — сказал он подручным, — упустили мы время! Помнится, у нас была идея заманить Исилдура в Имладрис и там убить? Теперь нам только это и остается. Молитесь Валар и Эру Единому, чтобы этот безумец до той поры не пришел в себя и ничего не вспомнил, а уж тем паче никому ничего не рассказал.

— Учитывая все обстоятельства, это вряд ли, — успокоил его Линдир.

— Ты уверен? — заорал на него Элронд.

— А вы-то сами уверены, что он видел, как вы убивали Гил-Галада? — спросил в свою очередь Линдир и тут же понял, что сморозил глупость, потому что бывший герольд короля Нолдор скроил такую рожу, будто вот-вот намеревался набить своему прислужнику жбан. Глорфиндейл, сложив руки на груди, посмотрел на своего друга с безгловым снисхождением и принялся излагать свои мысли.

— Думаю, что это самое верное решение, — согласился он с Элрондом, — главное — это по-прежнему казаться в чужих глазах такими, какими нас все привыкли видеть. Как вы сами понимаете, нам положено выглядеть благородными, но только Гил-Галад и Келебримбор думали, что все это всерьез...

— Ладно, ладно, не занудствуй, нечего говорить о том, что и так очевидно, — оборвал его владыка Имладриса, откупоривая очередную бутылку красного гондорского, — понятно, что оба они были наивными дураками и искренне считали, что нужно и в самом деле быть, а не просто для виду изображать из себя доброго и благородного, но у нас сейчас другие дела. Если не ошибаюсь, мы собирались настроить Элендура против его папашки.

Элронд дал Линдиру поручение немедленно пойти и прочистить старшему сыну Исилдура мозги, однако Элендур оказался отнюдь не так прост, как рассчитывали эльфы, хотя умело изобразил правильность и наивность в духе якобы покойного Гил-Галада. Когда Линдир принялся для виду якобы сочувствовать нуменорцу и возмущаться аморальным поступком короля дунэдайн, наследник трона Арнора и Гондора решил схитрить, поскольку прекрасно знал о его истинных намерениях. Он сделал каменное лицо и ледяным голосом произнес:

— Прости мою неучтивость, Линдир, — сказал он, — но я не считаю для себя позволительным говорить о подобном. Не знаю, есть ли у тебя отец, кто он и в каких ты с

ним отношениях, но мне с детства внушали, что дети не имеют никакого права судить своих родителей. Родители есть родители, и мы обязаны питать к ним глубочайшее почтение и уважение просто хотя бы потому, что они дали нам жизнь, а их проступки... даже если мои отец и мать совершат что-то совсем страшное, все равно не мне их осуждать. Да, я не знаю, как теперь буду объяснять все произошедшее своим младшим братьям, не говоря уже о маме, но отзываться дурно о собственном отце никогда не стану!

Эльф ушел несолоно хлебавши и, как того и следовало ожидать, схлопотал очередной разнос от донельзя разочарованного Элронда.

— Да, не стоило доверять тебе такое дело, ты совершенно не умеешь никого ни в чем убеждать, — пробурчал он, не зная о том, что Элендур в курсе всех его замыслов и в ближайшее время, как только они доберутся до Минас Итиля, собирается рассказать обо всем своим младшим братьям.

*

*Я заносила лезвие над его шеей —
а он не боится смерти:
он умеет не хуже нее убивать.*

Йорик

Весть о более чем странной выходке Исилдура и намерениях Элронда с ним разделаться быстро достигла Нуут-Улимы, благо у Сауона везде были глаза и уши, а речи бывшего герольда Гил-Галада слышал не один Элендур, и повергла зацикленного на правильности и приличиях родителя верховного короля дунэдайн в еще более глубокий шок, нежели все произошедшее доселе. Однако одно ему было ясно точно: такой расчетливый и жестокий тип, как Элронд, не остановится ни перед чем, если захочет добиться своего — Элендил судил, конечно, по себе, но его не только ужасало, но и удивляло то обстоятельство, как долго Элронд вынашивал план разделаться с Гил-Галадом и занять его место, у большинства людей и эльфов просто не хватило бы терпения на что-то подобное! Поначалу он сильно сомневался в том, стоит ли ему вообще беседовать с Сауроном, к которому у него было весьма предвзятое отношение, но Келебримбор провел с родственником очередную разъяснительную работу, после чего тот все-таки согласился пойти к Врагу и с ним поговорить, благо был уже в состоянии это сделать.

Майа собрал своих доверенных помощников и прочих заинтересованных лиц и начал делиться с ними своими соображениями по поводу устранения Элронда, Элендил даже попытался через силу вставить какую-то реплику, но тут в беседу внезапно вмешался Седьмой, до этого сидевший в углу с бесстрастным видом — нумненорец даже пару раз поймал себя на мысли о том, что в иной обстановке принял бы его за искусно сделанную раскрашенную статую.

— Я видел их мертвыми, — медленно, с расстановкой произнес Моро, глядя в пространство полными несказанного ужаса глазами. — Убитыми. Всех до единого, тех

людей, с которыми твой сын меньше чем через год поедет в Арнор. Я видел их гибель... каждого из них, и мне еще никогда в жизни не было так страшно!

Элендил молчаливо и рассеянно смотрел вперед, не зная, что ответить.

— А его дети... мои внуки?

Седьмой ничего не сказал, лишь уклончиво пожал плечами. Саурон по его поведению сразу понял, что он не хочет или не решается говорить; надо будет обсудить с ним это наедине, без излишне впечатлительных свидетелей. У Гил-Галада на глазах выступили слезы: сейчас он думал лишь о том, что все его необдуманные поступки, от которых его старательно предостерегали все, кому не лень — и Тъелпе, и Маэдрос, и Маглор, и даже злоязычный Элеммакил — выстроились и продолжают выстраиваться в цепь совершенно страшных событий, разорвать которую ему может оказаться не под силу даже с помощью друзей и родичей.

— Что же я наделал, — произнес он с ноткой обреченности в голосе.

— Вот давай без этого, — Саурону с ранней юности не нравилось, когда кто-нибудь в сложной ситуации начинал причитать, а не действовать, и сразу вспомнил своего вечно скорбного папашу, который благополучно просрал войну на грани победы, хотя мог бы разделаться с придурочным братцем и подвесить мразину за яйца на Тангородрине. — Я уже неоднократно говорил о том, что поражение — еще не повод портить себе день, а ошибки надо исправлять по возможности с наименьшими потерями, но уж никак не плакать и не сожалеть о случившемся. Все мы делаем то, что в состоянии делать в силу наших знаний и возможностей во время совершения действия, а если бы мы знали, что это плохо, неправильно или что там еще, то уж точно поступили бы по-другому, но что сделано, то сделано, и хватит об этом. Не в нашей власти изменить то, что свершилось, но мы можем принять нужные решения и сделать что-то, чтобы не допустить беды в будущем! Надеюсь, все меня поняли?

Маэглин, в отличие от своего двоюродного брата, слушал всех с практически абсолютным спокойствием и легкой ироничной усмешкой. Он знал, что Черный Майа опасен, хладнокровен, способен долго ждать, а потом нанести удар, но чтобы результат был безупречным и стопроцентным, и теперь лишь ждал того момента, когда тот озвучит очередной свой план. Элендил, впрочем, оказался в своем обычном репертуаре, чем несказанно повеселил своего хамоватого родственника — даже в такой ситуации он принялся в очередной раз возмущаться по поводу морального облика своего старшего сына, от которого он однозначно не ожидал подобной выходки.

— Есть такое изречение: то, чему мы сопротивляемся, упорствует, — заметил Саурон.

— Я тебя уже давно предупреждал, что именно так и будет...

— Если бы ты побольше молчал... — не выдержал тот.

— Если бы кто-то пользовался головой по назначению, — высокомерно парировал майа, — то научился бы сопоставлять факты и понимать, что я здесь ни при чем. Опять думаешь, что я на Исилдура порчу навел? Это только старые бабки в глухой деревне

могут верить во всякую чушь типа того, что кого-то прокляли или сглазили, либо те, у кого совсем каша вместо мозга. Как ты сам думаешь, что будет с тем, кто станет совать руки в огонь или забираться в грозу на дерево? Нетрудно догадаться! А с тем, кого всю жизнь заставляли делать то, что ему не нравится? Если не дошло, объясню: как только представится возможность, он рано или поздно сорвется, и все. Ты же еще и масла в огонь подлил, когда из-за невинной дружбы с дочерью моего офицера обвинял Исилдура невесть в чем. Теперь любуйся последствиями своих благих намерений.

Келебримбор хихикнул.

— Объясните, пожалуйста, за какие такие заслуги судьба покарала меня такими тупоголовыми родственниками, как ты и мой братец Эрейнион? Прекрати наконец к своему взрослому сыну в штаны-то заглядывать, у парня уж своих детей полно, пусть сам со своими бабами и своей жизнью и разбирается, уж поверь мне, в его годы он вполне в состоянии сделать это сам, а вот от Элронда он сам, да еще в его состоянии, может не отмотаться! Лучше бы ты о его благополучии и безопасности думал, а не о высокой морали! Ты хочешь видеть своего сына живым, здоровым и не покалеченным или, может быть, таким, как я? Видел же мою рожу, теперь знаешь, на что способен Элронд!

Его троюродный брат, слушая их, медленно менялся в лице и нервно наматывал на палец прядь волос.

— Тъелпе, — наконец решился сказать он, — ты говорил, что Ономори никогда не ошибался. Теперь...

— Заткнись, — оборвал Гил-Галада Келебримбор, стиснув зубы и понизив голос. Сейчас этот умник, у которого вместо мозгов тоже непонятно что, опять наговорит лишнего, да еще в присутствии своего чрезмерно впечатлительного приятеля, и все его усилия пойдут насмарку — Элендил наслушается домыслов дружка, навоображает себе всяких ужасов, как Элронд его сыночка убивает, и снова с собой что-нибудь сделает, с него станется.

Гил-Галад не внял его предупреждению.

— Теперь нам остается только одно, — упорно продолжал он, не обращая никакого внимания на слова брата. — Сделать так, чтобы он просто не уехал из Гондора в Арнор. Тогда с ним точно ничего не случится — прости, Ономори, но то место в твоих видениях, где это было, ты его не узнаешь?

— Ну что ты, в самом деле, все усложняешь и достаешь левой рукой правое ухо, — уверенно ответил Саурон, — у меня есть план получше.

— Хватит, в самом деле, над ними издеваться, — рассмеялся Келебримбор, — видишь же, что наши милые родичи не страдают наличием мозгов. Выкладывай, что там у тебя за план.

— У меня возникла гораздо более простая идея, которая позволит благополучно убить двух зайцев сразу. Можно сказать, даже трех. Что нам нужно? Забрать мое Кольцо,

избавиться от Элронда и отвести угрозу от Исилдура... я уж не говорю о том, чтобы постараться вернуть его к обычной жизни, если все получится, это тоже потребует и времени, и значительных усилий. И здесь, на мой взгляд, было бы целесообразно не задерживать Исилдура в Гондоре, а перехватить его прямо у Имладриса и заодно прикончить Элронда с его друзьями.

— Превосходно. Мой племянник как раз смывает позор, уделает гада, и вы с ним заберете колечки, — внезапно услышал Гил-Галад от какого-то доселе молчавшего светловолосого эльфа, который все это время сидел рядом с Маэглином то с холодным и неприязненным, то с откровенно скучающим видом, словно просто составлял ему компанию и был совершенно не заинтересован в том, о чем говорили другие. Заметив, как король Нолдор переменился в лице, он рассмеялся и что-то шепнул Маэглину. Тот тоже захихикал, а потом пояснил, обращаясь к двоюродному брату:

— Кстати, извини, забыл представить — у тебя из живых родственников остались не только мы с Кэлом и старшие сыновья Феанора, но и Айканаро. Так что радуйся встрече, братишка.

Гил-Галад хотел было задать им обоим несколько вопросов, но так на это и не отважился, подумав, что обстановка не слишком уместная. Вместо этого он приветственно кивнул и улыбнулся вновь обретенному дядюшке.

— Я тоже, пожалуй, кое-что от себя добавлю, — довольно жестким тоном произнес сын Арафинвэ и вопросительно посмотрел на Саурона, ожидая его разрешения. Тот уверенно кивнул.

— Какие у тебя мысли?

— А мысль у меня насчет вот этого умника и любителя порассуждать о морали, знай он все про меня и про то, что я думаю о Финроде, наверное, я бы тоже упал в его глазах ниже некуда, — он указал на Элендила. — Ты послушай, что я скажу, прежде чем на сыночка бочку-то катить. Так вот, если ты хочешь увидеть свою деточку ненаглядную еще раз в живом, здоровом и не покалеченном виде и к тому же в своем уме, засунь свою высокую мораль куда подальше, потому что до тех пор, пока рядом с ним находится Аллуа, Элронд, по крайней мере, не прикончит его среди ночи — ему не нужен лишний свидетель! Ты вообще своего сына любишь или исключительно соблюдение идиотских приличий, которые вы сами же себе и навывдумывали? Конечно, жаль, что стараниями моего слабоумного братца у нас с Андрет ничего не вышло, но я уже вон сколько лет женат на другой женщине, прекрасно себя чувствую, никто от этого не умер и мир не рухнул, скорее наоборот!

Потом, когда все стали расходиться, Элендил попросил своего бывшего врага задержаться на пару слов — ему очень хотелось задать тому один вопрос, который после сегодняшней беседы не давал ему покоя.

— Скажи мне, пожалуйста, одну вещь, — тихо поинтересовался он. — Сегодня ты всем сказал, что смог бы вернуть Исилдура к обычной жизни... ты действительно смог бы это сделать или просто пытаешься всех обнадежить?

В следующий момент ему показалось, что Саурон разозлился, хотя его глаза по-прежнему оставались ярко-синими, а не вспыхнули алым огнем, как это обычно бывало у майа во время приступов гнева.

— Я никогда не пытаюсь никого обнадежить, — резко ответил он. — Ты знаешь, что я занимаюсь целительством, но если ситуация совсем безвыходная, я за такое дело не возьмусь, более того, даже не стану говорить родичам больного или раненого, что у них есть надежда. Я просто позволю милосердной природе спокойно выполнить свою работу, а пациенту тихо умереть, по возможности, конечно же, без мучений. Если же я действительно в состоянии помочь — говорю честно, даже если это будет и в самом деле сложно и займет много времени. Да, я могу вернуть Исилдуру здравый рассудок, но еще раз повторю — это потребует и сил, и времени.

Элендил подумал, что в свое время еще в Нуменоре ему все-таки стоило принять предложение Саурона о помощи, но взять вот так вот и признать перед ним свою неправоту не решался. Вместо этого он спросил:

— И как часто с тобой бывает такое... что ты говоришь людям, что не в состоянии помочь?

Тот на мгновение задумался.

— За последние лет так двести из пациентов у меня на руках умирал только наш родич Лаирэндил, но его чокнутый папашка довел до такого состояния, что ему было и жить-то не с чем, а Фаразон добавил, в итоге я и не смог ничего сделать.

— Моя жена умерла в родах. Я звал к ней лучшего целителя, но он не смог ей ничем помочь, — с ноткой обреченности в голосе произнес Элендил.

— И что же именно с ней произошло? — заинтересовался майа. — У меня, конечно, всякие случаи бывали, но смертей от родов в своей практике я как-то совсем не припомню. Возникло кровотечение или какие-то еще осложнения?

Элендил не особо разбирался в целительстве и строении человеческого организма, но вкратце описал майа, что случилось с Алдамирэ.

— Честно говоря, меня сильно удивляет, что этот «лучший целитель» не справился с такой простой задачей, — презрительно фыркнул Саурон, выслушав печальную историю родственника, — не знаю, чему и где учился этот хрен, но я бы со спокойной душой доверил такое даже студенту младших курсов, потому что осложнение, которое ты описал, встречается не так уж редко, но при оказании надлежащей помощи смертельным не является. Обычное неправильное положение младенца, когда он к началу родов поворачивается не головкой вниз, а поперек, операция при этом, если не дать роженице снотворного, болезненная и кровавая, но довольно простая и, опять же повторю, смертью матери и ребенка это практически никогда не заканчивается — разве что они попадут в лапы какого-нибудь совершенно безмозглого и криворукого неумехи.

Лицо обычно выдержанного и спокойного Элендила исказилось от внезапно нахлынувших чувств. Какое-то время он озадаченно молчал, потом произнес:

— Слушай, если вдруг жизни Исилдура будет опять что-то угрожать... делай что хочешь, хоть и в самом деле прибегай к черной магии, но вытащи его.

Тот кивнул. Кажется, лед тронулся...

*

Гил-Галад долго не решался подойти к своему очередному внезапно объявившемуся родственнику и поговорить с ним о том, как и что с ним произошло, но тот сделал это сам.

— Понимаю, милый племянник, — сказал он, — ты, наверное, после тех слов про Финрода считаешь меня сущим монстром, но у меня есть причины так к нему относиться. Хотя, может быть, я и не совсем прав, он ведь считал, что поступает совершенно верно и делает мне лучше... только я, к сожалению, не могу через себя переступить и снова полюбить его как брата, как оно и было раньше. Кстати, скажи своему приятелю-нуменорцу, чтобы он не уподоблялся Финроду и к сыну своему не лез, а то он ему потом, поди спасибо не скажет.

— Так и уже не говорит, — подтвердил Гил-Галад, — я слышал, как пару раз они ругались из-за того, что он Исилдуру жену против его воли выбрал.

— Что и требовалось доказать, — кивнул Айканаро. — А с неумных людей и эльфов больше и взять-то нечего. Они совершенно не соображают, что плюют другим в душу, но при этом убеждены в том, что делают так, как лучше для всех — они же добра всем желают, много и даром, а кто сопротивляется, тем насильно всучить мешок добра. Вот и братик мой старшенький тоже умом блеснул, вернее, безграничностью своего отсутствующего ума, а мне потом было так плохо, что словами не передать.

Будучи по характеру эльфом воспитанным, его племянник решил, что это все-таки нехорошо — конечно, Финрод был неправ, но он же и в самом деле хотел как лучше, пусть и не подумал о последствиях. Он попытался осторожно возразить Айканаро.

— Дядя Аэгнор, — сказал он, — я думаю, что вы все же не совсем правы. Он не хотел вам навредить...

Лицо Айканаро залила краска гнева.

— Думает он. Как здорово. А обо мне кто подумал, да и об Андрет тоже? Она ему что, бревно бесчувственное, а не живой человек? Ты его еще защищаешь? Хотя что с тебя взять, у тебя вон лучший друг такой же, Исилдура тебе, видимо, не жалко.

Гил-Галад обиделся.

— Неправда, я...

— Усвой одну вещь, милый племянник, — Айканаро повысил голос, — когда другого человека, эльфа или кого там еще действительно любят, его берегут при любых обстоятельствах и стараются, чтобы ему было хорошо. Это понятно? Чтобы ему было хорошо, а не мне за его счет или чтобы были соблюдены всякие там так называемые обычаи и приличия. То, что я только что сказал, до тебя дошло?

Тот кивнул.

— Может, еще не совсем дошло, но повтори мои слова несколько раз про себя и вдумайся в их смысл. У моего старшего брата не было ни мозгов, ни совести. Какое он имел право намеренно разлучать меня с Андрет, причем старательно указывая на то, что она, видите ли, смертна, а я нет? Может быть, мы сами как-нибудь во всем разобрались? Если бы она сама меня разлюбила и ушла, это было бы ее решение, но кто просил его вмешиваться? Только осознание того, что я неправильно поступил, слушая этого скудоумного валаропоклонника, пришло ко мне уже потом, когда уже было слишком поздно все исправить и Андрет умерла, так и не дождавшись меня! Я немного подумал, и мне понравилось, — язвительно произнес эльф. — Тогда я подумал еще немного, а потом еще немного, и уже после всего, когда сестра Майрона стала проявлять ко мне совсем не целомудренный интерес, решил — гори оно все синим пламенем, больше я не позволю никому решать за меня и уродовать мою жизнь. Ну, естественно, и не стал отказываться от ее заманчивого предложения.

— У Майрона есть сестра?

— Тхурингветиль. Неужели не слышал?

— Слышал, конечно, как не слышать...

— У нас все очень интересно вышло, — начал рассказывать Айканаро. — Тебе, наверное, хочется знать, как именно все произошло. Так вот, нет худа без добра. Я сражался в Дагор Браголлах и был очень тяжело, почти смертельно ранен в бою — честно говоря, в тот момент я подумал, что это конец. Было странно очнуться в каком-то темном помещении — я не понимал, куда попал и что со мной. Затем я узнал, как наш общий друг Майрон оттачивает свое целительское мастерство — ставит опыты на полутрупах вроде меня. Что было дальше, я тебе уже рассказал — подумал немножко, и все встало на свои места.

— А знаешь, дядя, я вот тоже подумал, — нерешительно ответил его племянник после минутной паузы, — ты мне, наверное, после этих слов пощечину влепишь и будешь в своем праве, но, может, оно и к лучшему, что так случилось. Потому что мне после твоего рассказа кажется, что просто не любила она тебя, раз так легко якобы ради твоего же блага от тебя отказалась. Я бы не смог. Не смог бы, и все... со мной, наверное, именно так и получилось.

Айканаро, к его удивлению, вздохнул с облегчением.

— А ты не так глуп, как я думал, милый племянник. После рассказов Кэла и других наших родичей о твоих выкрутасах я думал, что у тебя с мозгами совсем плохо, ан нет. Я так

смотрю, ты вполне способен пользоваться головой по назначению, а не только шлем с алмазами носить. И усвой на будущее: чем заметнее у тебя доспехи, тем лучше тебя видно врагам и тем проще им в тебя попасть, в особенности если ты стоишь на открытой местности, а у неприятеля бронбойный арбалет или стреломет. Если уж ты собрался охотиться на Элронда, то надень что-то совсем неброское и еще поверх панциря или кольчуги плащ с капюшоном под цвет листвы или земли, смотря где вы окажетесь, а у Кэла попроси удобное оружие для ближнего боя, стрелок из тебя, насколько я знаю, не ахти. И еще: слушай, что тебе говорит Майрон, он тебе всякой хрени не назовет. Если бы его придурок-папаша слушал сына, может, и сейчас был бы жив и еще отделал Манвика, а не наоборот.

— Ты на меня не в обиде? — удивился Гил-Галад. — Если что, прости, пожалуйста, я ляпнул глупость...

— На правду не обижаются, потому что ты перед тем, как эти слова говорить, на собственном опыте убедился в их справедливости. Если кто-то тебя любит и хочет видеть, для него ни вражеский лагерь, ни осуждение со стороны всех и вся, ни даже сама смерть не помеха. Если же он так легко от тебя отказался на основании того, что мой безголовый братец нес чушь, — он особо выделил два последних слова, — делай выводы сам, был ты ему нужен или нет.

13. Враги среди нас

*Но тот не помнит прежних дней,
Чье сердце из кремня...*

Роберт Бернс «Лорд Грегори»

Олло вернулся к Соото и Ахэиру с дурными новостями и разбитым лицом. Гэленнар, впрочем, не выказал особого удивления при виде того, как Ортхэннэр разукрасил его товарища; казалось, он изначально был уверен в подобном повороте событий.

— И что теперь? — пробормотал эльф, глядя на следы побоев. — Я прекрасно понимаю, почему он так поступил — Ортхэннэр есть Ортхэннэр, но не могу взять в толк другого: зачем ты вообще к нему пошел? Чего ты ожидал?

Олло разочарованно нахмурился: его друг вовсе не горел желанием его утешать.

— Я ожидал, что он поможет мне выволить из плена Аллуа.

— А чего еще ты ожидал? — Соот-Сэйор пытался спрятать свой страх за любимую под маской горькой иронии. — Что он тебя ласково примет и пирожками угостит? Усвой себе наконец: нынешний Ортхэннэр — вовсе не тот сын нашего Учителя, которого мы хорошо знали, с кем играли в снежки, купались в речке и ходили в лес за ягодами. Он превратился в монстра, который раздавит все и всех на своем пути к безграничной власти. В свое время я предупреждал Аллуа о том, что он ее сожрет и выплюнет ее косточки, да только она меня не послушала — вот и результат. Ладно, что толку переливать из пустого в порожнее, давай-ка лучше подумаем, как нам ее выручить!

Олло сел рядом с ним и во всех подробностях поведал друзьям о своей ссоре с Ортхэннэром, не забыв, впрочем, упомянуть и о том, что Черный Майа угрожал ему изощренной физической расправой в том случае, если он посмеет вмешаться.

— Не бери в голову, — отмахнулся от него Гэленнар. — Он просто блефует и надеется, что ты поведешься. А блефует почему? Да потому, что своими глупыми выходками поставил самого себя на край пропасти и теперь сам боится.

— Я тебя не понимаю, — проворчал он; в этот момент он с трудом узнавал своего старого друга — настолько сильно того изменило произошедшее, сделало более решительным и резким, если не сказать — жестким. — В смысле — блефует, боится?

— Да в прямом, — пояснил эллери. — Неужели ты сам ничего не понимаешь? Ортхэннэр решил в своей обычной манере в очередной раз подмять всех под себя и показать другим, кто в Средиземье хозяин, да вот только не ожидал того, что нашла коса на камень — он забыл о том, что у остальных есть свое мнение и свои желания, а терпеть его власть они не собираются. Пытаясь стать повелителем всего живого, он напал на Гондор, но сил своих не рассчитал, более того — получил решительный отпор и огреб по заслугам! — в голосе Гэленнара зазвучали нотки легкого торжества. — Что теперь? Он истратил все свои силы, остался по сути дела без своего форпоста и без войска, и если

бы тот же Исилдур, будь он трижды проклят, попытался его искать или преследовать, противопоставить ему Ортхэннэру было бы просто нечего. Нечего, понимаешь?! Единственное, что он может сделать теперь — это отыграться на тебе как на более слабом, надо же на ком-то выместить свою злобу, раз уж Исилдур оказался сильнее! Он известный лжец и интриган, потому и угрожать тебе начал: сам посуди, вот попробуем мы отбить Аллуа, — он тяжело вздохнул. — Для Светлых все мы на одно лицо, они и подумать не могут, что слуги зла, оказывается, иной раз не в ладах друг с другом. Кого в первую очередь назначат виновным? Конечно же, нашего дорогого Ортхэннэра. Делай выводы сам.

Олло безвольно опустил руки.

— Поэтому он и попытался меня запугать, чтобы я не полез в драку с Исилдуром, тот в свою очередь не решил, что Ортхэннэр вернулся, и не попробовал его найти и добить, потому что у Ортхэннэра не осталось войска и ему не хватит сил на очередную битву с нуменорцами, — вполголоса затараторил он.

— Именно это я и имел в виду, — подтвердил Гэленнар. — Ортхэннэру нечего противопоставить дунэдайн, более того, теперь он понял на собственной шкуре, что в открытой схватке Исилдур его сильнее. Вот он и попытался тебя запугать, чтобы ты ненароком не разозлил его врагов, а то они, не ровен час, его найдут и добьют, вот и придет конец его мечтам о безграничной власти над всей Артой! Не поддавайся на его вранье и блеф, уж поверь мне, это всего лишь пустые угрозы и жалкая попытка выместить на тебе злобу!

Ахэир все время их разговора угрюмо молчал, держа руку на эфесе меча.

— Я предлагаю все-таки поскорее вернуться в Аст Алтар, — наконец вставил он. — Там мы решим, что лучше предпринять, чтобы спасти Аллуа.

*

После разговора со своими покупателями лавочник Эруан крепко задумался о том, кем может на самом деле быть его помощник. Эта мысль не давала ему покоя ни днем, ни ночью, поскольку морэдайн он ненавидел всей душой, и ему вовсе не хотелось ошибиться и пригреть у себя тайного врага, тем самым, возможно, наведя беду на множество ни в чем не повинных людей. С другой стороны, ему не хотелось перегнуть палку и в другую сторону — кто знает, может, они зря взбивают пену и парнишка просто немного со странностями, мало ли вокруг тихих безобидных безумцев? Вон у его соседки дочь — писаная красавица и могла бы быть завидной невестой, да только умом сущее дитя, ни грамоте, ни счету выучиться не смогла, на вид уже взрослая девушка, а до сих пор себе кукол из тряпок мастерит и с ними, будто с младенцами, нянчится. Так и Амарт этот — вдруг просто после смерти родителей малость разумом тронулся? Он решил, что в любом случае бдительность никому не повредит, если юноша просто не в себе, никто его трогать не станет, ну, а вдруг он вражий лазутчик? Придя к такому выводу, Эруан дождался часа, когда Лалайт придет к нему в лавку за продуктами, и завел с ней разговор о ее постояльце. Женщина внимательно выслушала все его доводы и согласилась проследить за Амартом; ей юноша тоже казался весьма странным.

— Я ничего против него не имею, — сказала она, — он вина не пьет, в доме не сорит, плату за комнату вносит исправно и все чисто прибирает, а мне, пока мой муж на войне, тоже жить на что-то надо, но вы это верно подметили — парнишка уж очень подозрительный. Я вашу просьбу выполню и за ним прослежу; у меня запасной ключ от его комнаты есть, вот я туда и загляну, пока он днем вам тут помогать будет, и посмотрю, что он в ней хранит.

Придя домой, женщина долгое время не решалась зайти без разрешения в комнату постояльца — ее, как и всех нуменорцев, воспитывали достаточно строго, внушая ей с раннего детства, что рыться в чужих вещах крайне неприлично. Однако она наступила на горло собственной песне — кто знает, может, этот парнишка и впрямь представляет для всех угрозу! — и все-таки открыла дверь своим ключом. Она осторожно осмотрела все вещи, стараясь не сдвинуть ничего со своего места, и поначалу не обнаружила ничего подозрительного — оружия или еще каких-то опасных предметов в комнате Амарта не оказалось. Вроде бы все как и везде: кровать, стол, одежда. Однако внимание Лалайт привлекли листы бумаги, сложенные стопкой на столе возле чернильницы; сверху почему-то лежали чистые, а внизу исписанные. Это показалось женщине странным: ее жилец — простой юноша, никакой не летописец, не целитель и не эльфийский мудрец, зачем ему вдруг понадобилась дорогая бумага? Сама она, разумеется, была грамотной — среди дунэдайн почти не встречалось тех, кто не умел читать и писать, однако грамота требовалась простолюдинам лишь для повседневных нужд, например, послать письмо родичу или составить долговую расписку, если занял у кого-нибудь денег. Что пишет этот парень на листах бумаги, да к тому же самой лучшей? Может быть, переписывается со своими мордорскими хозяевами?

Хозяйка дома аккуратно вытащила из стопки один листок, как следует запомнив, где именно тот лежал, чтобы потом положить его на прежнее место — она не хотела, чтобы этот Амарт что-то заподозрил — и принялась читать. Поначалу она решила, что ее странноватый жилец в свободное время просто сочиняет красивые сказки — на листе, который она держала в руках, красивым почерком на хорошем Синдарине была изложена история любви каких-то неизвестных ей людей, скорее всего, вымышленных, но потом она наткнулась на такое, что от испуга едва не закричала в голос. С большим трудом взяв себя в руки, она сунула листок назад, вышла из комнаты, снова повернула ключ в замке и решила срочно пойти к Эруану. Бежала она так быстро, что не успела опомниться, как оказалась в лавке. Торговец по выражению ее лица сразу понял, что стряслось неладное.

— Его нет, он вернется только где-то через четверть часа, — успокоил он Лалайт. — Все так, как мы и подозревали? Говорите.

Та срывающимся голосом, испуганно озираясь по сторонам, принялась пересказывать лавочнику, что именно увидела в записях Амарта. Эруан сделал успокаивающий жест, чтобы она перестала паниковать, и негромко произнес:

— Идите-ка сейчас домой и ведите себя как обычно. Сделайте вид, будто ничего не произошло и никаких записей вы не видели, а завтра... завтра приходите ко мне где-нибудь в полдень, и мы решим, что теперь делать.

*

Немного посоветовавшись со своими подпевалами и верными сообщниками, то бишь боевыми товарищами, владыка Имладриса решил, что для него настало время посвататься к Келебриан, а устранением несчастного Исилдура он займется потом, когда представится удобный момент. В итоге Линдир и Глорфиндейл расползлись по своим шатрам к любимым бутылочкам, Элронд же с целью произвести благоприятное впечатление на будущих тещу и тестя умудрился аж три дня подряд не пьянствовать, а потом пошел к Келеборну и Галадриэль просить руки их дочери. Скромностью бывший герольд Гил-Галада не страдал и, заявившись к родителям Келебриан, во всех подробностях перечислил свои настоящие и вымышленные заслуги, естественно, благоразумно опустив некоторые нелицеприятные факты типа попытки убить Келебримбора. Оба долго и внимательно слушали пространную речь владыки Имладриса, после чего Келеборн наконец озвучил свое решение:

— Спору нет, ты великий воин и достоин руки одной из прекраснейших эльфийских дев, — бедняга понял, что теперь отступить уже некуда и придется соглашаться на брак единственной дочери с этим тупорылым крокодилем, — мы даем вам наше родительское позволение и благословение, но просим вас лишь об одном: повременить со свадьбой год-полтора, пока не минует срок траура по всем погибшим. В Мордоре пало бесчисленное число наших товарищей, мы потеряли даже нашего родича и предводителя, боль нашей потери слишком свежа, и сначала нам подобает их оплакать, а лишь после этого устраивать веселые пиршества. В скором времени моя дочь Келебриан станет твоей женой.

Он солгал первый и единственный раз в жизни — вернее, не то чтобы солгал, а попытался осторожно выпутаться из неприятной ситуации: год или даже больше — достаточно долгий срок, и за это время Келеборн и его жена рассчитывали все-таки попытаться отговорить единственную любимую дочь от опрометчивого решения.

*

Зимрабет была человеком далеко не самого доброго и легкого нрава: мало того, что она, как и все представители рода Элроса, славилась своим упрямством, граничащим с откровенной упертостью и заикленностью, но впридачу к этому отличалась также хитростью и жестокостью. Ругаться и спорить с мужем было совершенно бесполезно — тот умел настоять на своем, но она не собиралась биться лбом в гранит, тут требовался иной подход. Поэтому она сначала потихоньку написала своей родственнице, а потом, когда поняла, что Гимилбэль-Тиндомиэль все-таки на ее стороне и ей можно рассчитывать на ее поддержку, втайне ото всех назначила своей союзнице встречу на нейтральной территории. Та возражать не стала и в указанный день пришла туда совершенно одна. Дело было, конечно, рискованным, но в глазах бывшей мораданэт того стоило.

Здесь, в малюсенькой заброшенной крепости на самой границе Гондора и Мордора — да и можно ли было назвать это сооружение крепостью, скорее оно походило на замок! — не было ни души, и обе женщины могли не опасаться того, что их кто-либо заметит.

Тиндомиэль, естественно, поставила своего сына в известность о том, что собирается делать — Менельдилу она доверяла больше, нежели самой себе, тот наплел слугам какую-то сказку о том, что его мать якобы нездорова, и под покровом ночи ей удалось благополучно ускользнуть из столицы Гондора в одиночку. Она быстро нашла нужное место, вошла в длинную проходную комнату, посреди которой стояла медная жаровня с тлеющими углями, и увидела какую-то человеческую фигуру в длинном плаще с капюшоном, сидящую спиной ко входу; судя по всему, это и была ее подруга детства.

Услышав шаги, правительница морэдайн обернулась и сняла с головы капюшон, даже не утруждая себя тем, чтобы встать и приветствовать гостью. Как и все потомки Элроса, она была на редкость хороша собой, вот только вдова Анариона сразу поймала себя на мысли о том, будто в идеально прекрасном лице ее родственницы сейчас чувствуется что-то зловещее.

— Здравствуй, — нерешительно произнесла она на Адунаике.

— И ты здравствуй. Я очень рада, что мы с тобой друг друга поняли, Тиндомиэль — или все-таки Гимилбэль? — не без иронии произнесла Зимрабет. — Вижу, что ты не разучилась говорить на родном языке.

Той были не слишком приятны колкости со стороны подруги детства, но она решила, что ради важного дела можно и потерпеть.

— Ты мне поможешь?

— А ты? — Зимрабет сразу поставила вопрос ребром.

— Если бы я не хотела того же, чего и ты, — Тиндомиэль недовольно нахмурилась, — я бы не стала отвечать на твое послание.

— Ладно, давай к делу, — ее подруга детства не любила долгих разговоров ни о чем.

— Мы обе мечтаем разделаться с тем, кто причинил нам столько зла. Собственно говоря, это не так уж и трудно — я понимаю, мои сыновья во всем слушаются отца, но твоему-то Менельдилу мой муж не вправе что-либо запретить или приказать. Почему бы ему, например, не воткнуть любимому дядюшке, а заодно и двоюродным братьям нож под ребро или не подсыпать им яд в бокал?

Вдове Анариона такие речи совсем не понравились: она слишком любила своего сыночка и не хотела, чтобы он брал на себя ответственность за такое грязное дело.

— Зимрабет, ты с ума сошла?

— Это еще почему? — та скроила презрительную гримасу. — Я серьезно.

Тиндомиэль собралась с духом для решительной отповеди.

— Извини, но это невозможно, — произнесла она. — Менельдил никогда не пойдет на такое! Во-первых, если он тайно или открыто убьет Исилдура и его сыновей

собственными руками или, по крайней мере, на территории нашего королевства, это вызовет серьезные подозрения. Во-вторых, он просто не сможет... буду честной, мой сын — далеко не самый отважный человек, и прикончить другого, даже если он его прямо так уж сильно ненавидит... ну, это не для него.

Зимрабет рассмеялась неприятным, злым смехом — Тиндомиэль поймала себя на мысли о том, что чем дольше с ней разговаривает, тем более мерзко себя чувствует, но иного выхода не было: она не собиралась оставлять смерть своего любимого мужа неотмщенной.

— Первое — согласна, уважительная причина. А второе... что ж ты, Гимилбэль, такого труса-то вырастила? Он же мужчина, а не тряпка.

Вдова Анариона благоразумно промолчала: конечно, она больше не собиралась поддерживать с Зимрабет никаких приятельских отношений — уж больно высокомерной и заносчивой та стала, хотя, по большому счету, и в детстве была не самой доброй и покладистой, но пора было переходить к делу, а именно избавиться от Исилдура, да и его отродья не должны задержаться на этом свете.

— Ну такой уж он вырос, — отшутилась она. — Ладно... мы с тобой обе знаем, чего хотим, а именно разделаться с Исилдуром.

— Да, — ответила Зимрабет с показным равнодушием. — После того, что он сделал, ему не жить. Балкузор передал мне твои слова.

— Одного желания мало, — передернула плечами Тиндомиэль. — Нужны действия.

— Ну, конечно, проще всего было бы избавиться от нашего дорогого родственничка руками Менельдила, это будет наиболее удобно, — мораданэт снова попыталась настоять на своем, — но ты сама говоришь, что он этого делать не станет. Я бы, честно говоря, и сама Исилдура на кусочки порубила, только есть одна сложность — у меня скоро живот на нос полезет...

— Ну вы с Зигуром нашли место и время, — не сдержалась ее бывшая подруга.

Зимрабет с презрительной миной проигнорировала ее слова и продолжала говорить о своем.

— ...значит, нужно искать другой способ избавить мир от нашего вернейшего из Верных, и у меня даже есть несколько хороших идей.

— Говори, — Тиндомиэль в душе была согласна с ней в том плане, что Менельдил действительно мог бы прикончить дядюшку и братьев, избавив всех от лишних хлопот, но ее сын был, в отличие от Элендура, не бесстрашным воином, а никчемным, трусливым и жадным ублюдком, по определению недостойным гондорского трона. Она, в общем-то, и сама это прекрасно понимала, но слишком любила сына, который, увы, удался не в отца, и предпочла бы, чтобы Зимрабет хоть немного пощадила ее чувства, но добиться этого от жены Черного Майя было еще тяжелее, чем увидеть снег в бескрайних раскаленных

пустынях Дальнего Харада.

— Ни ты, ни я, ни Менельдил, к сожалению, не станем убивать Исилдура, — ответила та, — но у меня на примете есть тот, кто мог бы это сделать. Не так давно мой муж принимал у себя в гостях одного странного типа, я ненароком кое-что услышала, и из их разговора я узнала некоторые интересные вещи, которые могли бы быть нам на руку, — Зимрабет наконец поднялась со стула и принялась ходить взад и вперед по комнате, одновременно с тем рассказывая Тиндомиэль об Олло, Гэленнаре, Аллуа и других Эллери Ахэ. Вдова Анариона, внимательно выслушав родственницу, скривилась от омерзения: она, равно как и Олло, не поверила в то, что Аллуа провела ночь с верховным королем дунэдайн вполне себе по доброй воле.

— Проклятый выродок, — Тиндомиэль скрипнула зубами. — Честно говоря, мне обычно нет дела до других, если только я с ними близко не знакома, но это переходит все границы. Я всегда не любила брата своего покойного мужа, причем взаимно, но не думала я, что Исилдур на такое способен. Кем бы ни была эта черная эльфийка, а мне ее даже немного жаль. Я только вот чего не понимаю: почему твой муж, если он утверждает, что вроде как дружил с этой женщиной в детстве, не хочет ей помочь и не позволяет никому быстро разделаться с Исилдуром?

— У меня на этот счет только одна идея, — Зимрабет остановилась. — Мой муж очень самолюбив и никогда не простит ему поражения. Если кто-то прикончит Исилдура раньше, чем он, это нанесет сильный удар по его гордости, поэтому он и решил оставить своего врага в живых — на время, конечно, а потом он обязательно его выследит и убьет собственноручно.

— А зачем нам тогда голову себе этим забивать? — удивилась Тиндомиэль. — Давай спокойнождемся того дня, когда твой муж это сделает, а пока это не наша забота.

Ее подруга детства с досадой сцепила руки в замок.

— Да, Гимилбэль, смотрю я на тебя и вижу — столько лет ты на свете живешь, а совсем не поумнела. Глупая гордыня не доводит до добра, она уже один раз привела моего мужа на грань гибели на Ородруине. Я умею делать выводы и не хочу, чтобы такое повторилось снова, а поэтому я намерена добраться до Исилдура раньше, чем он! Для этого нам потребуется союзник, и Эллери Ахэ, ненавидящие нашего врага не меньше, чем мы, вполне могут нам помочь с ним расправиться — особенно если учесть то обстоятельство, что когда-то давно один из друзей Олло, того эльфа, что приходил в нашу крепость, был влюблен в эту Аллуа, а может, даже еще и любит ее до сих пор! Как думаешь, что нам нужно сделать?

Тиндомиэль слегка улынулась.

— Думаю, что найти этого Олло и других Эллери, — ответила она, — и попробовать с ними договориться, чтобы именно они прикончили Исилдура.

— Вот и отлично. Есть ли у тебя какие-нибудь доверенные люди, которые не выдадут нашу тайну? У меня таких достаточно. Надо отправить их к Эльфам Тьмы с нашим

заманчивым предложением.

14. Возвращение

Для эльфов и людей Запада настало время отправляться в обратный путь. Исилдур, как и намеревался раньше, заглянул по дороге в Минас Итиль, чтобы забрать с собой младших сыновей. Те, увидев Аллуа и выслушав сбивчивое объяснение старшего брата, поначалу растерялись, а потом, выбрав удобный момент, когда никого не было рядом, вместе подошли к ней, чтобы поговорить начистоту.

— Мы с вами пока не знакомы, — начал было Аратан, — и не стали бы попусту вас тревожить, но дело в том, что верховный король дунэдайн — наш отец...

Аллау, впрочем, давно решила, что именно ей следует делать в сложившейся затруднительной ситуации — уж если она сама вляпалась в неприятности, ей из них и выбираться, а как конкретно, она всегда смотрела по обстоятельствам.

— Знаете что, дорогие мои, — ответила она обоим довольно жестким тоном, не дав Аратану довершить фразу, — если вы думаете, что я не понимаю, что происходит, то глубоко ошибаетесь.

Кирьон хотел было что-то возразить, но старший брат жестом велел ему замолчать — ему показалось, что их новая знакомая не так проста, как он решил поначалу.

— Я надеюсь, что и вы это понимаете, — продолжала она. — Понимаете, что творится с вашим отцом. Он ни в чем не виноват.

Аратан безмолвно кивнул — ему в принципе не хотелось говорить о безумии своего родителя с кем бы то ни было, даже с самыми близкими — он не обсуждал его состояние даже с матерью и братьями и уж тем более не стал бы затрагивать этот вопрос в разговоре с едва знакомой женщиной, но если уж она сама все видит...

— Если бы не его ночные кошмары и все остальное, — ответила Аллау безо всякой неловкости, — вы бы меня здесь вообще не увидели. Думаю, что ни до чего такого вообще бы не дошло — мы бы благополучно договорились об определенной сумме денег, которую мои родичи из Ханатты согласны заплатить за мое возвращение на родину, и все.

Оба гондорских принца подумали, что их собеседнице и самой несладко пришлось, и уже сожалели о том, что завели этот разговор, но воспитание не позволило им просто так взять и уйти, сделав вид, будто ничего не случилось.

— Мне бы не хотелось причинять боль ни в чем не повинным людям, — спокойно произнесла эльфийка, — в какой-то мере тут есть и моя вина, но, поверьте, я постараюсь сделать так, чтобы все это не зашло слишком далеко. Я дождусь удобного момента и просто исчезну из вашей жизни — тихо и незаметно. Вы больше никогда ничего обо мне не услышите и благополучно меня забудете. Считайте, что я просто... ваш неприятный сон.

Заметив страх в глазах нуменорцев, она поняла, что по неосторожности наступила обоим

на больное место, но взять свои слова назад было уже невозможно. По всей видимости, по ночам им снились те же кошмары, что и их отцу.

— Простите, — смутилась она. — В общем, считайте, что я просто плод вашего воображения. Я вам скажу еще раз: я дождусь удобного момента и просто исчезну из вашей жизни. Если ваша мама что-то и узнает... вы вполне сможете убедить ее в том, что это всего лишь глупые слухи, не имеющие под собой никакого основания, а сами просто обо мне забудете. Договорились?

Аратан обернулся и вздрогнул: сзади к нему незаметно подошел старший брат, который, по всей видимости, слышал последнюю реплику Аллуа.

— Они-то, может, и забудут, — сказал Элендур. — Наш отец не забудет.

*

Келеборн и Галадриэль с остатками своего войска благополучно добрались до Лориэна. Их дочь Келебриан была безумно рада видеть отца и мать живыми и невредимыми, но большую часть мыслей юной эльфийки занимал по-прежнему Элронд. Естественно, она чуть ли не с порога принялась расспрашивать родителей о том, как там ее ненаглядный, хотя все ящики ее стола за годы войны были и так переполнены письмами от бывшего герольда Гил-Галада.

— Слушай, дочь, ты так себя ведешь, словно нас видеть не рада, — недовольно сказал Келеборн. — Мы с тобой семь лет в разлуке, я по тебе так скучал, что не передать, но ты ни меня, ни мать не спрашиваешь, как наше здоровье, не ранены ли мы, хорошо ли доехали, зато спрашиваешь, как Элронд! Более того, твой собственный троюродный брат и наш король Эрейнион пал в поединке с Сауроном, а ты думаешь только о своей любви к его герольду!

— Я люблю тебя, папа, — смутилась Келебриан, — и маму, разумеется, тоже, но я же не могу провести с вами всю жизнь! Вы раньше тоже жили со своими родителями, но потом поженились, и у вас появилась своя семья! Вот и я тоже хочу, чтобы у меня были свой муж и дети! Конечно, мне очень жаль Гил-Галада, — виновато добавила она, — но я же не могу вечно его оплакивать! Да, он погиб в бою, но я-то жива, и Элронд тоже, и мы хотим быть счастливы вместе, а не скорбеть годами! Кроме того, — сказала она уже более жестко, — мы же победили Врага! Да, я знаю, что победа досталась нам дорогой ценой, но в любом случае это повод радоваться, а не горевать, ведь опасность миновала!

Эльф мрачно покачал головой.

— Что ж, Келебриан, — ответил он, — я должен сказать тебе кое-что важное. Владыка Элронд попросил у нас твоей руки, и я дал ему свое согласие.

— Ура! — радостно взвизгнула девушка и бросилась отцу на шею. — Я наконец-то стану его женой! Мы сыграем свадьбу как можно скорее!

Келеборн мягко отстранился.

— Не торопись, доченька, — осторожно ответил он, — я пообещал ему, что он станет твоим законным супругом не раньше чем через год. Пойми меня правильно, но я сам сейчас не могу устраивать пышные торжества. Я потерял своего племянника, потерял близких друзей, да и сам Элронд тоже носит траур по своему другу и повелителю... подожди, пока боль потерь хоть немного утихнет. Мы же тем временем сошьем тебе самое что ни на есть прекрасное платье, и ты будешь самой восхитительной невестой во всем Средиземье!

— Более того, — добавила Галадриэль, — владыка Элронд через неделю прибудет к нам в Лориэн и какое-то время будет нашим гостем. Теперь мы будем принимать его в наших чертогах как твоего нареченного.

Слова родителей одновременно и огорчили, и обрадовали юную эльфийку — ей, конечно, не терпелось как можно скорее стать женой любимого, но она осознавала, что ей придется соблюсти обычаи и правила приличия, ведь если она незамедлительно устроит свадьбу, забыв о трауре по брату, все окружающие ее неправильно поймут. Впрочем, что такое год-другой для бессмертных эльфов, можно и подождать, тем более что всего через неделю она наконец-то увидит Элронда, и какое-то время он проведет с ней в Лориэне! Они будут вместе гулять под луной, говорить обо всем на свете, а потом наконец-то станут мужем и женой, и ничто не помешает их счастью!

*

В то время, как дочь лориэнских владык Келебриан всей душой мечтала наконец-то выйти замуж за любимого, Гил-Галад и Эрилиндэ тоже сыграли свадьбу, и теперь король Нолдор уже открыто смог назвать женщину, которая была ему дороже всего на свете, своей законной супругой. Конечно, еще десять лет назад он, тайком мечтая об этом дне, представлял на празднике совсем других гостей, а уж точно не Саурана с его ближайшими соратниками, но сейчас ему казалось, что все сложилось, несмотря ни на что, наилучшим образом. Его братья и лучший друг живы — это ли не везение, да и Элронд показал свое истинное лицо, то бишь мерзкую харю... гадко, конечно, но уж лучше вовремя узнать о чьей-то гнилой сущности, нежели продолжать по наивности доверять тому, кто однозначно уже давно недостоин доверия, и считать его своим союзником.

Эрилиндэ не хотела устраивать пышное торжество — ей казалось, что это все совершенно лишнее и предрассудки, главное, что они с Гил-Галадом любят друг друга, но ее муж настоял на красивом празднике, поскольку он давно мечтал именно об этом. Невеста, чье интересное положение пока что не бросалось в глаза, надела расшитое золотом синее платье с разрезами по бокам и позолоченным поясом и казалась королю Нолдор еще более прекрасной, чем обычно, а братья жениха, решив в свою очередь сделать ему подарок, накрыли для новобрачных и гостей богатый стол — названий многих угощений, совершенно привычных для жителей юга и востока Средиземья, Гил-Галад даже не знал, но все блюда и напитки оказались на редкость вкусными; в особенности ему понравились морские гребешки в специях и утка, фаршированная апельсинами, орехами и черносливом.

— Тебе давно надо было жениться, дорогой братишка, — сурово произнес Келебримбор, сидя рядом с братом с рюмкой самого лучшего мордорского коньяка в здоровой левой руке, — авось мозги на место бы встали, и все бы обошлось без таких неприятных последствий.

— Уж прекрати брату-то собственному праздник портить, — слегка возмутился Дургхаш.

Гил-Галад повернулся к орку.

— Тъелпе прав, я был слишком горяч, глуп и наивен. Разберусь с моим бывшим герольдом — непременно съезжу еще раз к своим родичам и извинюсь перед ними. Оба моих дяди и Элеммакил мне дело говорили, да только я их не послушал. Надеюсь, они меня простят и не станут держать на меня зла, хоть я перед ними и виноват.

— Хорошо, что ты еще можешь все исправить, — поддержал его Дургхаш. — Ладно, этим ты займешься позже, а на сегодня забудь обо всем. Сегодня твой день, и ты вправе им наслаждаться, потому что каждый из нас заслужил свое счастье.

Король Нолдор радостно улыбался, все еще до конца не веря в происходящее: поначалу, когда они с Эрилиндэ только познакомились, все было так странно, и он не мог понять, почему она его избегает, потом узнал, кто она такая и кому служит, после чего утратил всякую надежду, и вот теперь они вместе — вместе навсегда, до скончания времен. Гости пили за счастье молодых, и праздник продолжался до позднего вечера, пока все не стали постепенно расходиться; теперь и Гил-Галад мог наконец остаться наедине со своей женой и даже во сне не отпускать ее руки.

*

Жители Минас Тирита встречали верховного короля дунэдайн и его воинов как настоящих героев, которыми они, впрочем, в их глазах по сути и были — многие гондорцы, в особенности те, кто приплыл из Нуменора, еще помнили страшные времена Ар-Фаразона, когда любого из Верных могли бросить в темницу, замучить до смерти, отправить в Храм по ложному обвинению, и негде было искать защиты от произвола, но теперь угроза миновала, и впереди была только счастливая мирная жизнь. Женщины, дети и подростки с ликующими криками высыпали на улицы; многие, несмотря на осеннее время, умудрились где-то раздобыть немного подвявшие поздние цветы и бросали их под ноги вернувшимся с войны мужчинам; впрочем, их радость была сильно омрачена тем, что от многочисленного войска Верных осталось меньше половины. Почти у всех собравшихся несколько лет назад ушел на войну кто-то из близких, и теперь они с надеждой искали взглядами знакомые лица, надеясь, что их муж, брат или сын остался в живых, однако такое счастье выпадало далеко не каждой. Вдова Анариона Тиндомиэль даже не вышла из своих покоев — Менельдил, холодно поприветствовав дядю и двоюродных братьев, сделал вид, будто тоже искренне рад их возвращению, и сказал, будто его мать больна.

— Погода-то вон какая, три дня подряд дождь лил, потом снег шел, а сегодня снова потеплело, но с утра был сильный туман, — недовольно пробурчал он. — Вот мама и простудилась, я ей говорил, чтобы теплее одевалась. У нее вчера был жар, сильно

болела голова, а сегодня она жалуется, что глотать не может, словно ей в горло песка насыпали. Я, конечно, сразу лекарей позвал, но несколько дней ей придется пить снадобья и лежать в постели.

Исилдур притворился, будто поверил в ложь племянника — на самом деле он отлично понимал причину, по которой Тиндомиэль, никогда не жаловавшаяся ни на какие недомогания, заперлась у себя и не вышла встречать родичей. Она вышла за Анариона не по необходимости и не по настоянию родителей, а по собственному доброму желанию и большой любви, и гибель ее супруга на войне наверняка стала для нее страшным ударом. Вот он, теперь уже верховный король дунэдайн, сейчас стоит на городской площади, он жив, здоров и даже не поцарапан, а его отец и брат не вернулись из Мордора, и каково ей сейчас было бы смотреть на брата своего покойного мужа, да еще и изображать радость, ведь боль от этой потери не перевесит ничто, никакая победа?!

— Да, это неприятно, — уклончиво ответил он, — очень жаль, что твоя досточтимая матушка нездорова и не может разделить с нами нашу радость. Впрочем, это всего лишь обычная простуда, думаю, через несколько дней она поправится.

Элендур, наблюдая за отцом со стороны, в который раз про себя отметил, что тот похож отнюдь не на того, кто одержал блестящую победу над страшным врагом, избавил всю Арду от опасности и может со спокойной душой радоваться жизни; напротив, Исилдур выглядел замкнутым, мрачным и угрюмым, словно пришел на тризну, а не на торжество в свою честь. Мысли о будущем буквально парализовывали волю наследного принца, захлестывали его сознание волной страха — в особенности в те мгновения, когда Элендур вспоминал о вражьем кольце, которое король Верных так и не решился уничтожить, по-прежнему носил с собой, но он не решался говорить об этом с отцом и братьями, тоже делая вид, будто все в порядке.

Алла же все это время стояла позади, натянув на голову капюшон длинного плотного плаща; никто не обратил на нее внимания — во-первых, она, чтобы ее не заметили, спряталась за Аратаном и Кирьоном, во-вторых, ее наряд почти целиком скрывал лицо, и она вполне сошла за обычного человека, который мог получить на войне обезображивающее увечье и теперь его стесняется. Ей, конечно, совсем не хотелось находиться в этом месте — да и не стоило, и она не имела такого права. Жалеть о случившемся не было смысла — что сделано, то сделано, ей оставалось только исполнить обещание, данное сыновьям Исилдура, и как можно быстрее исчезнуть из их жизни при первой возможности.

*

Амарт сидел в своей комнатенке за столом и, глядя на тусклое мерцание дешевой свечи, при свете которой он обычно записывал по вечерам свои сказания, прислушивался к разговорам за стеной. Сегодня у Лалайт, которая сдавала ему жилье, был настоящий праздник — муж и сын хозяйки дома вернулись с войны живыми и невредимыми, и по этому случаю она, обычно придерживавшаяся очень скромного образа жизни, надела свое лучшее платье и с помощью соседок наготовила вкусных блюд. Она не скрывала своей радости и не могла наглядеться на своих родных, тем более что другим женщинам в ее квартале не так повезло — у многих братья, мужья, сыновья и отцы навсегда

остались лежать в выжженной земле Мордора, и наряду с веселым смехом, музыкой и песнями то тут, то там можно было услышать рыдания и причитания несчастной молодой вдовы или матери, потерявшей сына. Он знал о том, кто победил в войне с Сауроном и чем все закончилось, и даже убедительно изобразил радость, но в дурном расположении духа пребывал не только из-за этого — теперь муж и сын Лалайт возьмутся за прежнее ремесло, женщину будет кому содержать, главе семьи понадобится комната, и хозяйка дома наверняка откажет ему в жилье, придется искать новое. Впрочем, у него было время до конца месяца — он сам слышал, как Лалайт говорила об этом со своим супругом.

— Ты уж потерпи, милый, — просила она мужа, — понимаю, что у нас тут тесновато, но этот парнишка внес деньги вперед, я не могу вот так вот взять и выгнать его в никуда.

— Да я все понимаю, — ответил Асгон, с явным облегчением вешая на стенку меч и кольчугу в надежде на то, что они ему никогда больше не пригодятся, — пусть пока поживет, но все-таки подыскивает другую комнату. Тут, я вон смотрю, пока мы воевали, все полы рассохлись, стены прохудились, двери перекосились, надо весь дом чинить, вот я через месяц как раз этим и займусь.

Амарт хотел было продолжить одну из своих историй — в этот раз о любви Гэлеона и Иэрне, но в голову ему лезло совсем другое. Взяв в руки перо, он стал писать о падении Мордора, о гибели Черного Властелина в неравном бою, и слезы капали из его глаз на дорогую бумагу, оставляя некрасивые пятна и разводы, но он не обращал на это внимания. В этот поздний час многие жители Минас Тирита оплакивали своих сыновей, павших на поле брани, и юноша невольно подумал о том, что Тано Мелькору в какой-то степени повезло — он погиб в самом конце Первой Эпохи и не увидел смерти своего старшего сына, но, может быть, судьба будет к ним милосердна и они встретятся за Гранью Мира...

Увлечшись своим повествованием, он засиделся далеко за полночь, но когда от свечи остался жалкий огарок, все-таки лег в постель и заснул, завернувшись в колючее шерстяное одеяло. Он не слышал того, как хозяйка дома, убрав со стола и помыв посуду, решила потихоньку посеCRETничать с супругом и рассказала Асгону о странностях своего жильца. Тот, впрочем, был опытным воином, а не простым горожанином, и годы, проведенные в боях, сильно закалили его характер.

— Так, Лалайт, — сказал он жене, — ты сейчас ложись-ка спать и ничего не бойся, а я с ним сам разберусь.

Глава семьи тоже лег в постель, а наутро встал раньше всех и приготовился действовать. Он предусмотрительно запасся крепкой веревкой, которой обычно привязывал своего коня, а потом, дождавшись, пока Амарт умоется, оденется и выйдет из своей комнаты, внезапно заломил постояльцу руки за спину и надежно скрутил — все произошло так внезапно, что юноша даже не успел среагировать.

— Что вы делаете? — воскликнул он, решив, что Асгон просто перебрал вчера за ужином и принял его за забравшегося в дом грабителя, но тут же сообразил, что что-то не так — гондорец был трезв как стеклышко. — Вы что? Я же у вашей жены комнату снимаю!

— А что ты сам еще делаешь, помимо этого? — грозно спросил муж Лалайт.

— Ничего! — Амарт все еще не понимал, что происходит, и сильно испугался. — Вы... вы что, думаете, что ваша жена была вам неверна?! — он высказал единственное возможное объяснение, которое пришло ему на ум. — Вы соседей спросите, они вам все подтвердят... это неправда... никто к ней не ходил, а я просто комнату снимал...

Гончар угрюмо сдвинул брови.

— Ты мне зубы не заговаривай, вражий прислужник, — сурово ответил он. — Я знаю, что моя жена мне верна, и дело не в ней, а в твоих сказочках, которые ты тут сочинял. Сейчас мы с сыном отведем тебя прямиком к королю, а Лалайт позовет свидетелей, и будем разбираться, кто ты на самом деле такой и кем сюда подослан. Если бы мы потерпели поражение — было бы твое счастье, а теперь пеняй на себя.

Амарт похолодел: он понял, что хозяйка дома каким-то образом прознала о том, что он записывает древние сказания об Эльфах Тьмы и их Учителе, да не просто прознала, но еще и рассказала об этом своему мужу и еще каким-то людям! Как он мог быть таким неосмотрительным, он-то думал, что эта простая женщина вряд ли обучена грамоте и вообще не заходит в его комнату!

— Я все вам объясню... Я не хотел... — он понимал, что дело очень плохо, и теперь лихорадочно соображал, как будет выпутываться из сложившейся ситуации.

— На суде и объяснишь, — холодно бросил Асгон. Тем временем его сын принес из соседней комнаты записи Амарта — целую кипу бумаг, и сверху лежали как раз вчерашние листы, которые юноша по неосторожности никуда не спрятал.

— Ой, отец, тут такое, — сказал он. — Хорошо, что мы с тобой вовремя вернулись. Наша мама в такой опасности была... хвала Эру, что он ей ничего не сделал!

Асгон, крепко держа Амарта обеими руками, краем глаза заглянул в бумаги, которые держал сын, и скривился от омерзения и ярости.

— Знаешь, мне очень хочется самому забить тебя до смерти, — презрительно произнес он, — но такой поступок недостойн мужчины. Пусть наш король судит тебя по справедливости и по всей строгости закона. Скажи-ка маме, — попросил он сына, — чтобы она позвала как свидетеля того торговца, у которого наш жилец работал, а мы с тобой отведем этого негодяя во дворец. Зло должно быть наказано.

Лалайт, выглянув из кухни, от неожиданности едва не выронила только что вымытую тарелку, которую держала в руках.

15. Пустота

Для Валандура возвращение домой — хотя он, как и его друзья, мог назвать Гондор своим домом лишь с очень большой натяжкой — стало настоящим кошмаром. Ему совсем не хотелось снова переступить порог опустевшего дома, где его никто не ждал, и он, находясь еще в мрачном, неприветливом Мордоре, где погибло великое множество его воинов, жалел о том, что время идет так быстро — даже это место было лучше, чем его так называемый дом. Если другие люди и эльфы считали дни до обратного пути с замиранием сердца и надеждой на встречу с близкими, то он предпочел бы, чтобы время навсегда застыло и ему никогда не пришлось бы снова пересекать границу своей родины — вернее, страны, которая тоже просто звалась таковой, но так ей и не стала и никогда не станет.

По понятным причинам Исилдур, прибыв в столицу Гондора, не стал устраивать никакого торжественного приема или пиршества — во-первых, все прекрасно знали, сколько воинов пало во владениях Врага, и большой праздник по случаю победы был бы просто проявлением неуважения к их памяти и горю их близких, во-вторых, у него просто не было ни сил, ни желания веселиться. Все его подданные отнеслись к этому с пониманием — они осознавали, что нельзя хотеть иного от человека, у которого на глазах погибли отец и брат, а Валандур был даже рад тому, что его друг и король не заставил его присутствовать ни на каком торжестве — ему не терпелось поскорее остаться в одиночестве и попытаться осмыслить все произошедшее, а, может, даже и дать выход своему горю, наконец-то оплакав Вардильмэ, пусть мужчине и не подобает лить слезы.

Он пересек улицу, остановился возле знакомой двери, нащупал на поясе ключ, отпер замок — тот подался с трудом, видимо, за долгие месяцы ржавчина успела сделать свое дело, пусть в письме он и попросил соседку присматривать за домом; шагнув внутрь, он оказался как будто в другом мире — настолько чужим и даже не неприветливым, а откровенно отвратительным показалось ему собственное жилище. Как королевский военачальник он мог позволить себе роскошные дорогие вещи, но сейчас они представлялись ему совершенно ненужными, никчемными, лишними в этом пустом огромном доме, где его никто не ждал, никто не встречал, никто не радовался возвращению отца и мужа с войны живым и невредимым... Здесь мог бы звучать голос его несчастной жены Вардильмэ, смех или плач их ребенка, но все его мечты и надежды рассыпались прахом, и теперь он был обречен на одиночество и пустоту до конца своих дней. Если бы он мог вернуть своих близких к жизни, он бы отдал им все годы, причитающиеся ему, лишь бы Вардильмэ была жива и здорова, лишь бы у них все было в порядке и они были счастливы!

Он немного походил по пустым пыльным комнатам, потом сел за стол. На улице смеркалось, и он зажег свечу, а потом долго смотрел на пламя, в отблесках которого кружились и медленно падали на грязную скатерть и на пол мелкие соринки. Надо будет, конечно, убраться... только вот какой в этом смысл? Было бы хоть ради кого... Сейчас он ощущал исключительно пустоту в душе, причем пустоту настолько страшную, что это нельзя было передать никакими словами. Ради чего он живет, к чему были все их усилия? Родители умерли, дети умерли, Вардильмэ тоже больше нет, настоящая родина давно на дне моря... Теперь ему оставалось лишь доживать в полном одиночестве свой

неестественно долгий век, изо дня в день постоянно думая о том, что не сбылось и не сложилось.

Долгое время Валандур так и сидел, глядя на огонь оплывающей свечи, пока его печальные размышления не прервал внезапный стук в дверь. Он нехотя встал, отодвинул стул и пошел открывать; на пороге стоял Эстельмо — оруженосец Элендура.

— Господин Валандур, — сказал запыхавшийся юноша, — король зовет вас во дворец, он говорит, что дело срочное и не терпит отлагательств.

— Что случилось? — спросил нуненорец, пытаюсь вспомнить, куда бросил плащ; на улице было довольно прохладно, и моросил противный мелкий дождь.

— Жена одного из наших воинов с помощью других горожан выследила вражеского шпиона, который, как оказалось, уже долгое время жил в городе и снимал у нее комнату под видом простого рассыльного, работал в лавке и успешно вводил всех в заблуждение. Ее муж и сын схватили преступника и доставили во дворец на суд короля, свидетели подтверждают ее слова. По виду этот парень явно из морэдайн, на вопросы отвечает уклончиво или вообще отказывается от ответа, утверждает, что ни в чем не виноват и ничего дурного не совершал. Наш повелитель требует вашего присутствия.

— Хорошо, — кивнул Валандур. — Я сейчас оденусь потеплее и приду.

*

В тронном зале королевского дворца собралось много людей; все они, оживленно и вместе с тем встревоженно перешептываясь, смотрели на тех, кто стоял прямо перед Исилдуром. Это были ничем не примечательные, простые люди — четверо мужчин, один из которых, судя по его внешности, явно имел в родне харадрим, и две женщины; один из этих людей крепко держал за плечи какого-то паренька со связанными за спиной руками, одетого в поношенную черную рубаху и такие же штаны. Человек, который привел вражеского лазутчика, что-то обстоятельно объяснял королю; остальные время от времени тоже вставляли какие-то реплики — Валандур не слышал с порога, о чем именно они говорили, но сразу догадался, что свидетели излагают подробности дела. Он подошел напрямик к ним и стал рассматривать арестованного; это был совсем еще молодой парнишка, про которого, если бы ему довелось, к примеру, случайно встретить его на улице, он в последнюю очередь подумал бы, что он может оказаться прислужником Саурона.

Исилдур медленно повернул голову в сторону своего друга и военачальника.

— А, ты пришел, — сказал он. — Хорошо, что мне не пришлось тебя долго ждать. Тут такая история... прямо скажем, очень нехорошая.

— Можно обо всем чуть подробнее? — попросил Валандур. — Что именно случилось?

— Я держу свою лавку, — произнес пожилой полукровка, — сами понимаете, господин, мне нужны помощники, я же не могу один все на себе тащить. Ну и нанимаю всяких

ребят — полы там подмести, товар покупателю доставить, молодежи же денежки всегда нужны. Еще до войны был у меня один помощник, но воровать повадился — постоянно я выручки недосчитывался. Я его, естественно, выгнал, а потом вот этого паренька нанял. Мне он поначалу даже понравился, вроде не ворует, работу свою выполняет исправно. Только потом он стал мне каким-то подозрительным казаться. Ко мне вот эти люди в лавку зашли за покупками, — он указал на стоявших рядом с ним мужчину и женщину, — и говорят: парень странный, что он все время в черном ходит? И зовут его необычно — Амарт. Ну, я, естественно, и задумался.

Его товарищи тоже начали что-то рассказывать — как удалось понять Валандуру, двое из них просто что-то заподозрили, у остальных он снимал комнату; нуменорец хотел было заикнуться о доказательствах — простых домыслов как-то маловато, мало ли кто там любит черный цвет, носит странное имя и проводит свободное время в одиночестве, как один из свидетелей вытащил из мешка какие-то книги и исписанные листы бумаги и протянул их Валандуру.

— Господин, мы нашли в его комнате вот это, — сказал он. — Можете сами посмотреть, вот что он у себя держал. Такая мерзость, что слов нет!

— Ладно, хватит, — оборвал их Исилдур и окинул юношу в черном неприязненным взглядом. — Что ты можешь сказать в свое оправдание?

В лице арестованного не дрогнул ни один мускул, хотя Валандур заметил, что глаза паренька полны безумного ужаса.

— Я могу сказать, что никому ничего плохого не делал. Я вообще не понимаю, что имеют против меня все эти люди. Я не причинил им зла. Я просто работал у этого человека в лавке, а вот у этой женщины снимал комнату. Потом ее муж и сын вернулись с войны, я знал, что мне нужно будет освободить жилье, но они, видимо, хотели, чтобы я убрался раньше...

— Да при чем тут это! — воскликнул один из мужчин, хватаясь за голову. — Ты что вот тут сочинял?

— Он как-то раз при мне обмолвился, что всякие стихи и сказочки пишет, — добавил лавочник. — Только сказочки-то вон какие оказались, про Моргота и его приспешников! Я, наивный старый дурень, его безобидным чудаком считал...

Мальчишка, однако, сумел подавить страх; выпрямившись, он посмотрел в глаза человеку, у которого раньше работал.

— Во-первых, не называйте его Морготом, — довольно твердо ответил он, у него даже почти получилось скрыть дрожь в голосе, — во-вторых, ну да, я их сочинял, и что дальше? Я причинил зло вам? Госпоже Лалайт и ее семье? Или этим двум людям, которых я даже не знаю? За что меня хотят бросить в темницу?

Лавочник, однако, решил, что тот просто заговаривает всем зубы.

— Ваше Величество, — обратился он к Исилдуру, — по виду этот юноша еще дитя годами и вполне безобиден, но на деле он вражеский шпион. С чего бы ему сочинять такие сказки да еще и пытаться обелять Моргота?

Тот взял у его спутника книги и листки с записями мальчишки и стал внимательно их изучать, потом отложил в сторону.

— Да уж, у меня просто слов нет, — только и смог произнести он.

— Видите? — торжествующе воскликнул полукровка. — Это шпион морэдайн!

— Да вижу, отлично вижу, — Исилдур посмотрел на гостя таким взглядом, словно ему все происходящее уже здорово надоело, но Валандур прекрасно знал, что это означает на самом деле — его друг чувствует себя смертельно уставшим и у него наверняка чудовищно болит голова. — Вы пока идите к себе на работу... или домой... куда вы там, в общем, хотите, а мы во всем разберемся. Будьте уверены, что преступник не избежит справедливого наказания. Стража, — он сделал знак рукой двум воинам, — отведите этого негодяя в подвал дворца. Валандур, я даю тебе серьезное поручение, поговори с этим молодым человеком как можно более доходчиво и выясни, на кого он работал, что здесь делал и что намеревался сотворить. А вы не беспокойтесь, — он попытался ободрить посетителей, хотя ему не терпелось выпроводить их восвояси и наконец остаться в одиночестве, — этот морадан не сможет ничего вам сделать.

— Мы очень на это надеемся, Ваше Величество, — сказали почти одновременно обе женщины. Низко поклонившись королю, все пошли к выходу. Двое стражников, схватив юношу-морадана за локти, потащили его вслед за ними. Тот наконец-то опомнился.

— Я не морадан! — закричал он. — Я не работал на морэдайн!

Исилдур смерил его странным взглядом, в котором одновременно читались злость, раздражение и безмерная усталость.

— А почему тогда все это сочинял? — спросил он каким-то надтреснутым полупшепотом, несколько напугавшим Валандура. — А ты, — он повернулся к другу, — спустись с ними в подвал и хорошенько допроси этого юного мерзавца. Даю тебе разрешение... — он на мгновение не то задумался, не то растерялся, — применять любые средства, какие найдешь, делай с ним что хочешь, хоть на медленном огне поджарь, но вытряси из него имена всех тех мораданских тварей, на которых он работал, и конечную цель его... пребывания в нашем городе. Он наверняка плел какой-то заговор.

— Не надо! — отчаянно завопил юноша, силясь вырваться. — Я ничего не делал, я невиновен! Я сочинял эти сказки, но это не преступление! Я же никого не убил! Я все объясню!

— Вот Валандуру и объяснишь, — Исилдур отвернулся. — Ты утверждаешь, что невиновен, но это твои трижды проклятые соплеменники, — он понизил голос, — сожгли моих соседей заживо в их же собственном доме, не пощадив ни детей, ни стариков, пытали и увечили тех людей, что видели тебя в лавке у торговца Эруана, надругались

над моей троюродной сестрой, хотели сделать то же самое с моей женой, приносили наших детей в жертву Морготу, продавали попавших к ним в лапы в рабство, отправляли на костер... мне продолжать перечислять ваши злодеяния? Хороших морэдайн не бывает. Даже если ты и невиновен — ты думал, что творишь? Займись им, Валандур, и выбей из него признание, а потом решим, что с ним делать. Может, тоже на костер отправим, пусть на себе испробует, каково это — гореть живьем в полном сознании.

— Мой король, вот уж действительно не надо, — решил возразить Валандур, потому что подобное было выше даже его сил. — Вы решили уподобиться прислужникам Врага? Морэдайн погубили несчетное количество людей, но мы же не морэдайн. Если он виновен, давайте быстро отрубим ему голову, и дело с концом.

Исилдур скривился, словно и в самом деле от приступа сильной головной боли.

— Вытряси из него все, что нужно, я повторяю, — жестко ответил он. — Когда мораданские ублюдки насильовали Исилвэн и мучили сотни других людей, они не думали о том, каково тем приходится. Вот и ты не думай. У нас, конечно, нет всяких особых орудий пыток, как у морэдайн, но ты возьми подручные средства. Кочергу там в камине раскали докрасна и приложи ему к телу. Или можно хлыст взять, каким скотину погоняют. Помнишь Амлаха, твоего соседа? Морэдайн забили его до смерти бичом с кусочками свинца и не испытывали по этому поводу ни капли раскаяния. Все ясно? Выполняй, а потом подумаем, что с ним делать. Можно и на костер.

*

Приказ короля следовало исполнять, даже если он никому не нравился.

Сейчас Валандур снова сидел за столом, но уже не в своей комнате, а в наскоро переоборудованной под допросную подвальной камере; ощущения у него были более чем странные — с ранней юности он привык к тому, что на этом месте положено сидеть какому-нибудь морадану, тюрьмы и пытки не были изобретением Верных. Он попытался сосредоточиться, не понимая, что вообще тут делает; больше всего ему хотелось встать и уйти, но он ловил себя на мысли, что дома делать нечего и никто его там не ждет, а долг есть долг, и если Исилдур отдал ему приказ выколотить из этого мальчишки признание... дальше-то как быть? Как он будет выглядеть в глазах короля, если послушается? А в своих собственных, если подчинится и в самом деле возьмет в руки раскаленную кочергу?

Решив, что терять ему уже попросту нечего — кому теперь интересно и нужно его доброе честное имя? — он велел стражникам ввести арестованного. Теперь он смог лучше его рассмотреть — совсем еще мальчишка, таким мог бы быть кто-то из его собственных сыновей, если бы они выжили, самый обычный, ничего примечательного — темные волосы, собранные в хвост, бледная кожа, словно он намеренно прячется летом от солнца, потрепанная черная одежда. Трясется не то от подвального холода, не то от страха. Валандур поймал себя на мысли о том, что ему жалко этого юношу, но разве не такие, как он, были в свите небезызвестного Миналбэля? Нет, нельзя поддаваться жалости... его самого или его детей, если бы они все-таки остались живы, никто бы не пощадил.

— Ну что, рассказывай, — мрачно пробормотал Валандур, — что да как.

— А что я вам расскажу, — пожал плечами парнишка. — Я невиновен.

— Зовут-то тебя как?

— Амарт.

— Слушай, Амарт, мне совершенно не хочется тебя пытаться, калечить или жечь живьем, — Валандур печально покачал головой, глядя на мерцающие отблески огня камина на стене. — Давай-ка, расскажи мне в подробностях, кто ты такой, на кого работал, кто заслал тебя в Гондор и чего именно ты хотел добиться.

Юноша поежился. Только сейчас он осознал, что с ним собираются делать. Это не простая комната, а самый настоящий застенок. Самое худшее, что могли придумать Верные. Если он и выйдет отсюда, то окончательно сломленным моральным и физическим калекой, но это возможно только в том случае, если он согласится предать своего Тано. Если же не предаст — его убьют. Сожгут заживо или придумают еще что-то страшное. Однако делать было нечего. Нет, конечно, он не собирался предавать имя Мелькора и его слова ни под каким предлогом — ведь он принял такие мучения ради своих учеников... Амарт заранее настраивал себя на то, что будет стоять на своем, что бы с ним ни делали, но решил все-таки попробовать объяснить прислужнику Исилдура, что тот неправильно все понял.

— Хорошо, — ответил он дрожащим голосом, — я вам все объясню. Только все было не совсем так, как вы думаете. Я не морадан. Более того, я никогда никого из них даже не видел, не то что на них не работал. Я из потомков воинов Аст Ахэ.

— Не ври, — прорычал один из стражников.

— Не надо, дай ему спокойно договорить, — оборвал того Валандур. — Всегда надо дать человеку возможность оправдаться. Пусть объяснит все по-хорошему, а потом мы и сделаем надлежащие выводы.

Амарт обвел взглядом тесное помещение, освещенное лишь слабым пламенем камина, и начал свой рассказ. Он понимал, что после этого его уже точно не пощадят, но поведал приближенному короля Верных обо всем, что знал — о том, каким на самом деле был Тано Мелькор, об Эллери Ахэ и Войне Могуществ, о Черной Твердыне и ее рыцарях, о своей семье, хранившей древнюю память, и о старинных сказаниях, которые он записывал по вечерам. Валандур внимательно выслушал юношу, но совершенно ему не поверил.

— Так, парень, — произнес он, — сказка, конечно, красивая, да только глупая. Мне нравится, как и что ты сочиняешь, да еще так быстро, на ходу, тебе бы и в самом деле в сказители, но меня сейчас интересует кое-что другое. Ты из нашего народа, по виду ты не харадец, не кхандец и не вастак. Верно?

Амарт кивнул.

— Поясню: я мог бы понять, если бы такие вещи рассказывал какой-нибудь южанин, многие из них изначально жили на землях, подвластных Врагу, — нахмурился Валандур. — И его бы я не осудил, человек не виноват в том, что его воспитали в таких принципах и он молится не Эру, а Гневному Солнцу. Что же до нуменорцев... если кто-то из наших не Верный, значит, он морадан, и третьего не дано. Теперь говори правду. На кого ты работал и чего хотел? Я не буду сразу же пробовать на тебе жестокие пытки и предлагаю тебе добровольно рассказать о своих хозяевах. Кто подослал тебя в Гондор? Сама Ар-Зимрабет?

— Это вообще кто? — удивился парнишка.

Валандур решил, что он притворяется и просто умело врет.

— Десять минут на раздумье, — он перевернул песочные часы. — Я сразу скажу, что мне не доставит большого удовольствия тебя бить или увечить. Я этого не хочу. Говори, или я буду вынужден применить силу, — военачальник Исилдура сам не мог себе представить, как сможет ударить этого несчастного юношу, беззащитного и безоружного, но... а что, если он действительно лазутчик морэдайн?

Амарта трясло от ужаса, несчастный юноша дико боялся боли и унижений, но ему и в самом деле было просто нечего сказать этому человеку — он и в самом деле никогда в жизни не видел ни одного морадана и не мог взять в толк, о чем толкует военачальник Исилдура. Почему он называет его шпионом?

Песок сыпался. Время истекло.

— Ну что, говорить будешь?

— О чем? — юноша и в самом деле не знал, что ответить.

Валандур встал из-за стола, подошел к Амарту и с силой ударил его кулаком в лицо. Тот не удержался на ногах и свалился на пол, чувствуя, как рот наполняется кровью из разбитых губ. Он не пытался сопротивляться, уклоняться или кричать, когда жестокое избиение продолжилось, просто закрыл руками лицо, защищая его от ударов, и тихо вздрагивал от ужаса и боли. Ему казалось, что мучитель в слепой ярости просто не видит, куда попадает и с какой силой бьет, потому что пара ребер у обвиняемого уже явно треснула, но Амарт ни разу не застонал — молчал, стиснув зубы. Он не знал, сколько времени прошло и когда это наконец прекратилось, когда до него снова донесся голос прислужника Исилдура:

— Ну что, будешь упорствовать? Говори, что ты делал в Гондоре. Готовил покушение на жизнь короля или кого-то из его родных? Хотел отравить воду? Что?!

— Да за что вы меня бьете, нечего мне рассказывать, я невиновен, — чуть слышно ответил Амарт и почувствовал, как Валандур пнул его еще раз.

— Бросьте-ка его на сутки в самую холодную комнату этого подвала, — приказал он стражникам.

— Не много ли? — спросил один из Верных, юноша ненамного старше арестованного, в силу возраста слабо представлявший себе, что такое зверства морэдайн.

— Молчи, дуралей, — осадил его второй, мужчина средних лет. — Это ж морадан, ты себе не представляешь, какие они! Мало! Есть и пить мы ему не дадим, — пообещал он.

Охранники подняли Амарта с пола и потащили к выходу.

*

Когда все закончилось — по крайней мере, на эти сутки, Валандур почувствовал что-то вроде облегчения... вернее, это была смесь облегчения и отвращения к самому себе и к жизни вообще. Да, он исполняет свой долг, защищает свою страну, свой народ, но на деле он был вынужден переступить через себя и превратиться в чудовище. Впервые в жизни он поднял руку на безоружного, не на врага в бою, не на равного себе, а почти на ребенка — кто бы знал, чего ему стоил тот первый удар. Поднял руку и еще приказал бросить его в ледяную темницу... это было против чести, и кто он теперь? Чем он лучше тех же морэдайн? А что, если парнишка и впрямь хотел убить его лучшего друга или кого-нибудь из его сыновей? Или причинить вред жителям города? Открыть ворота врагам? Если, если, если...

Поднявшись наверх, он не стал заходить к Исилдур, а решил сразу вернуться домой — тому сейчас наверняка нехорошо, не стоит его беспокоить. Он посмотрел в окно: на улице давно стемнело — сколько было времени, может, уже давно за полночь? — и пошел противный мокрый снег; к счастью, зимы в Гондоре не были холодными, но он все равно их не любил. Внезапно за его спиной раздался скрип приоткрываемой двери; Валандур испуганно дернулся, обернулся и с облегчением вздохнул — он вспомнил, что эти покои Исилдур приказал отвести Айор, той харадке, что везде сопровождала эльфийку-Авари Аллуа.

— Кто здесь? — воскликнула девушка, выглянув в коридор — она не очень понимала, кто может находиться здесь, когда она уже готовится ко сну, и сразу же его узнала. — А, здравствуйте... что вы здесь делаете?

Валандур понимал, что уже успел переступить черту, отделявшую порядочного и благородного человека от монстра, и почувствовал неловкость. Ему бы сейчас сидеть в темнице вместе с преступниками, ему не место среди обычных людей, и он не имеет права с ними разговаривать.

— Ничего, — проговорил он и хотел добавить, что сейчас уйдет, но харадка посмотрела на него так, что он не сдвинулся с места.

16. Искра

— Я вас напугал? — он подумал, что она могла его неправильно понять или принять за забравшегося в окно вора, и решил извиниться. — Простите. Вам тут в любом случае ничего не угрожает, здесь безопасно.

— С чего вы взяли, что я вас боюсь?! — в голосе девушки Валандуру почудилась насмешка. — Меня вообще тяжело напугать. А вот с вами-то с самим все в порядке? Это у вас сейчас такое лицо, словно вас кто-то сильно напугал.

Он отвернулся — ему казалось, что Айор сейчас все поймет по его глазам, прочтет по лицу и будет его презирать, хотя после содеянного он и в самом деле не достоин ничего, кроме презрения, а ведь ему еще и завтра предстоит допрашивать этого паренька.

— Со мной уже давно все не в порядке, но это долгая история. Не думаю, что вам до этого есть дело. Ложитесь спать и ни о чем не беспокойтесь.

Она полностью распахнула дверь и вышла к нему; Валандур почувствовал холодок, пробегающий по спине, и дело здесь было не в общей странности происходящего. Еще два дня назад он был таким же человеком, как и все — да, убивал на войне, да, поднимал оружие против слуг Саурона, но сейчас? Что он творит сейчас? А ведь буквально через несколько часов ему придется вернуться туда, в этот страшный подвал, и продолжить жуткий разговор с этим мальчишкой, который заперт в холодной пустой комнате совсем один. Был бы жив Элендил и узнал бы обо всем — не сносить бы им с Исилдуром головы, он не стерпел бы ничего подобного, это было не в его характере.

— А вы заходите ко мне, — предложила девушка. — Мы с вами и поговорим немного.

Он ответил не сразу.

— Не стоит. К тому же нас могут неправильно понять...

Ее глаза засверкали, и она засмеялась; вид у нее при этом был такой, словно она услышала какую-то невообразимую нелепость.

— И как же это? Подумают, что мы замышляли поджечь город?

Будь она нуменоркой, для нее такие вещи были бы чем-то самым собой разумеющимся — не надо вести никаких разговоров с едва знакомым человеком, если он не является твоим мужем или родственником, кроме как по делу, и тем более приглашать его к себе, но Валандур уже успел понять, что южанам многие обычаи и традиции их соседей кажутся очень странными или даже смешными, и поэтому решил в спор не вступать, но ему в этот миг действительно была нужна чья-то поддержка, и он был даже рад тому, что случайно столкнулся с Айор. Та же в свою очередь посмотрела ему в глаза и внезапно перестала веселиться, улыбка исчезла с ее лица.

— И все-таки давайте пойдём ко мне.

Валандур наконец нерешительно кивнул и вошел в комнату, прикрыв за собой дверь. Между ним и харадкой было расстояние всего в пару шагов, и ему казалось, будто он чувствует тепло ее тела.

— Что произошло? — снова спросила она.

Он подумал, что рассказывать ей про арестованного морготопоклонника, наверное, все же не стоит.

— Я же говорю, это долгая история. Началось все в тот день, когда моим родителям захотелось обзавестись ребенком — лучше бы они этого не делали. Если бы я не родился, все было бы совсем иначе... по крайней мере, для меня.

Айор посмотрела на него с сочувствием. Валандур решил, что терять ему уже и в самом деле нечего, и выложил ей все, что наболело — начиная с тех ужасов, что ему пришлось пережить в Нуменоре, и заканчивая возвращением в пустой дом, где его никто не ждал. Девушка снова бросила на него долгий взгляд — теперь она понимала, почему король дунэдайн медленно сходит с ума: в таких обстоятельствах трудно сохранить здравый рассудок.

— А меня всегда удивляла человеческая слепота, — сказала она. — Без сомнения, все те, кто окружал вас все эти годы, думали, что у вас с Исилдуром все прекрасно. Мне очень жаль, что вам обоим пришлось все это пережить.

Валандур отвернулся и стал смотреть на огонь в камине. Айор приблизилась, взяла его за руку, а потом обняла, и он прижался лицом к ее плечу; она начала гладить его темные волосы, и нуменорец, немного успокоившись, подумал, что впервые за много лет может с кем-то поговорить по душам, хотя это и было против всех правил — если бы кто-то увидел их сейчас, то неизвестно бы что подумал.

— Я еще в Мордоре заметила, как ты на меня смотришь, — прошептала она.

Он отшатнулся, чувствуя себя так, словно его поймали на чем-то очень гадком — да это так и было, если бы покойный отец или даже Элендил застали его за чем-то подобным, то наверняка начали бы возмущаться и призывать гнев Валар на голову развратника. Айор наклонилась к нему, чтобы что-то сказать, но он внезапно повернул голову, и их губы встретились. Валандур замер в немом ужасе, прижав ладонь ко рту, и на его лице отразилась смесь изумления и страха.

— Простите, — тихо проговорил он. — Это было недопустимо. Я должен идти.

— Не надо, — она протянула к нему руки, и их губы снова слились в поцелуе. Ее прикосновения казались нуменорцу чем-то за гранью осознанного.

— Если я ничего не путаю, ты же вроде давала обет своим богам, — он подумал, что эта прекрасная девушка могла бы растопить даже сердце каменной статуи, но как быть с теми обязательствами, что связывают их обоих крепче любых цепей?

— Я могу отказаться от своего служения, если захочу, — горячо прошептала она, торопясь стянуть через голову ночную рубашку.

Ее губы показались Валандуру невероятно горячими и сладкими.

Дальнейшее было для него как во сне. Только оказавшись за дверью, он наконец вздохнул с облегчением. Да, он переступил все возможные запреты, но теперь ему казалось, что он избавился от чего-то отвратительного — словно пробудился после кошмарного сна, который чуть не стал явью.

*

Амарт не знал, сколько времени провел в абсолютной темноте со связанными руками на полу страшной сырой комнаты — ему казалось, что он находится там уже целую вечность. Со стен мерно капала вода, невыносимый холод пронизывал до костей, и нечем было прикрыться, не во что завернуться — на нем были лишь его потрепанные штаны и рубашка, он мог лишь свернуться клубочком, чтобы хоть немного согреться. Два треснувших ребра сильно болели, в ушах звенело, и Амарт не помнил, долго ли он так пролежал, мучаясь от жестокого холода и ноющей боли во всем теле, но в какой-то момент дверь распахнулась, и вошел Валандур в сопровождении каких-то людей. — Мы за тобой. Ну что, я надеюсь, ты все-таки одумался и будешь говорить? — Нет, — простонал Амарт, пытаясь повернуться так, чтобы хоть как-то видеть вошедших. — Я не знаю, чего вы от меня хотите, но мне попросту не в чем признаваться.

Он не знал того, что утром этого дня его мучителя опять вызвал к себе Исилдур. Валандур в очередной раз попытался убедить своего полубезумного друга разделить с вероятным мораданским лазутчиком быстро — как известно, нет человека, нет проблемы, но король дунэдайн упорно стоял на своем.

— Нет, — говорил он. — Мне важно знать, кто его подослал.

— Но что это изменит? — Валандур чувствовал себя более чем омерзительно, поскольку всего за одни сутки умудрился переступить все мыслимые и немыслимые запреты, которые ему вбивали в голову с детства — мало того что поднял руку на беззащитного, так еще и переспал вне брака с женщиной, которую при всем желании не смог бы взять в жены по обычаям Верных, и ему не хотелось опускаться еще и до истязаний или тем более убийства. — Допустим, мы узнаем, что это была леди Зимрабет или кто-то там еще из ее приятелей, и что дальше?

— Я сказал — вытряси из него все, — тихо, но жестко проронил Исилдур, едва разжимая губы. — Для меня это важно, я, по крайней мере, буду знать, откуда ждать угрозы. С нами не особенно церемонились. Пусть получит свое. Возьми каленое железо, плетку, что там у тебя еще в хозяйстве найдется, и пусти в дело. Не думаю, что этот мальчишка долго продержится. Не заговорит — тут уж я его тем более жалеть не стану.

Стиснув зубы, Валандур поплелся в подвал, чувствуя невообразимое отвращение к самому себе и к тому, чем ему сейчас снова придется заниматься. Когда перед ним снова поставили этого мальчишку, первым его желанием было попросту сбежать в неизвестном

направлении, чтобы не видеть всего этого и уж тем более не браться за привычные ему предметы, которым теперь предстояло превратиться в орудия пыток, но деваться было по-прежнему некуда.

Мыслями он вернулся к прошедшей ночи с Айор, в своем воображении ясно видя, как девушка закрывает глаза, слыша, как она стонет от удовольствия, чувствуя, как дрожит ее тело... Что ж, падать дальше уже некуда. Ему остается только замучить насмерть или сжечь заживо этого наивного ребенка — или все-таки вражеского шпиона? — и что тогда? В кого он превратится? Чем он будет лучше тех же морэдайн или Моргота, которого Амарт, вероятно, вполне искренне считает хорошим? Да, покойный Элендил нашел бы для него много приятных эпитетов... бесстыжий развратник, который оказался не в состоянии хранить верность памяти своей несчастной Вардильмэ, мучитель, убийца...

— Амарт, — он не умел ни на кого кричать, поскольку по жизни ему почти никогда не приходилось ругать и без того больного ребенка, которому было не до шалостей, или прибегать к жестким мерам в отношении подчиненных, в этом просто не было нужды, и ему пришлось постараться, чтобы придать своему голосу более-менее грозное звучание, — мне очень жаль, но все улики против тебя. У тебя нашли всякие жуткие книги. Я не верю в то, что они попали к тебе случайно.

— Это мои вещи, — подтвердил тот. — И те записи делал тоже я.

— Ну вот, — кивнул Валандур. — Тем более. Скажи мне честно, на кого ты работал. Кто подослал тебя сюда? Леди Зимрабет? Кто-то из ее прислужников? Или еще кто-то из знатных морэдайн? Чего они хотели?

— Я не знаю, о ком вы говорите! — воскликнул юноша, по его лицу потекли слезы, но связанные за спиной руки мешали ему их вытереть.

— Так, ну ты все-таки хоть немного подумай, — военачальник Исилдура все еще пытался взывать к голосу разума, но этот парнишка упорно стоял на своем; неужели все же придется использовать кочергу не по назначению? — Ты утверждаешь, что не имеешь к морэдайн никакого отношения, однако почему-то сочинял сказки про Моргота. Давай серьезно: оправдательный приговор тебе уже не светит. Если бы ты, например, солгал, что это не твоя писанина, а книги ты украл у кого-то из поставщиков лавочника и хотел перепродать, то отделался бы легким испугом и несерьезным наказанием за мелкое воровство. Теперь у тебя выбор невелик: чистосердечное признание и быстрая казнь через повешение или отсечение головы либо медленная мучительная смерть на костре. Не вынуждай меня перед этим тебя увечить, мне не доставит ровным счетом никакого удовольствия жечь тебя каленым железом или что-то тебе ломать.

Валандур намеренно тянул время и надеялся на чужое благоразумие — говоря по правде, он даже не представлял себе, как сможет через себя переступить и превратиться в самого настоящего палача, такое дело куда больше пристало бы печально известному Миналбэлю, а не дунадану из приличной семьи, но Амарт был на редкость упрям.

— Да что я вам скажу, — продолжал рыдать юноша. — Делайте со мной что хотите, мне не в чем сознаваться. Я не знаком ни с кем из морэдайн, не приносил в жертву людей, в чем мне сознаваться?

— Что мы время тянем, — перебил его один из стражников. — Давайте уж к делу приступим, вон как раз кочерга в камине лежит, можно его и прижечь немножко, и поколотить.

Валандур ожидал, что этот человек проявит инициативу и предложит свои услуги в качестве добровольного палача, но он вместо этого бросил на него вопрошающий взгляд — дескать, когда же, командир? Военачальник Исилдура надеялся, что сможет переложить на кого-то грязную работу, потому что для него это было совершенно невыносимо, но его ожидания были напрасны. Остальные стражники тоже стали смотреть на него с немым вопросом, и нуменорцу пришлось встать, надеть на правую руку перчатку, чтобы самому не обжечься, и взять из камина раскаленную кочергу.

— Ну ладно, — он попытался изобразить гнев и злость. — Ты сам виноват, я честно пытался уговорить тебя сознаться.

Амарт смотрел на него с немым ужасом и беззвучно плакал.

*

В те дни Саурон не знал о том, что творится в Гондоре, поскольку вместе с Моро уехал по делам на восток, однако Верные даже себе не представляли, что у подручных Черного Властелина везде есть глаза и уши в лице всяких мелких животных наподобие ворон, сов и кошек, так что все уже благополучно узнали об аресте юного мелькорианца и вероятном смертном приговоре.

— Да, — Келебримбор, рассказывая родственнику интересную новость без тени сочувствия в голосе, — бывают же на свете идиоты, у меня слов нет, один мат. Совсем парень безголовый, я думал, таких недоумков всех еще в Первую Эпоху извели.

Гил-Галад внезапно бросил на него пылающий гневом взгляд; тот осекся на полуслове и уже не продолжал свою тираду.

— Знаешь, Тъелпе, я все понимаю, но так вот, как ты, себя не ведут, — Келебримбор был намного старше, но сейчас его брат ощутил себя так, словно они поменялись местами и уже он отчитывает младшего родича, который по недомыслию и из-за недостатка жизненного опыта сболтнул невероятную чушь. — Если другой попал в беду, то надо попытаться сделать все возможное для того, чтобы ему помочь, или, если это уж совсем неосуществимо, то хотя бы посочувствовать ему на словах, а не насмехаться и уж тем более не заявлять, что он сам виноват. Такие вещи недопустимы. Даже если он и виноват. Можно подумать, ты сам всегда все делал правильно. Или я вон тоже — поверил Элронду, хотя делать этого не стоило.

— Конечно, нет, — возразил Келебримбор, — никто из нас не может делать все правильно, да только у меня хватало ума не кричать на каждом углу в присутствии Эонвэ

и его приспешников о том, что я тут Саурону сочувствую, на орочьих девушек засматриваюсь и вообще у меня в роду Эллери Ахэ были. А у этого что вместо мозгов — каша? Зачем он провоцирует народ, да еще и после того, что натворил спятивший Ар-Фаразон? Какой реакции он ждал от нуменорцев на свою писанину — что они его за это похвалят или вообще золотом одарят? Насмешил. Уехал бы, например, на восток или в ту же Ханатту и сочинял бы там свою хрень на здоровье, кто б ему мешал? Да никто. Можно было бы даже при желании эту белиберду в типографии местной отпечатать и на рынке продать, его книжки наверняка пользовались бы большим успехом у его ровесников, которых хлебом не корми — дай пострадать да порыдать над сказками, лучше бы у них учебой были мозги забиты. А если еще учесть то, что у короля Верных-то с головой совсем не в порядке...

Эльф подумал, что продолжать эту дискуссию бесполезно — надо что-то делать, пока не поздно и Исилдур в своем безумии не совершил непоправимого.

— Ладно, Тъелпе, дело твое, — мрачно ответил он, — пусть все эти слова навсегда останутся на твоей совести. Я твоего мнения не разделяю. Многие, как ты говоришь, сами виноваты в том, что попали в беду, да только это не повод над ними насмеяться. Сначала надо другому помочь, а потом на мозги капать.

— Неужели ты собрался его у Исилдура из темницы вытащить? — удивился Келебримбор, но не ожидал, что Гил-Галаду и впрямь взбредет в голову нечто подобное.

— А это уже тебя не касается, — его брат был настроен довольно решительно и уже придумал довольно безумный с первого взгляда план, но почему бы не попробовать? В худшем случае у него, конечно, ничего не выйдет, но в лучшем он спасет жизнь ни в чем не повинному человеку, попавшему в беду из-за чужого сумасшествия.

Недолго думая, он решил обратиться за помощью к Хонахт — Восьмому Назгулу, которой отчасти был обязан жизнью; успев немного с ней пообщаться и поблагодарить девушку за помощь, он пришел к выводу, что она довольно отзывчивый и здравомыслящий человек. Та внимательно выслушала Гил-Галада и замысел его не одобрила, но помочь согласилась.

— Есть у меня один ящер, который летает на редкость быстро, — объяснила она.

— Давай-ка я вас познакомлю, и если он тебя признает, то ты долетишь на нем до Гондора самое большое часа за четыре. План у тебя и в самом деле безумный, уж не собрался ли ты в самом деле с Верными драться?

Эльф вздохнул.

— Думаю, драться с ними мне и не придется, их один мой вид до полусмерти напугает, — предположил он, — уж если дело будет совсем плохо, лезть в открытый бой, конечно, не стану, не буду же я собственного родича убивать, он не виноват в своем безумии. А так — почему бы и не попробовать отобрать у них этого юного мелькорианца, если получится.

К его удивлению, Дургхаш, пусть и был орком, повел себя куда более благородно,

нежели Тъелпе: услышав его разговор с братом, он встал на сторону Гил-Галада.

— А мне кажется, ты хорошо придумал, — сказал он. — Не надо оставлять пусть даже и очень глупого мальчишку на растерзание безумцу. Только вот оружие с собой возьми, постарайся, конечно, в драку не лезть, но на всякий случай оно тебе понадобится. Есть у меня хорошая вещь, досталась мне от моих предков, если что, в бою не сломается.

Он снял со стены ятаган в потемневших от времени, а когда-то посеребренных ножнах и вручил его эльфу. Тот, конечно, про себя подумал, что предпочел бы обычный прямой меч, а то и свое любимое оружие — Айгрос, благо они были ему более привычны, но в сложившихся обстоятельствах выбирать не приходилось, а Айгрос благополучно прикарманил Элронд.

— Вот, сам посмотри — до сих пор острый и блестит, как новенький. Это работа Эллери Ахэ, сталь прочная, тебе точно подойдет!

Нолдо вытащил ятаган из ножен, попробовал разрубить им какую-то деревяшку, потом про себя подумал, что изогнутый клинок в принципе по-своему удобен, надо будет потом при случае немного попрактиковаться, чтобы окончательно к нему привыкнуть.

— Спасибо, — поблагодарил он орка. — Особенно он мне пригодится, когда я все-таки доберусь до Элронда, но это чуть позже, сейчас жизнь этого юноши важнее.

— Удачи, — Дургхаш пожал ему руку.

17. Слово - не воробей

Гил-Галад подошел к большому зеркалу в серебряной оправе, посмотрел на свое отражение, пригладил свои длинные темные волосы, потом нерешительно взял со столика большие ножницы, еще немного поразмыслил, но делать было нечего — речь шла о жизни или смерти ни в чем не повинного человека, волосы-то отрастут, а мертвого не воскресишь. Конечно, смотреться с почти наголо остриженной головой он будет очень некрасиво и позорно, но дело того стоит — он никогда не бросал других в беде и не собирался делать этого впредь, благо мог что-то предпринять, а ящер Хонахт, пусть с первого взгляда и напугал эльфа до полусмерти, оказался вполне дружелюбным. Что ж, настало время наведаться в Гондор...

Ножницы глухо лязгнули. Первая черная прядь блестящей змейкой упала к ногам короля Нолдор.

*

Как ни пытался Валандур отсрочить неизбежное и упросить упрямого паренька-морадана добровольно сказать ему, кто подослал его в гондорскую столицу, ему пришлось все равно взяться за раскаленную докрасна кочергу. Военачальник Исилдура рассчитывал, что тот испугается, едва ее увидев, сломается, сознается во всем, но Амарт упорно молчал; плакал, орал, срывая голос, молил о пощаде, но по делу по-прежнему ничего не говорил. Валандур сам не понимал, как ему удавалось, пересиливая себя, так мучить этого почти что подростка, но он попытался мысленно отрешиться, отстраниться от происходящего, представить себе, будто это делает кто-то другой... хотя ему было уже некуда падать, он и так встал на одну ступеньку с Миналбэлем, даром что не брал Айор силой.

Дальнейшее арестованный юноша помнил очень плохо. Даже свой непрекращающийся дикий крик он слышал словно со стороны. Единственное, что врезалось в память — это хруст собственных костей и огонь. Огонь камина, на котором мучители калили железо, огонь, над которым держали его руки, чтобы добиться признания. Когда злосчастный мелькорианец терял сознание, его снова приводили в чувство, но так ничего и не смогли выяснить — ему было просто нечего сказать.

Его снова бросили в холодную подвальную комнату, но на этот раз Валандур, решив, что с Амарта уже хватит, оставил несчастному маленький светильничек, кусок хлеба и воду. Немного отлежавшись, юноша приоткрыл глаза и с ужасом взглянул на свои руки. Ногти были вырваны, обугленная или содранная во многих местах кожа висела лохмотьями, переломанные кости торчали наружу. Несчастный был бы рад заснуть, но это у него никак не получалось из-за чудовищной боли в изувеченных руках и вывернутых суставах, и Амарт тихо рыдал, уткнувшись лицом в сырую стену. Наутро за ним пришли снова.

— Ты будешь говорить? — потребовал ответа смертельно уставший Валандур.

Амарт поднял на него опухшие от слез глаза, покачал головой.

— Тебе что, пытки нравятся? — недоумевал нуменорец. Один из его помощников

фыркнул и глумливо рассмеялся.

— Командир, я слышал от своего зятя, — сказал он, — будто некоторые прислужники Врага в восточных землях и в самом деле себе во славу Моргота увечья наносят, чем больше увечий и чем меньше ты при этом кричишь — тем лучше. Может, и он из этих.

Парнишка по-прежнему молчал, пусть и еле держался на ногах — даже не пытался солгать во спасение.

— Мне нечего больше сказать. Хотите — убейте меня, хотите — до смерти замучайте, но я уже поведал вам все, что смог.

Валандур был наслышан о том, что такие, как Миналбэль, прекрасно умеют терзать жертв месяцами, но сам он впервые делал что-то подобное и не имел никакого понятия о том, как причинить сильнейшую боль, но не искалечить и не убить. Приказав своим помощникам крепко привязать арестованного к лавке, чтобы тот не уворачивался, он взял в руки тяжелый бич и снова попытался выбить из мораданского лазутчика признание. Стыдливые Верные, в отличие от морэдайн, не стали раздевать преступника донага, но это ни капли не помогло несчастному: страшные неумелые удары незадачливого дознавателя все равно срывали кожу до костей. Кровь сбегала на пол ручейками. Амарт поначалу кричал так, что у мучителей закладывало уши, потом только надрывно стонал, а когда Валандур уже начал выбиваться из сил, впал в полубморочное состояние и только вздрагивал при каждом ударе.

Стражники отвязали пленника от лавки, плеснули ему в лицо водой.

— Теперь что скажешь? — устало поинтересовался военачальник Исилдура.

Амарт ничего не ответил — глаза ему застилала кровавая пелена, и он уже не понимал, где находится и что с ним, попросту превратившись в сплошной комок боли. Один из помощников Валандура, видя это, в ужасе произнес:

— Командир, хватит с него. Он уже почти при смерти. Забьем, и все.

Тот обессиленно прислонился к стене — сейчас он был похож на смертельно раненого, который готов упасть и лишь каким-то чудом еще держится на ногах.

— Да, хватит. Я сейчас пойду к королю и все ему расскажу... — пробормотал он таким голосом, словно и в самом деле был почти при смерти. Ему самому было страшно, низкий потолок подвала как будто давил на него — и дело было отнюдь не в высоком росте нуменорца; ему просто казалось, что он сам загнан в ловушку и выхода из нее просто нет. Сейчас он почти завидовал своей жертве: этому пареньку недолго осталось — он был уверен, что Исилдур не пощадит лазутчика морэдайн. Однако когда же его собственное существование наконец оборвется?

*

Солнце затянулось облаками.

Солнцу суд позорный не к лицу.

Муса Джалиль

Еще один страшный день подошел к концу. С тяжелым сердцем Валандур снова отправился к королю докладывать обстановку.

— Мой повелитель, этот юноша не хочет ничего говорить. Я уже все перепробовал. Он безнадежен. Молчит, несмотря на самые страшные пытки, и мне так и не удалось выяснить, кто его к нам подослал и чего они хотели. Он не назвал ни одного имени. Даже не знаю, откуда в нем такая сила и выдержка. Я бы сам такое однозначно вытерпеть не смог.

Исилдур посмотрел ничего не выражающим взглядом куда-то в пространство мимо своего военачальника, совершенно не замечая того, что бедного Валандура откровенно мутит от отвращения к самому себе, к содеянному и ко всему этому миру в целом.

— Сжечь заживо. Завтра на закате.

Неожиданно между Валандуром и королем встал Элендур — гондорский принц выглядел смертельно напуганным.

— Отец, не надо, я тебя умоляю!

Со стороны могло показаться, будто Исилдура просто перекосило от злости на посмевшего с ним спорить сына, но на деле нуменорец испытывал совсем другие чувства и не понимал, как с ними справиться.

— Что ты сказал? — переспросил он.

— Отец, я тебя очень прошу — пощади его! Я уверен, он не хотел никому ничего плохого! Он же ничего не сделал! За что вы так над ним издеваетесь? У вас есть доказательства его вины? Мне кажется, что если бы он хотел кому-либо навредить, то давно бы это сделал!

Исилдур смерил сына строгим взглядом, лицо его было искажено смесью гнева и страха.

— Да как ты смеешь? Защищаешь вражьего прислужника? Сам Враг сдох, а недобитки остались, но я с ними разделаюсь! Ты забыл Нуменор?! Ты забыл, как морэдайн жгли наши дома вместе с людьми и не щадили даже детей?! Может, ты забыл собственных детей и жену?! Что с ними сделали, как думаешь?! Им очень повезло, если они погибли в бою или их завалило рухнувшей кровлей! А скольких принесли в жертву Морготу, сжигая на кострах?

Элендур скривился, как от резкой боли — да это воспоминание и в самом деле до сих пор причиняло ему невообразимую боль, но он не мог смириться с несправедливостью, с безумием отца, с тем, что завтра умрет в страшных муках, возможно, ни в чем не повинный человек.

— Пощади его, отец! Он ведь почти ребенок и мог не понимать, за что выступает!
Пожалейте его, вы ведь и так его изувечили!

— Элендур, да ты свихнулся! Понимаю, ты не знал свою тетю Исилвэн, она погибла еще до твоего рождения, и ее...

Тот поежился, но не отступил.

— Прости, отец, но нельзя судить одного человека за вину других. Мне известно, что случилось с моей тетей Исилвэн, и мне, пусть даже я ее и не знал, очень ее жаль. Если бы я мог, я бы расправился с теми, кто сотворил с ней такое, но при чем здесь этот мальчишка? Он, что ли, надругался над твоей сестрой или сжег заживо наших соседей в Нуменоре? Он здесь совершенно ни при чем! Если хочешь, я самолично могу поручиться за то, что Амарт ничего не делал и не сделает!

— Он из морэдайн, этого уже достаточно! Я больше чем уверен в том, что это лазутчик Зимрабет! — Исилдур уже не знал, как убедить сына в своей правоте и в том, что этот парнишка при внешней безобидности крайне опасен.

— Он ничего никому не сделал, и об этом все знают! Весь город! Почему ты даже не дал ему возможности оправдаться?! Я предлагаю вот что: отпустите его, пусть он живет, как и раньше, просто следите за ним в оба глаза — и вы сами увидите, что он невиновен! Ну что он сделал, сказки глупые про Моргота с его подручными сочинял? Сказки сочинять — не преступление!

Валандур нахмурился.

— Элендур, прости, но ты рискуешь...

Тот даже не посмотрел в его сторону. Исилдур почувствовал, как вся та невыносимая душевная боль, которую он каждый раз испытывал, теряя близких и друзей по вине ненавистных морэдайн, вернулась с новой силой, навалилась на него, словно каменная глыба невероятного веса, ему захотелось поделиться с сыном своей скорбью и болью, чтобы тот все-таки одумался и перестал защищать морадана, но вместо этого у него вырвались совсем иные страшные слова.

— Какого балрога ты защищаешь эту падаль? Сам решил заделаться вражьи́м прихвостнем? Я и тебя на костер отправлю, не посмотрю на то, что ты мой сын!

Элендур побледнел — сейчас его вид чем-то неуловимо напомнил Исилдuru те непрекращающиеся ночные кошмары, в которых король дунэдайн постоянно видел смерть своего сына от руки Саурана. Нуменорец отшатнулся — он не хотел говорить такого собственному сыну, которого горячо любил и очень боялся потерять, но все же произнес в ярости совершенно чудовищные вещи. В это мгновение он осознал смысл сказанного и был бы рад вернуть свои слова обратно, но это было уже невозможно.

— Отец, ты хоть понимаешь, что говоришь и делаешь? — в глазах его сына застыли страх

и непонимание; он знал, что король дунэдайн не совсем в себе, но даже не думал, что когда-нибудь дойдет и до такого.

— Заткнись!

Исилдур размахнулся и вlepил сыну пощечину. У Элендура перехватило дыхание, и он резко повернулся и выбежал из зала. Его отец сделал несколько глубоких вдохов, словно пытаясь наконец взять себя в руки, и спокойно произнес:

— Все ясно, Валандур. Жги прислужника Зимрабет заживо.

— Да, мой повелитель, — натянуто-безжизненно улыбнулся его несчастный военачальник, который в этот момент понял, что еще не дошел до последней черты. Она будет завтра — завтра на закате, когда уже поздно будет отступать и ему придется окончательно превратиться из честного человека в палача. Собравшись с духом, он приказал одному из своих помощников объявить арестованному приговор.

*

В подвале было по-прежнему сыро и очень холодно. Амарта сильно знобило, все тело невыносимо болело, и юноша невольно подумал о том, что предстоящая боль от огня уже не пугает его после всего пережитого. Сил подняться у несчастного уже не было, в горле пересохло, но протянуть руку и взять чашку с водой, стоящую в двух шагах от него, он был не в состоянии. Амарт уже не боялся ничего — ему было попросту все равно. Иногда у юноши еще мелькали смутные мысли о том, что он молод и ему хочется жить, но все чувства глушила боль, и ему хотелось не столько жить дальше, сколько поскорее умереть и избавиться от мучений. Осужденный преступник прекрасно понимал, что его приговорили к смерти и спасения не будет, да и неоткуда было его ждать — никто из единомышленников Амарта не смог бы прийти несчастному на помощь, даже если бы захотел. Уцелевшие сторонники Саурона бежали далеко на восток или на юг, и некому было не только заступиться за юного мученика, но и просто узнать о его несчастной судьбе. Что ж, он был последним, кто хранил древние легенды, кто знал об Эльфах Тьмы, Тано Мелькоре и воинах Аст Ахэ, но теперь память умрет вместе с ним.

«Завтра все быстро кончится... а там — кто знает?» — попробовал успокоить себя истерзанный пленник и провалился в глубокий сон без сновидений.

*

Исилдур, напротив, не спал всю ночь. Поднявшись на самый верхний ярус дворцовой башни, он заперся там в комнате и долго сидел, глядя в окно на жутковатую полную луну — она показалась ему огромной и почему-то необычного кроваво-оранжевого цвета, внушавшего ему необъяснимый страх. Вынув кольцо Саурона из медальона на цепочке, он долго его рассматривал, после чего убрал назад. На пыльном столе перед ним лежали многочисленные рукописи, в том числе и те, которые пару дней назад еще принадлежали мораданскому лазутчику. Он подержал их в руках, но в комнате, несмотря на яркий лунный свет и горящую свечу, было темновато для чтения, поэтому он зажег еще одну и решил чуть подробнее ознакомиться с тем, что сочинял прислужник Зимрабет.

*

Добравшись до Имладриса, Элронд решил не отступать от своего замысла: Исилдур по-прежнему представлял для него угрозу. Однако теперь он, не дожидаясь его визита в свой дом, выбрал другую стратегию: попытался настроить против короля дунэдайн его жену.

Первый день после возвращения домой бывший герольд Гил-Галада и его подручные провели каждый в своих покоях, приходя в себя с дороги, на второй устроили грандиозную пьянку, на третий похмелялись, а на четвертый, окончательно оклемавшись, пошел к королеве Фириэль для крайне важного разговора по душам. Та сидела возле окна с шитьем, время от времени откладывая работу и глядя на усталенную опавшими листьями лужайку; Валандила рядом, к удовольствию Элронда, не оказалось — видимо, младший сын Исилдура где-то гулял.

— Доброго вам дня, госпожа Фириэль, — начал издалека эльф.

— И вам доброго дня, владыка Элронд, — ответила та, отложив свое шитье; ее гость сразу заметил, что она шьет нарядную рубашку для кого-то из своих сыновей или даже для неверного мужа. — Я очень рада, что вы благополучно добрались домой и не пострадали на войне.

— К счастью, я не ранен, со мной все отлично, — обменялся с ней любезностями Элронд. — Однако я не могу сказать, что все совсем благополучно.

— Это да, — кивнула женщина, и ее глаза наполнились слезами. — Погиб Гил-Галад, пали брат и отец моего мужа...

Элронд решил перейти к сути разговора.

— Я хотел сказать вам кое-что важное. Честно говоря, мне неприятно заводить этот разговор, поскольку он касается весьма болезненного для вас вопроса... когда мы с Исилдуром покидали Мордор, он наткнулся там на какую-то женщину, я сам не знаю, как это произошло и кто она такая...

— Все, дальше можете не продолжать, — оборвала его Фириэль. — До меня уже дошли слухи об этой истории. Так вот, я вас очень прошу об одном: забыть про эту женщину и моего мужа и ни в коем случае не обсуждать это, когда он приедет в Имладрис. Ведите себя, пожалуйста, так, словно ничего не произошло.

Элронд ахнул.

— Как?! Вы что, собираетесь простить это Исилдуру?!

Нуменорка встала с кресла и посмотрела на своего собеседника таким взглядом, что если бы она умела воспламенять им предметы, то бывший герольд короля Нолдор сразу бы рассыпался горсткой пепла. Эльф опешил и отступил на пару шагов назад.

— Вот что я вам скажу, — он даже не ожидал от королевы дунэдайн такого тона и таких слов. — Я прекрасно понимаю ваше негодование, более того, признаюсь вам честно, что мне тоже нелегко было узнать о случившемся и с этим смириться. Однако я бы попросила вас впредь больше никогда не говорить о моем муже дурно в моем присутствии. Это наше семейное дело, и я надеюсь, что оно все же не выйдет за рамки нашей семьи. А теперь... покиньте, пожалуйста, мою комнату и ни в коем случае не вздумайте обсуждать это с Валандилом, иначе я за себя не ручаюсь.

Элронд попятился.

— Я же хотел...

— Есть правила приличия, — сейчас Фириэль говорила с ним так, словно это он стоял ниже нее в негласной иерархии общества запада Средиземья, — я слышала, вы тоже собираетесь жениться на дочери владыки Келеборна и леди Галадриэль?

Тот кивнул, сжав зубы.

— Возможно, что у нас с Исилдуром не все гладко, — продолжала она ледяным тоном, — может статься, что и вы с госпожой Келебриан поругаетесь, однако не следует выносить сор из своего дома. Жене не пристало обсуждать своего мужа, каким бы тот ни был, даже со своими родителями, не говоря уже о тех, кто не является членами нашей семьи, а чужим не подобает говорить о семейных делах своих знакомых.

— Простите мою неучтивость, — забормотал эльф, — но я думал, вы не знаете...

— Хорошо. Я все знаю. Слухи распространяются очень быстро, нравится нам всем это или нет. Разговор окончен.

Тому не оставалось ничего иного, кроме как уйти несолоно хлебавши, однако сдаваться и отказываться от своих планов он не собирался. Оставалось ждать приезда Исилдура в Имладрис.

18. Восставший из мертвых

Пока в Мордоре шла долгая кровопролитная война, младший сын Исилдура Валандил жил со своей матерью в Имладрисе. Постепенно взрослея, он узнавал все больше и больше об окружающем мире; Фириэль, конечно, мечтала о том, чтобы ее сын как можно позже столкнулся с тем, что пришлось пережить его родителям, однако мальчик был на свою беду довольно умен и понимал многое из того, что, как думалось его маме, еще не стоит знать ребенку его возраста. В тот день, когда у нее состоялся неприятный разговор с Элрондом, он вернулся вечером с прогулки и сразу заметил подавленное настроение матери.

— Мама, — сразу обратился он к ней, — у тебя все в порядке?

— Все прекрасно, милый. Я просто немного устала, — Фириэль невесело улыбнулась. Ее и в самом деле одолевали мрачные мысли: как быть, когда ее муж приедет сюда? Сделать вид, что она ничего не знает? Наверное, это и будет наилучшим выходом.

— Не лги, мама. Я вижу, что ты вовсе не устала, тебя что-то тревожит. Почему ты так печальна? Война окончена, отец и братья скоро приедут за нами!

— Я очень по ним скучаю, — она сказала первое, что пришло ей в голову. — Сейчас до их возвращения в Арнор и впрямь осталось совсем немного, но чем меньше остается времени, тем сильнее я скучаю. Сколько лет я их не видела!

Они обменялись понимающими взглядами. Валандил чувствовал, что мать явно что-то недоговаривает, но в силу возраста не мог разобраться в происходящем; ему оставалось только попытаться хоть немного ее поддержать.

— Ничего, мама, — мальчик поцеловал ее в щеку, на его глаза навернулись слезы, — все будет в порядке. Я тоже по ним скучаю, но скоро мы снова будем вместе.

Он вышел за дверь в полной растерянности. В коридоре было сумрачно и стояла гнетущая тишина.

*

Часы, оставшиеся до приведения приговора в исполнение, показались несчастному Валандуру вечностью. Он бы отдал все за то, чтобы этот страшный вечер никогда не наступил, чтобы он вообще до него не дожил — взял бы, допустим, да упал мертвым, но разумом он понимал, что это невозможно и что ему все же придется совершить самое страшное в своей жизни. Запершись в своем пустом доме, он глядел в стену и не хотел никого видеть, ни с кем разговаривать, однако короткий день постепенно клонился к закату, и ему волей-неволей пришлось выйти за дверь и снова отправиться в жуткий подвал к арестованному.

Увидев несчастного парнишку на полу комнаты в тусклом свете чадящего факела, нуменорец невольно содрогнулся — и это сотворил с ним он сам, своими руками? Ему было невыносимо осознавать содеянное — конечно, он убивал на войне врагов, таких же,

как и он, воинов с оружием в руках, но впервые за всю свою долгую жизнь он причинил вред тому, кто не мог ему ответить. Сейчас, глядя на Амарта, Валандур сомневался в том, что тот вообще сможет встать и хоть пару мгновений удержаться на ногах; юноша дрожал в ознобе, губы запеклись от жара, а сквозь многочисленные дыры в рубашке виднелись воспаленные рваные раны. Когда его окликнули, он с трудом разлепил глаза, судя по всему, уже ничего не понимая.

— Какой смысл его на костер тащить, — невольно вырвалось у незадачливого палача.

— Он от такого не ровен час сам умрет.

— Так что нам делать-то? — вопросительно посмотрели на него стражники. — Мы ему вон уже и костер сложили, и веревки приготовили, и столб поставили.

Валандур тяжело вздохнул.

— Поднимайте его. Что поделать, таков приказ короля...

Народу на площади было мало — все-таки Верные — не морэдайн, никому из них и в голову бы не пришло испытывать извращенное удовольствие от созерцания чужой смерти, пусть даже речь идет о заклятом враге, а в глазах тех, кто все-таки отважился присутствовать на казни, читались вовсе не восторг или злорадство, а ледяной ужас и недоумение. Никто из Верных не мог смотреть на истерзанный полутруп, которого держали под руки двое помощников Валандура, без сострадания и страха; даже Ангрим, сам переживший в застенках морэдайн невообразимые муки, подумал, что происходящее уже однозначно за гранью разумного, и предложил жене поскорее пойти домой — он уже сожалел о том, что в свое время в принципе завел с Эруаном разговор о странностях этого парнишки.

— Пойдем, — его жену колотило от ужаса. — Я не смогу на это смотреть. Неужели король не мог приказать просто отрубить ему голову?!

Амарт смотрел на все вокруг ничего не понимающими, безумными от боли и страха глазами, и ему хотелось только одного — чтобы все это поскорее закончилось. В ушах у него звенело, голова болела и кружилась, в горле пересохло — несмотря на то, что Валандур перед тем, как вести осужденного на костер, дал ему немного воды, несчастному из-за сильной кровопотери все равно невыносимо хотелось пить. Однако когда на месте казни появился Исилдур в сопровождении старшего сына, его военачальник испугался еще больше: верховный король дунэдайн выглядел немногим лучше приговоренного. Бледен как зимнее небо, под глазами темные круги, волосы растрепаны, Элендилмир надет криво, вид такой, как будто он тяжело болен или просто рыдал всю ночь. Что это с ним? Валандур уже успел привыкнуть к странностям лучшего друга, однако его сегодняшнее состояние было заметно хуже обычного.

Элендур молча встал рядом с отцом, скорбно опустил глаза и стараясь не смотреть на обреченного лазутчика морэдайн. Какая-то женщина, пробегая мимо по своим делам с сыном лет двенадцати, постаралась как можно быстрее уйти из страшного места и закрыла ребенку глаза одной рукой, в другой крепко сжимая его ладонь. Помощники Валандура тем временем привязывали преступника к столбу; любое неосторожное

прикосновение причиняло юноше невыносимые страдания, но сил кричать у него уже не было, да и пить хотелось ужасно, поэтому он только тихо всхлипывал, с ужасом ожидая, когда зажгут костер.

— Нет, — наконец нарушил тишину старший сын Исилдура. — Нет, — снова произнес он едва слышным шепотом. — Пожалуйста, не надо.

Валандур угрюмо молчал, ожидая, что решит король. Только бы он все-таки прислушался к словам сына, только бы смилостивился и пощадил этого паренька... хотя отмена приговора тому все равно не поможет, с такими ранами он все равно обречен на мучительную смерть. Он покосился на Амарта: юноша, кусая губы, с трудом сдерживал стоны. Может, для него и благом будет побыстрее умереть... великие Валар, и это с ним сделал он сам? Он, ни разу не повысивший голоса на своих близких, не убивший без крайней нужды даже мухи?

— Отец, пожалуйста, — снова взмолился Элендур.

Исилдур смотрел прямо перед собой невидящим взглядом, в какой-то момент Валандуру показалось, что его глаза полны слез... с чего бы это? Потом он сделал своему военачальнику едва заметный знак рукой.

— Зажигай.

Тот повернулся было, чтобы взять факел — кто бы знал, как ему не хотелось этого делать! — как вдруг закатное небо закрыла черная тень. Не понимая, что происходит, Валандур опустил протянутую руку и тут не поверил своим глазам: на землю медленно опустился то ли ящер, то ли дракон из тех, на которых обычно летали слуги Саурона в Мордоре, на спине у которого сидел некто, чье лицо сразу показалось гондорскому военачальнику знакомым. Нуменорец, впрочем, не сразу узнал верховного короля Нолдор из-за необычной одежды — черных штанов и такой же рубашки, расшитой по вороту красными узорами, и обрезанных почти под корень волос, но все же это был именно он — или кто-то в его теле либо облике?

— Прекратите, — эльф властно поднял руку. — Не смейте его трогать. Не в наших правилах с детьми воевать и тем более их мучить. Не там врагов ищете.

Стражники замерли, не решаясь даже шевельнуться. Элендур, выхватив меч, приготовился защищать своего полубезумного отца, который по-прежнему стоял на месте, будто каменное изваяние, но тут все-таки понял, что некто в образе Гил-Галада не собирается их убивать, и опустил оружие. Тот, ловко спрыгнув со спины ящера, подбежал к костру, выхватил из ножен сверкающий ятаган, показавшийся Валандуру слишком изящным для клинка орочьей работы, в мгновение ока перерубил веревки и подхватил на руки потерявшего к тому моменту сознание Амарта.

— Ребята, — с осуждением произнес эльф, повернувшись к нуменорцам, — что ж вы творите? Я, конечно, знал, что у вас не все дома, но не думал, что настолько! А вот если бы об этом услышал твой отец... — он многозначительно посмотрел на Исилдура.

Тот наконец нашел в себе силы что-то произнести.

— Если бы мой отец про это узнал, — ответил он, — то просто бы меня убил.

Потрясенный увиденным Валандур сделал несколько неуверенных шагов назад, одновременно с тем мысленно радуясь тому, что ему все-таки не пришлось привести жуткий приговор в исполнение. Если этот мальчишка и умрет, то пусть это случится где-нибудь за пределами Мордора, в землях, населенных орками и вастаками, на руках у этого... каукарэльдо, или кто он на самом деле такой, не в самом же деле Гил-Галад? — но не здесь, не в столице Гондора и не у него на глазах. Странный гость тем временем снова забрался на спину своего крылатого монстра с Амарту на руках, и ящер взмыл в воздух на глазах у ошарашенных зрителей.

— Что это было? — наконец решился спросить один из воинов. — Кто это?

— Ты меня спрашиваешь?! — огрызнулся напуганный и растерянный Элендур.

*

Обратная дорога показалась Гил-Галаду сущим кошмаром. Свою задумку он выполнил — спас несчастного парня от обезумевших Верных, однако те изувечили его так, что мало не покажется, и эльф боялся, что попросту не довезет юношу живым. В какой-то момент тот наконец очнулся, попросил пить, глядя на короля Нолдор мутным от боли и жара взглядом. К счастью, эльф прихватил с собой фляжку, и Амарту хоть немного полегчало.

— Кто вы? — испуганно прошептал он, не понимая, кто в последнее мгновение вытащил его из уже сложенного костра.

— Не бойся меня, — тихо сказал Гил-Галад, стараясь не делать лишних движений, чтобы ненароком не причинить и без того едва живому юноше еще больше боли. — Я отвезу тебя в безопасное место, и там тебе помогут. Плохо тебе?

— Хуже не бывает...

Эльф старался не смотреть вниз, но невольно, борясь со страхом, все же то и дело поглядывал на землю, мысленно считая каждую лигу до Нуут-Улимы. Скорее бы, скорее, чтобы передать паренька в надежные руки, ведь без помощи врачей он вряд ли выживет с такими ранами.

На крыше одного из верхних ярусов крепости сразу по приземлении их встретил Дургхаш.

— Ого! — воскликнул орк. — У тебя получилось! Рад видеть тебя живым, здоровым и снова с нами!

Нолдо кивнул.

— Ну, не зря ты в меня верил. Получилось, только Амарту срочно нужен врач — мой

свихнувшийся родич отделал его так, что и представить себе страшно.

Тот, словно в подтверждение слов эльфа, слабо застонал.

— Тхэсс в западном крыле крепости, в госпитале, — ответил Дургхаш. — Сына своего там основам медицины учит. Эриона и Властелина нет, так что давай скорее к нему. Он этого мальчишку быстро на ноги поставит.

— Я еще не слишком хорошо ориентируюсь во всех этих лабиринтах, и любит же Майрон всякие запутанные конструкции, — Гил-Галад по-прежнему боялся заблудиться в крепости. — Показывай дорогу.

Не помня, как прошел с полубесчувственным Амартом на руках довольно приличное расстояние, король Нолдор вслед за орком проскользнул в одну из комнат, где Тхэсс и его сын — на вид ребенку было лет тринадцать-четырнадцать — стелили на стол чистую простыню. Гил-Галад, не здороваясь и не придавая никакого значения тому, что практически не знаком со вторым сыном Майрона и знает его почтай что понаслышке, сразу подбежал к ним.

— Умоляю, помоги ему. Быстрее.

Тхэсс несколько растерялся.

— Кто это? Что с ним такое? Давай-ка, клади его скорее вот сюда, на стол, я сейчас посмотрю, насколько все серьезно.

Нолдо осторожно опустил Амарта на простыню, одновременно с тем сбивчиво рассказывая полумайа о своем приключении. На белой ткани сразу расплылись красные пятна; Тхэсс, бегло осмотрев пациента, многозначительно покачал головой.

— Нда, — наконец сказал он. — Кириандил, подай ножницы и срочно неси сюда вон ту зеленую бутылочку. Да, и еще вон ту, с обезболивающим. Какой криворукий придурок его так отделал? Мой долбанутый дядюшка окончательно поехал кукушкой?

— Кто конкретно — не знаю, — ответил эльф. — А что, все очень плохо?

Тхэсс сначала дал парнишке несколько глотков какого-то приятно пахнущего травами снадобья, потом, взяв у сына бутылку с какой-то зеленой жидкостью, стал осторожно отмачивать присохшие к открытым ранам лоскуты порванной в клочья рубашки Амарта, при этом тихо ругаясь себе под нос. К удивлению Гил-Галада, юноша не стонал, не плакал, не кричал от боли, а спокойно терпел неприятную процедуру, лишь изредка вздрагивая.

— Не то чтобы прямо совсем, я, конечно, его подлечу со временем, — пояснил полумайа, — жить будет, но на ноги встанет не скоро. Ты вот на это полюбуйся, — он указал на жуткие рваные раны на спине юноши, сквозь которые проглядывали кости, — мне приходилось выхаживать пострадавших от зверств морэдайн, но тут явно видна неумелая рука. Те могут истязать пленного несколько месяцев, он будет мучиться, но все

равно не умрет, пока они не довершат свое поганое дело. А этого парня пытал однозначно какой-то неумеха, первый раз в жизни взявшийся за плеть или чем он там его отходил до полусмерти. Чуть более сильный удар — и тот, кто это сделал, либо сломал бы ему позвоночник, либо превратил в кашу внутренности, и до костра он бы просто не дожил.

Эльфю очень хотелось отвернуться или уйти — он уже представил себе, что пришлось пережить этому несчастному парнишке в темнице у Верных, более того, он был по характеру довольно миролюбивым и плохо переносил кровавые зрелища, но Амарту была нужна поддержка, и он, стиснув зубы, стоял рядом, изображая идеальное спокойствие.

— Очень больно? — тихо спросил он. — Ладно, не отвечай, я понимаю, что это глупый вопрос. Ничего, Тхэсс тебя вылечит, он же вон только что пообещал.

— Терпимо, — неожиданно ответил юноша относительно внятным тоном. — Мне лекарство дали... уже не так больно стало...

— Ничего, все пройдет, — нолдо протянул руку и погладил несчастного по слипшимся от крови темным волосам. — Все будет хорошо. Ты скоро поправишься и, я надеюсь, постепенно забудешь о том, что тебе пришлось пережить.

— Не идет тебе такая стрижка, — попытался разрядить обстановку Дургхаш. — У тебя форма лица такая, что к ней идут только длинные волосы, а не те огрызки, что ты у себя на голове оставил, и уж тем паче не бритый наголо череп.

Гил-Галад безмятежно вздохнул, мысленно удивляясь тому, что Тхэсс не отослал ребенка из жуткого места, а попросил ему помогать — странным ему показалось и то, что сын полумаи при этом ведет себя на редкость спокойно, словно его отец тут не тяжелыми ранами занимается, а камни обтесывает или доски рубанком строгают.

— Да знаю я. Только я о другом подумал — мало ли, что там мои сбрендившие Верные родственники учинят, вдруг придется парня этого вообще из костра в последнее мгновение вытаскивать, а длинные волосы отлично вспыхивают. Вот на всякий случай и обкромсал их под корень. Как оказалось на деле, чуть было до этого не дошло — наши гондорские друзья уже и за факел схватились. Ничего, отрастут, оно того стоило, зато моя душа спокойна — я не оставил невинного им на расправу. Я сейчас другого боюсь: когда до Исилдура дойдет, что он натворил... знаю я своего родича, он же сам себя за это сожрет.

19. Неплохой сюрприз

Гил-Галад понемногу обживался среди своих бывших врагов, многие из которых, к его удивлению, оказались его близкими родственниками; после истории с Амартом Келебримбор, несмотря на свои постоянные насмешки в адрес идеалистов-мелькорианцев, впрочем, даже стал относиться к своему троюродному брату с куда большим уважением, чем раньше.

— А ты куда решительнее, чем я думал, — сказал он. — Честно признаюсь, раньше я воспринимал тебя как совершенно бесхребетное существо, которое разве что волю Валар исполнять способно, а ты вон, оказывается, даже соображаешь и можешь защитить себя и других, когда понимаешь, что к чему.

Его брат немного обиделся, но виду не подал — в конце концов, он сам прекрасно понимал, что к чему, и ему сейчас казалось, что Тъелпе был относительно недалеко от истины, ведь в недавнем прошлом он и в самом деле делал только то, что надлежит, вопреки здравому смыслу, и даже не попытался поставить на место Элронда, который в его присутствии открыто оскорблял Исилдура и Элендила.

Как-то раз вечером, когда солнце уже клонилось к закату, к Гил-Галаду подошел вастак Ульбар, Второй назгул, и предложил ему съездить на пару месяцев к нему в гости на родину.

Нолдо очень удивился — он не то чтобы успел подружиться с Ульбаром, скорее был с ним просто в хороших отношениях, но тут в разговор вмешалась его жена.

— А я бы на твоём месте согласилась, — посоветовала ему Эрилиндэ. — Ты ещё не знаешь всего. В тех землях на востоке тебя ждёт неплохой сюрприз.

— И?! — Гил-Галад заинтересованно приподнял бровь.

— А мы с тобой тоже родственники, причем не особо дальние, — пояснил Ульбар. — Моя мама — не кто иная, как Иримэ, дочь Финвэ.

Эльф на мгновение потерял дар речи.

— Я слышал от Кирдана, что она не то пропала без вести, не то попала в плен и погибла незадолго до Войны Гнева, — он попытался собрать воедино те крупницы сведений, которые имел о сестре своего деда Нолофинвэ. — Значит, не погибла.

— Не погибла, она моего отца встретила, — в этот момент Гил-Галад присмотрелся к Ульбару получше и понял, почему тот так не похож на вастаков, живущих за морем Рун; он-то думал, что у него в роду, возможно, были вастаки из других племен с дальнего востока Средиземья, а это, оказывается, были эльфийские корни — от отца он, судя по всему, унаследовал черные глаза и волосы, а от матери — форму глаз и тонкие черты лица. Надо же, как оно вышло...

— Я бы поехал, — королю Нолдор было любопытно поговорить с Иримэ лично, узнать,

что именно с ней произошло, как она жила все эти годы, но мешало одно важное обстоятельство, — только моя жена ждет ребенка, я же не могу оставить ее в такое время.

Эрилиндэ улыбнулась и положила руку ему на плечо.

— Ты за меня не беспокойся, я прекрасно себя чувствую, и со мной все будет в порядке, а вот тебе точно нужно немного развеяться. Езжай с Ульбаром, обо мне в случае неприятностей и без тебя есть кому позаботиться, но я так думаю, что ничего не случится.

Ее муж еще пару мгновений колебался, но потом все же решил поехать к родственникам в гости.

— Ну ладно, так уж и быть. Ведь я Иримэ даже не видел, до меня о ней только смутные слухи доходили, вот как раз и познакомимся.

*

Исилдур чувствовал себя настолько измученным, что по возвращении во дворец после несостоявшейся казни почти сразу провалился в похожий на беспамятство сон. Пробудившись буквально через пару часов от очередного кошмара, он вспомнил о том, что произошло, и ожидал, что его охватит чувство невыносимого стыда — не зря Гил-Галад или тот, кто выдавал себя за него, упомянул о его отце, знал бы Элендил, и в самом деле, не только про историю с этим чокнутым юнцом, но еще и про Аллуа, тогда точно не сносить бы ему головы! — но вместо этого ощутил неожиданное и непривычное для себя спокойствие. Наверное, он уже дошел до последнего предела, и ему уже попросту нечего терять... жаль, что его не убили вместо отца, ведь ему придется еще долго жить на свете, править своим королевством и бороться с безумием, пытаясь сохранить хоть остатки рассудка.

Он дождался момента, когда все во дворце наконец-то легли спать — сейчас для него было совершенно невыносимо встречаться с Элендуром, разговаривать с ним и вообще смотреть ему в глаза после того, как умудрился прилюдно его ударить! — и, снова подумав о том, что ему уже и в самом деле больше нечего терять, постучал в дверь комнаты Аллуа. Та, как ни странно, еще не спала и, увидев его, растерянно переступила с ноги на ногу; может, она вообще ему не рада или того хуже — возненавидит его после всего, что случилось сегодня?

— Я хотел кое-что спросить, — неуверенно начал нуменорец.

— Так спрашивай, — ему почудилось, будто она отвечает неохотно и держится настороженно, словно в ней идет какая-то внутренняя борьба.

— Мне принесли рукописи, — быстро сказал он. — Их нашли у юноши, которого мы осудили за шпионаж в пользу морэдайн.

— И пытались сжечь живьем, я уже знаю от Валандура, что случилось, — Аллуа

говорила таким тоном, словно речь шла о чем-то повседневном, например, расспрашивала торговца в лавке об имеющемся в наличии товаре. — Ты бы лучше меня спросил, и я бы кое-что для тебя прояснила. Например, что морэдайн просто по своей сути никогда не станут писать того, что писал он. Этот парень хоть и полный дурак, но для вас не опасен и к морэдайн не имеет вообще никакого отношения, если бы он появился среди них, они бы его попросту на смех подняли и обругали. А твоего несчастного друга мне очень жалко. Знаешь, в каком состоянии он сегодня домой пошел? У меня такое чувство было, будто из него всю душу вынули, на нем лица не было. Зачем ты с ним так?

Исилдур вздрогнул, в его глазах мелькнуло отчаяние.

— Я клянусь, я этого не хотел... и я не хотел поднимать руку на Элендура! Я никогда в жизни не бил никого из своих детей... даже не понимаю, что на меня нашло.

Он надеялся, что полумрак поможет ему скрыть смущение, страх и невероятное сожаление о том, что случилось за эти дни, и ему казалось, что эльфийка теперь однозначно изменит свое отношение к нему — разве человек, который прилюдно бьет своих детей или обрекает на смерть невинного, достоин чего-то хорошего?

— Я прочитал его записи, — продолжал он, — и увидел там твое имя. Я не знаю, как все было на самом деле, но могу предположить, что один из вас говорит неправду. Либо он, либо ты. Либо же речь идет о совершенно другой женщине, которая носит такое же имя — мало ли на свете тезок, однако там говорилось и о ее внешности, поэтому совпадение маловероятно. Кто из вас двоих солгал — ты или он?

— Я, — ответила она со спокойной улыбкой. — Так что теперь ты все про меня знаешь. Ну и, наверное, про детство Ортхэннэра. Саурана то есть.

— Я не мог даже предположить ничего подобного, — тоже почти спокойно сказал Исилдур.

— А ты как думал? — Аллуа отбросила с лица прядь волос. — Что это все страшные сказки? Ага, у меня и в самом деле было сказочное детство, только сказка эта была страшная.

Он взял ее за руки.

— У меня не лучше. Правда, благодаря морэдайн. И поэтому я... мне даже не пришло в голову, будто ты можешь что-либо об этом знать... я решил, что этого Амарта подослала одна моя родственница. У меня было две сестры, это внучки Элентира — он был родным братом моего деда Амандила. Одну морэдайн убили еще в Нуменоре, вторая теперь их возглавляет. Вот я и решил, что этот мальчишка — один из ее приспешников, который нарочно притворяется тихим и мирным. Она меня ненавидит, что, кстати, неудивительно, ей есть за что.

В глазах эльфийки была смесь гнева и жалости.

— Я знаю, кто это. Сама с ней не знакома, но о ней наслышана. Жена Ортхэннэра, да?

Правительница морэдайн — Зимрабет? Поговаривают, она на редкость злая женщина.

— Она самая. Я убил ее мужа. Теперь ты все понимаешь.

Исилдур снова замолчал, будучи не в силах сдвинуться с места, и напряженно думал о том, как ему быть дальше и как выпутываться из всего, что он натворил; в его душе смешивались отчаяние, страх, горечь и замешательство. Аллуа обняла его и спрятала лицо у него на груди.

*

Кошмар этой ночи не был похож на предыдущие.

Верховному королю дунэдайн снова снилась его озлобленная родственница — только теперь ему виделось, будто уже не мнимого шпиона Амарта, а его самого привели на суд со скованными руками, и ему было некуда бежать и неоткуда ждать спасения: он знал, что морэдайн его не пощадят.

Дверь тяжело закрипела, и в мрачное помещение, чем-то похожее на ту допросную, в которой Валандур вытряхивал признание из Амарта, вошла Зимрабет. В свете лампы стены комнаты казались багрово-красными, словно измазанными кровью, и на этом фоне черная тень, отбрасываемая правительницей морэдайн, выглядела не просто пугающе и зловеще, а запредельно зловеще.

— Думаю, ты знаешь, почему оказался здесь, — произнесла она с нескрываемой ненавистью. — Ты убил моего мужа и оставил моих детей без отца, и будет справедливо, если ты за это умрешь. Жизнь за жизнь, и твою я считаю слишком жалкой, потому что за твои преступления следовало бы извести всех Верных под корень. Ты объявил себя королем, хотя законный король у нас один — Ар-Фаразон, а ты обычный самозванец. Даже я не пошла на такое, хотя у меня куда больше прав назваться королевой, чем у тебя, и я не сделаю этого, пока у меня не будет достоверных вестей о его смерти. Ты...

— Да убей уж меня, и дело с концом, — перебил ее Исилдур, — что говорить попусту, если ты считаешь, что я заслужил... Мне безразлично, умру я или нет.

Зимрабет надменно усмехнулась.

— Просто тебя убить? Я, конечно, могу взмахнуть мечом, и все, но это слишком легкая смерть для такого, как ты. Ты будешь умирать долго. Долго и мучительно. Много часов, дней и месяцев, но сначала я, пожалуй, разделаюсь с тем, что тебе дорого. Ты ведь любишь своих детей, не правда ли? Вот теперь я сначала убью у тебя на глазах Элендура, а ты будешь просить у него прощения за то, что всю жизнь был своим детям негодным отцом!

Из очередного ночного кошмара его выдернул знакомый голос; краем сознания он помнил, что он принадлежит Аллуа.

— Проснись, — шептала она. — Проснись.

Исилдур сел на кровати, снова не понимая, где находится и что происходит.

— Что?!

— Ты во сне кричал, — мягко сказала Аллуа, стараясь не напугать его еще больше — такая маска ужаса застыла на его лице.

— Бывает... опять кошмар приснился, — он вздохнул и опустил голову.

Она пару мгновений молчала, потом все же решилась сказать то, что думает.

— Как же тебя все это измотало...

— Ничего страшного. Я уже привык к этому. Иногда я просто боюсь ночи — мрак таит в себе одиночество и смерть.

Аллуа не любила показного сочувствия и бесплодных утешений, но в данном случае даже не представляла себе, как вытащить — или хотя бы попытаться вытащить — из бездны безумия человека, который ей далеко не безразличен. Был бы жив Ортхэннэр, можно было бы попробовать обратиться за советом и помощью к нему, однако на войне смерть не выбирает, и тут уж либо ты, либо тебя. Теперь оставалось надеяться лишь на собственные силы: может быть, со временем у Исилдура это все-таки пройдет? Ей доводилось видеть, как тяжкое горе сводит людей с ума, но при этом кто-то из них впоследствии возвращался к обычной жизни, и лишь единицы окончательно теряли рассудок. Вчерашний разговор дал ей надежду на лучшее: по крайней мере, Исилдур спокойно себя вел, узнав, кто она такая на самом деле.

— Я думаю, у тебя это постепенно пройдет, — наконец осторожно произнесла она.

— Такое случается... с теми, на чью долю выпало слишком много. Главное — не сдаваться.

Он бросил на нее полный благодарности взгляд. Аллуа хотела сказать ему еще кое-что, но решила приберечь это на потом: момент был совсем неподходящий, уж лучше поделиться этим чуть позже с Айор, благо она умеет молчать.

*

Вдова Анариона Тиндомиэль по-прежнему пылала ненавистью и злобой к брату своего покойного мужа; иногда ей казалось, что, будь у нее такая возможность, она с огромным удовольствием своими руками перерезала бы ему горло, однако осуществить свою кровавую мечту ей мешали люди вокруг, и ей по-прежнему оставалось лишь надеяться на помощь Зимрабет и друзей детства Аллуа. Последнюю ей было откровенно жаль — благодаря собственным предубеждениям против Исилдура и домыслам подруги детства она искренне считала, что та никак не могла связаться с верховным королем дунэдайн по доброй воле; в душе она восхищалась недюжинной выдержкой этой женщины — на ее месте другая бы уже давно в петлю полезла, а эта вон ничего, ведет себя вполне спокойно, видимо, ждет возможности все-таки выбраться отсюда и вернуться на родину.

В один прекрасный день она, проходя по коридору, услышала, как Аллуа разговаривает со своей подругой-харадкой; она в принципе не понимала такой дружбы, потому что, считая себя человеком высшей расы, по определению не стала бы не то что дружить, а даже стоять с южанами рядом, для нее это было так же невозможно, как для ястреба водить дружбу с ящерицей, и обычно не обращала на их болтовню ровным счетом никакого внимания, но тут ее кое-что насторожило, поскольку разговор шел о довольно деликатном вопросе. Сделав вид, словно просто идет мимо, она прислушалась и в душе обрадовалась: кажется, у нее сейчас появился отличный шанс навредить Исилдuru и его выродам, поскорее отправив в небытие хотя бы одного!

На следующий день она под каким-то благовидным предлогом завела с эллерэ разговор и улучила возможность остаться с ней в одной из пустующих комнат дворца наедине. Та что-то уклончиво отвечала на ее вопросы и вежливо кивала, про себя думая, что новая знакомая почему-то вызывает у нее подспудную неприязнь; эльфийка чувствовала, что дрожит — не столько от холодного воздуха в нетопленном помещении, сколько от неприятного тягостного чувства, которое вызывала у нее эта женщина. Судя по всему, Зимрабет, о которой Исилдур говорил даже не с ненавистью, а с откровенным страхом, который изо всех сил старался скрыть, примерно такая же.

— Мне очень тебя жаль, — сказала Тиндомиэль вполне искренне; в некрасивом черном платье она казалась сильно старше своих лет, резко выделялись жесткие складки у губ и сетка морщинок вокруг глаз. — Никому не пожелала бы пережить такое.

— Не надо меня жалеть, у меня все прекрасно, — ответила Аллуа таким тоном, что ее собеседница сразу растерялась, не очень понимая, в чем дело. Однако нуменорка была не робкого десятка, и ненависть к Исилдuru придала ей душевных сил.

— Ну вот уж нет, — Тиндомиэль хотела завести разговор издалека, но теперь подумала, что это бесполезно, и решила сразу сказать то, что хотела. — Я случайно подслушала, как ты с этой своей подругой из харадрим шепталась в коридоре о том, какая беда с тобой случилась. От беды можно легко избавиться, я тут как раз нашла для тебя отличное средство, — она поставила на стол какую-то запыленную скляночку с мутной жидкостью изумрудного цвета. — Не думаю, что ты или твои харадские родичи будете очень рады ребенку, зачатоу в насилии и ненависти.

Аллуа посмотрела на мораданэт таким взглядом, что Тиндомиэль в немом ужасе попятилась к стене, нервно перебирая одной рукой складки платья.

— Знаешь что?! — в ее голосе звенел металл. — Никогда не смей ни пытаться за кого-то что-либо решать, ни предлагать другим что-то подобное!

— Я же... — окончательно опешила та, — я же совсем не то имела в виду! Я думала...

— Да?! — у эллерэ был такой вид, словно она вот-вот ударит нуменорку. — И что же именно, позволь поинтересоваться, ты имела в виду? За кого ты меня принимаешь? Я не настолько плохо говорю на Синдарине, чтобы не понимать значения того, что слышу! Ты только что предложила мне выпить какую-то гадость, чтобы вызвать выкидыш... кстати,

а где ты взяла это пойло? Сама сварила из подножного корма или достала у какого-нибудь идиота без медицинского образования, который лечит людей тем, от чего у него в огороде коза и корова отказались? Знаешь, в чем отличие Гондора от Харада не в лучшую сторону? А в том, что у вас подобные придурки не несут никакой ответственности за тех, кто в итоге сдох от их якобы лекарств, у нас же такого давно бы выследили и под суд отдали, чтоб людей дрянью не травил! Посидел бы в городской тюрьме лет пять, так поумнел бы!

Вдова Анариона в очередной раз попыталась что-то пропищать, но горящие яростью глаза эльфийки явно не сулили ей ничего хорошего.

— Если ты до сих пор думаешь, что все Эллери Ахэ — несчастные беззащитные создания, — продолжала Аллуа, — то жестоко ошибаешься. Я достаточно долго прожила среди ханаттанайн, и я, если что, и убить могу. Тебя, да, тебя. Если что, ты не ослышалась, и я это сказала отнюдь не в переносном смысле. Надеюсь, нам больше не придется возвращаться к этому разговору?

Напуганная Тиндомиэль с перекошенным от страха и злости лицом отчаянно затрясла головой и что-то прошептала.

— Я не думаю, что ты на это способна! — наконец отважилась возразить она.

— Знаешь, как учатся убивать? — глаза эльфийки пылали гневом. — А очень просто. Трудно только первый раз, а потом все идет как по маслу.

Та ойкнула.

— Вот и отлично, — Аллуа отступила на пару шагов, перестав припирать ее к стенке. — Я вполне в состоянии за себя отвечать и о себе позаботиться, и если я захочу кого-нибудь убить, то это будет мое решение, и справлюсь я с этим без чужой помощи. Да, если у тебя еще есть вопросы — если бы Исилдур и в самом деле, как тебе померещилось, причинил мне какой-либо вред или действовал против моей воли, я бы, не задумываясь, воткнула ему нож в сердце, и до Гондора он бы живым попросту не доехал, а я бы нашла способ выбраться из лагеря и исчезнуть так, что никто бы меня не заметил. Слышала про «черных теней»? Не одни они в Хараде владеют этим искусством. И еще совет на будущее — не советую пить всякую гадость, непонятно где и у кого взятую или сваренную по очередному народному рецепту, если только тебе жить не надоело. Надо тебе к врачу, так найди хорошего врача, который этому делу учился, и уж тем более не надо травить других.

С выражением совершенного спокойствия на лице она взяла со стола бутылочку с зельем и откупорила пробку; комната наполнилась неприятным горьким запахом каких-то трав.

— То, что со мной случилось — конечно, кому как, есть те, кто вообще детей не хочет, это их выбор, но для меня это не беда, а подарок судьбы. Тебе, впрочем, не понять, почему я так считаю. А вот пить я это уж точно не буду, этой склянке с чужой смертью я придумала совсем другое применение. Буду, кстати, тебе очень благодарна, если ты больше вообще никогда в жизни не появишься рядом со мной и не будешь со мной даже

заговаривать, пока я нахожусь здесь, в Гондоре.

Мораданэт не успела произнести ни слова, как почувствовала, что мерзкая жидкость льется ей на голову и стекает по лицу на платье; Аллуа, швырнув бутылочку в мусорную корзину, с тем же невозмутимым спокойствием вышла из комнаты и закрыла за собой дверь.

20. Долгожданный гость

Приняв предложение Ульбара немного у него погостить, Гил-Галад отправился со Вторым на восток в его земли. Полеты на казавшихся ему ранее страшными мордорских тварях теперь не только не внушали ему ужаса, но и представлялись довольно интересными — он никогда ранее не видел землю с такой невероятной высоты, однако еще больше он поразился, когда они наконец добрались до нужного места.

Теплый воздух был пропитан ароматом степных трав, над огромным городом, который, как ни странно, не окружали крепостные стены, ярко светило солнце, легкие облака медленно плыли в ясном синем небе. Ульбар улыбался, по всей видимости, радуясь скорой встрече с матерью, Гил-Галад молчаливо и рассеянно смотрел вперед, напряженно думая о том, как его встретит Иримэ и как ему самому лучше будет с ней разговаривать и держаться.

Его родственница вышла к ним сама в сопровождении многочисленной охраны и приближенных. Вдовствующая правительница вастаков была и в самом деле удивительно прекрасна, но больше всего Гил-Галада поразила ее одежда — такие изысканные наряды женщины Нолдор не носили даже по большим праздникам: на ней было расшитое золотыми и черными нитями платье из оранжевого шелка с поясом, украшенным драгоценными камнями, голову покрывал златотканый платок, в светлые волосы были вплетены золотые и серебряные подвески с самоцветами.

— Итак, дорогой родич, позволь представить тебе мою маму, — указал на эльфийку Ульбар. — Это и есть госпожа Иримэ.

— А это, как я понимаю, и есть Гил-Галад, верховный король Нолдор, — ответила она с легким поклоном, хотя от гостя не укрылся ее оценивающий взгляд. — Да, здорово тебе на войне досталось, до сих пор у тебя вид неважный.

Гил-Галад, окинув взглядом приближенных своей родственницы, почувствовал себя несколько неуютно и натянул на голову капюшон плаща — дело было не только в безобразной стрижке, но и в том, что ему показалось не слишком приличным находиться в обществе вастаков с непокрытой головой: он был наслышан о том, что ни один уважающий себя вастак любого пола никогда не появляется на людях без головного убора — не сочтут ли они это оскорблением своих традиций?

Иримэ только улыбнулась.

— Ну что ж, добро пожаловать, милый родич, — сказала она. — Слышала о тебе много хорошего и очень рада тому, что ты наконец-то одумался и понял, что к чему.

Тот стоял перед ней с виноватым видом.

— Ага, понял, когда он мне меч к горлу приставил. Раньше ума не доставало.

— Ну ладно, мы тебя не для того к себе пригласили, чтобы нотации читать, ты и так во всем разобрался. Пойдем скорее ко мне, надеюсь, тебе у нас понравится.

Во дворце король Нолдор продолжал всюду разглядывать непривычную обстановку — все стены были украшены цветными росписями и увешаны пестрыми коврами, такими же коврами был застлан пол, на окнах красовались яркие занавески из тончайшей шерсти; само здание снаружи казалось довольно неприметным — обычный каменный дом с белыми стенами, пусть и довольно большой, зато внутри была совершенно невиданная красота!

— Да мне уже нравится. У вас очень красиво, я еще никогда в жизни не видел ничего подобного, только все такое странное, я даже не мог себе представить... место, где нет совсем никаких деревьев, город без стен, и... я даже не знаю, с чего начать, всего и не перечислишь!

— Это ты еще в Ханатте не был, — ответил Ульбар. — Вот где действительно красиво, мой дворец по сравнению с тем, что у Денны — просто сарай!

Собственно пиршественный зал тоже поразил короля Нолдор своим великолепием; Иримэ усадила дорогого гостя за богато накрытый стол, уставленный множеством блюд, и попросила его подробно рассказать обо всем, что с ним произошло.

— Эх, довелось бы мне говорить с милым племянником Финдарато, — вставила она, когда Гил-Галад упомянул о своем разговоре с Айканаро, — спросила бы я его, как он умудрился столько лет прожить без мозга и плохо ли ему без него было. Смертная Андрет? Нашел повод, дурак. Мне вон такой муж достался, пусть и был тоже смертным, что многие эльфийские девы, узнав о том, как я жила в те годы, когда была за ним замужем, дружно лопнули бы от зависти!

— Вы, судя по всему, очень его любили, — сочувственно произнес ее родич. — Жаль, что сейчас его нет рядом с вами.

Иримэ отпила пару глотков из своего кубка.

— Что ты понимаешь, — она мечтательно улыбнулась. — Есть такие дни и даже мгновения, за которые можно отдать годы, столетия и даже тысячелетия. Вот именно такими и были все те дни, что я провела рядом со своим мужем. Уж поверь, это того стоило.

— Но в любом случае тяжело терять близких...

— Кто бы спорил, я до сих пор по нему скучаю, уж сколько лет прошло, — ее длинные ресницы затрепетали, словно она была готова заплакать, но с трудом сдерживалась. — Однако я его любила, люблю и всегда буду любить, благо у меня осталось от него самое лучшее, что только могло быть — наши сыновья. Ты ешь, не стесняйся, а то что это ты на все угощения только смотришь?

— Было бы неучтиво начать есть, пока это не сделают хозяева дома, — ответил Гил-Галад и тотчас подумал, что сказал нечто неуместное, поскольку заметил, что все слуги и домочадцы Иримэ уже с большим аппетитом принялись за еду; Ульбар тоже отрезал

себе большой кусок запеченной в травах баранины.

— У нас так не принято, — она слегка нахмурилась. — Если мой народ приглашает в дом гостя и накрывает для него стол, то гость должен есть и наслаждаться тем, что ему подали, а не следить за тем, что делают хозяева. Уж поверь, мы умеем угодить тем, кого у себя принимаем.

Гил-Галад смущенно кивнул.

— Благодарю вас за вашу доброту... простите, если я делаю что-то не так, я пока что не знаю всех ваших обычаев.

Иримэ тотчас придвинула к нему блюдо с жареной курицей, начиненной фруктами и орехами.

— Ешь и не стесняйся.

— Расскажите мне, как вы познакомились с отцом Ульбара, — попросил король Нолдор.
— До меня доходили довольно смутные страшные слухи, будто бы вы попали в плен к врагам и бесследно сгинули. Сейчас я понимаю, что народ болтал всякую чушь — про Маэглина мне же вон тоже всякой жути наговорили, а потом я с ним познакомился лично и узнал, как все было на самом деле и до чего его мой любезный дядюшка-кретин довел.

Его родственница вздохнула.

— Знаю я эту историю, Маэглину не позавидуешь. Не знаю, как он вообще после такого здравый рассудок сохранил — мало кто бы смог, когда у него на глазах отец с матерью погибли, да еще и почитай что от рук самого близкого родича. Так вот, я в свое время действительно попала в плен к вастакам и, честно говоря, уже прощалась с жизнью, оказавшись в их лагере — думаю: ну все, мне конец, они точно меня убьют, если не что-нибудь похуже. Вот тут со мной и заговорил мой будущий супруг — я даже и не представляла себе, что среди смертных, тем более сторонников Мелькора, бывают столь прекрасные во всех смыслах слова люди. Конечно, меня окружало множество наших мужчин, и еще в Валиноре некоторые из них ко мне сватались, но ни в одном из них не было чего-то такого... особенного, что было в нем, ни один из них не затронул моего сердца. Буду честной, я просто оцепенела от страха, когда он сказал, что хочет взять меня в жены. Однако он не попытался посягнуть на меня в первый же вечер, напротив, постарался мне понравиться и показать себя с наилучшей стороны — и тогда я сама не заметила, как в него влюбилась и сама ждала нашей свадьбы с не меньшим нетерпением, чем мой муж.

Гил-Галад слушал ее с удивлением и интересом.

— Потом мы перебрались на восток, — закончила она. — С тех пор я живу здесь.

— Вам не бывает одиноко? — внезапно спросил ее родич.

— Иногда бывает, — согласилась Иримэ. — Я быстро нашла себе друзей среди вастаков,

у меня есть дети, но ты сам понимаешь, что никто не заменит мне моего Шанкара.

*

Олло, Гэленнар и Ахэир вернулись в Аст Алтар в крайне мрачном расположении духа. Феввэ, увидев своего повелителя и его друзей, понял, что стряслось нечто очень плохое, и даже не стал задавать никаких вопросов, решив, что рано или поздно тот расскажет все сам. Несколько дней Соот-Сэйор просто смотрел в стену, ни с кем не разговаривая, и его приближенные уже начали волноваться, будучи не в силах взять в толк, что именно происходит; в итоге объяснять им, в чем дело, пришлось Ахэиру.

— Аллуа в большой беде, — сказал он и кратко описал суть произошедшего. — Если мы в ближайшее время ее не вырчим, последствия могут быть страшнее некуда.

Те сокрушенно качали головами, понимая, что дело действительно серьезное, но предпринять без приказа своего учителя ничего не решались, да и не могли. Им оставалось лишь ждать, пока Гэленнар хоть немного придет в себя — все знали, как ему дорога его возлюбленная.

Как-то раз поздним утром, когда Ахэиру и Олло удалось уговорить своего друга хоть немного поесть и, возможно, даже пойти прогуляться, в его покои вошел Наделенный Силой.

— Простите, что помешал вашему отдыху, но к вам в крепость только что пожаловал какой-то человек, — сказал Феввэ.

Гэленнар повернулся к нему с раздосадованным видом.

— Кто это и чего он хочет?

— Я не спрашивал. Он сказал, что хочет говорить лично с вами и дело важное.

Эльф поежился.

— Хорошо. Пусть войдет.

Наделенный Силой побежал за гостем; вскоре он вернулся в сопровождении какого-то высокого человека в неброской дорожной одежде без опознавательных знаков.

— Приветствую вас, — учтиво поклонился незнакомец. — Если я не ошибаюсь, то это вы и есть Равновеликий?

И без того осунувшийся от переживаний Гэленнар чувствовал себя отвратительно, и меньше всего ему хотелось с кем-нибудь разговаривать, но он понял, что этот человек пожаловал в Аст Алтар с какой-то важной целью.

— Верно, — ответил он. — С кем имею честь беседовать?

— Мое имя Балкузор, и меня послали к вам обсудить одно важное дело, — сказал гость.
— Если я не ошибаюсь, то вы ненавидите Исилдура столь же сильно, как и мы, и вам есть за что желать ему смерти.

Соот-Сэйор сжал кулаки и пробурчал себе под нос какое-то нечленораздельное проклятие, но в следующее мгновение взял себя в руки и успокоился.

— Будь у меня возможность, — подтвердил он предположения гостя, — я бы убил этого нуменорского выродка голыми руками.

— Значит, мы не ошиблись, — удовлетворенно произнес Балкузор. — В таком случае, думаю, вы не откажетесь от нашей помощи в этом прекрасном деле... а мы от вашей.

Эльф подозвал своего ученика.

— Феввэ, принеси, пожалуйста, гостю подогретого вина и какое-нибудь угощение, он же наверняка проделал долгий путь, что ему, голодным сидеть?!

Тот бросился исполнять поручение; Гэленнар тем временем усадил Балкузора в самое красивое кресло и принялся расспрашивать о подробностях дела.

— Неужели мое желание наконец-то сбудется?! — воскликнул он, узнав, кто послал этого человека к нему. — Исилдур ненавистен мне не меньше, чем леди Зимрабет и леди Тиндомиэль, и я был бы рад прикончить этого выродка! После того, что он сделал, ему нет прощения, его не простят ни небо, ни земля!

Наделенный Силой вскоре вернулся с подносом; морадан с большим удовольствием осушил кубок, немного перекусил и решил перейти к делу.

— Наша правительница и госпожа Тиндомиэль, — сказал он, — страстно мечтают разделаться с самозванным королем Гондора и Арнора, думаю, все его преступления вам прекрасно известны, и этот мерзавец достоин смерти.

— Достоин, — Соот-Сэйор скрипнул зубами. — Он не только этого достоин, но, к сожалению, слишком опасен. Будет вполне достаточно, если мы просто его прикончим и вытащим Аллуа из плена.

— Все верно, — кивнул Балкузор. — Так вот, у моей повелительницы есть желание прикончить самозванного короля Верных, но нет возможности. У вас она как раз есть. К сожалению, леди Зимрабет ждет ребенка, да и выманить Исилдура из Гондора на восток или юг было бы затруднительно, а вдова его брата не сможет разделаться с ним собственноручно в их дворце — это может вызвать нехорошие подозрения, поэтому они разузнали, где именно вы живете, и отправили меня сюда.

Эльф переменился в лице и даже заулыбался.

— Они предлагают вам следующее. В ближайшее время Исилдур собирается отправиться в Арнор, перед этим на некоторое время остановиться в Лориэне и

Имладрисе. Аст Алтар как раз имеет крайне удобное расположение, а наш враг не держит свои намерения и путь в тайне от тех, кого считает близкими — я имею в виду Тиндомиэль и ее сына Менельдила.

Гэленнар улыбнулся еще шире.

— Кажется, я понял, о чем идет речь. Они придумали превосходную идею — заманить этого мерзавца в засаду. У меня достаточно хороших воинов, а его путь будет пролегать либо через мои земли, либо где-нибудь поблизости. Я согласен.

— Ваша помощь не останется без благодарности и награды, — пообещал Балкузор.

— Во-первых, леди Тиндомиэль обещает, что ее сын немедленно освободит и отдаст вам Аллуа, когда угроза будет устранена. Во-вторых, если вас интересует денежное вознаграждение...

Его собеседник сделал отрицательный жест рукой.

— Спасибо, не надо, я не нуждаюсь в деньгах, драгоценностях или еще чем-то таком. Для меня прежде всего важны жизнь, здоровье и благополучие Аллуа. Значит, договорились.

— Да, и еще одна мелочь, о ней вас особо просит леди Зимрабет, — добавил морадан.

— У Исилдура с собой наверняка будет одна вещь, он постоянно носит ее при себе в медальоне на шее. Это кольцо ее мужа, которое он украл у него во время битвы на Ородруине. Когда вы прикончите этого самозванца, верните его нам.

Олло, Ахэир и Феввэ смотрели на Гэленнара с нескрываемым удивлением — тот, беседуя с Балкузором, воспрял духом, заметно повеселел и даже попросил своего ученика принести чего-нибудь вкусного и ему тоже.

— Разумеется, мне ни к чему чужая вещь, — согласился он, — думаю, мы с вами превосходно друг друга поняли. Вы сообщаете мне обо всех передвижениях Исилдура, мы совместными усилиями устроим ему засаду, после чего я верну вашей госпоже медальон с кольцом, а вы отдадите мне Аллуа... если она, конечно, доживет до того времени.

При этих словах лицо Гэленнара исказилось таким горем и страхом, что напуганный его видом Ахэир схватил товарища за рукав и горячо зашептал ему на ухо:

— Соото, я тебя умоляю, держи себя в руках! Когда мы освободим Аллуа, ей понадобится наша помощь, а как ты ей поможешь, если сам доведешь себя до безумия?! Наберись терпения, хоть это и тяжело, и мы обязательно со всем справимся!

Тот, пытаясь успокоиться, несколько раз сцепил и расцепил пальцы, потом отпил небольшой глоток горячего вина.

— Я должен был ей помочь, — сказал он. — Если бы я вел себя более жестко, этого бы не произошло. Я должен был ее удержать, защитить... не знаю даже, что еще, но я

должен был сделать так, чтобы с ней такого не случилось! Вина за это в значительной степени лежит и на мне...

— Еще не поздно все исправить, — ободрил его Олло.

— Есть еще одна сложность, — озадачился Балкузор. — Насколько мне удалось понять из нашего разговора, солдаты у вас есть, а вот как с оружием? Дело в том, что простым мечом или копьем нуменорскую кольчугу или щит не пробьешь, Верные твари хороши в изготовлении доспехов.

— Равновеликий наделил меня прекрасным мечом, выкованным еще во времена его Учителя, — вмешался в беседу Феввэ, — его клинок пробьет любую броню.

— Одного мало, — возразил морадан. — У вас один меч из хорошей стали, у них много.

Ахэир задумался — он достаточно хорошо разбирался в военном деле и уже начал мысленно прикидывать, как будет претворять план в действие.

— Я не думаю, что Исилдур потащит с собой все свое войско, — сделал вывод он.

— Наверняка поедет в Имладрис с небольшим отрядом, может, даже с относительно большим, но мне кажется, что и тысячи человек там не наберется. Выберем хорошо подходящее для нападения место, желательно в ночное время... тут нам даже хорошие мечи не понадобятся.

— Ну смотрите, — недоверчиво поджал губы Балкузор. — Если самозванец от вас вырвется, к сожалению, вы можете навсегда проститься с леди Аллуа, а Менельдил — с мечтой о троне. У меня есть встречное предложение: пока у нас есть время, я постараюсь тайно доставить в Аст Алтар хорошее оружие. Столько мечей или копий, сколько смогу.

— Прекрасно! — обрадованный Гэленнар пожал морадану руку. — Надеюсь, что до следующего года Исилдур не доживет.

Воодушевленный хорошо придуманным планом Соот-Сэйор предложил своему гостю переночевать в Аст Алтар, поскольку путь до владений морэдайн был неблизкий, и дал Феввэ поручение разместить его в самой удобной комнате и угостить хорошим ужином. Когда все собрались уже было отойти ко сну, кто-то снова постучал в ворота крепости; на этот раз Гэленнар пошел туда вместе с Наделенным Силой — ему хотелось лично увидеть, кто пожаловал к нему на этот раз. Когда стражи, держа оружие наготове, приоткрыли створки, он замер на месте с раскрытым от удивления ртом и только через несколько мгновений наконец смог вымолвить:

— Морхэллен?!

21. Забери мое сердце

После несостоявшейся казни Валандур чувствовал себя в высшей степени омерзительно — вернее, это было слишком слабое слово для того, чтобы описать его внутреннее состояние; его буквально переполняло отвращение к самому себе и к жизни вообще. Ему вспомнилось, как еще в Мордоре он, разговаривая с Элендуром, проклинал все на свете и думал, что его жизнь не сложилась, но теперь он понимал, что это были еще цветочки — тогда он, по крайней мере, еще не пытался жестоко убить ни в чем не повинного безоружного мальчишку и не развратничал с пленными. Сейчас для него было совершенно невыносимо даже ходить по городским улицам — ему казалось, что люди смотрят на него с брезгливостью и презрением и шарахаются от него, как от больного опасной заразной болезнью. Что ж, ничего другого ему ожидать и не приходилось — кто же после такого согласится подать мучителю руку или заговорить с ним о каких-нибудь повседневных делах. Исилдур, впрочем, вел себя как обычно, однако Элендур, который и без того после пощечины отца замкнулся в себе и почти все время молчал, обходил незадачливого палача стороной. Валандур не делал попыток сам что-то сказать сыну своего друга, хотя до этого они общались довольно тепло, даже немного дружили, и ограничивался обычными каждодневными приветствиями — он понимал, что тому наверняка попросту невыносимо не то что беседовать, даже стоять рядом с таким бессовестным выродком, в которого превратился он.

Однажды утром он проснулся с мыслью, что ему после всего произошедшего больше нет места в этом мире. Конечно, живи он среди морэдайн, те не только не осудили бы его, но и вообще не сочли бы жестокое истязание мнимого шпиона чем-то из ряда вон выходящим — они не видели ничего зазорного даже в том, чтобы над кем-нибудь издеваться ради забавы, но все-таки он не морадан, однако умудрился докатиться до крайней точки. Взять бы да и прекратить все это разом, все равно никто плакать не будет, напротив, наверняка люди скажут, что так ему и надо...

Закончив все дела, Валандур зашел в лавку, нарочно выбрав ту, что находилась на другом конце города; ее хозяин, увидев знатного посетителя, тотчас оживился, предвкушая возможную прибыль, и заулыбался. Ну ладно, пусть хоть кому-то будет польза.

— Что вам нужно, господин? — спросил торговец. — У меня есть все, что вы только можете пожелать, спрашивайте!

— Да мне бы яду, — попросил Валандур, — мышей потравить. Не пойму, отчего развелись, вроде я долго на войне был, дома ничего съедобного не держал, да и сейчас у себя редко ем, но постоянно слышу, как по ночам пищат, да и занавески все испортили!

Тот покопался в ящике под прилавком, потом быстро вытащил оттуда завернутые в тонкую бумагу бурые шарики, чем-то напоминающие скорее южные сладости, а не смертельную отраву, и положил их перед посетителем.

— Вот, господин, как вам будет угодно, — сказал он. — Не самые дешевые, зато могу вам твердо пообещать — завтра мышей в вашем доме не будет! Если мыши не передохнут, верну вам деньги! Что-нибудь еще желаете или это все?

— Все. Ладно, — отмахнулся Валандур, — сколько с меня?

Лавочник назвал цену; военачальник Исилдура, не торгуясь, отсчитал нужную сумму и положил отраву в карман.

— Нужно разложить эти шарики везде, где бегают мыши, — начал пояснять торговец, — но ни в коем случае не рядом с едой или питьем. Они сладкие, мыши их съедят и передохнут. Одного дня достаточно.

— Прекрасно. Спасибо, разберусь, — холодно ответил нуменорец и вышел за порог.

*

Придя к себе, Валандур сел за обеденный стол, положил на него купленную отраву, долго сидел, глядя куда-то в пространство. Вот, значит, как выглядит смерть: так просто — и все, стоит только протянуть руку, проглотить один из шариков, запить водой из графина — и завтра король его хватится, потом пошлет людей его искать, да только они найдут лишь окоченевший труп. Это казалось так просто, но что-то его останавливало, он не решался на такой страшный шаг, и ему казалось, что если бы кто-то сейчас заговорил с ним, остановил его, он бы со спокойной душой и в самом деле скормил яд мышам, которые копошились где-то за шкафом — интересно, что они вообще там делают, есть-то в доме нечего.

Неожиданно раздался стук в дверь. Валандур пару мгновений думал, открывать ему или не открывать — может, все-таки сделать вид, что его нет дома? — но тут в дверь постучали еще раз, уже более настойчиво, и он, нехотя поднявшись на ноги, подошел туда и повернул ключ в замке.

— Айор?! Что ты здесь делаешь? Как тебя выпустили из дворца? — он ожидал увидеть кого угодно, но только не ее.

Она сбросила капюшон.

— Я пришла попрощаться. Завтра утром я уезжаю домой.

Валандур на мгновение потерял дар речи, не зная, что ответить, потом все же собрался с мыслями: да, ведь король сегодня и в самом деле около получаса беседовал с глазу на глаз с харадским послом, неожиданно приехавшим в Гондор, и не допустил на эту встречу никого, кроме своего старшего сына Элендура. Значит, вот о чем они договорились — отпустить пленных домой. По спине у него пробежал неприятный холодок: а что будет, если соотечественники Айор узнают о том, что она обещана? Убьют сразу, будут ее презирать, все-таки поймут, как это могло произойти, или ей удастся все скрыть? В конце концов, сомнительно, чтобы кто-либо стал и в самом деле это проверять...

— Прямо завтра?

— Ты меня в домпустишь или я так и буду стоять на пороге? — с легкой иронией поинтересовалась она. — Между прочим, на улице не май, а у вас тут не так тепло, как у нас!

Он посторонился.

— Да, конечно... Входи...

— Мои родственники мечтают снова увидеть меня дома, — сказала Айор, снимая теплый плащ, под которым оказалось простое темное платье, — вот как раз сегодня договорились о моем возвращении. Ваш король почти сразу дал свое согласие, и завтра утром я покину Гондор. Я, конечно, соскучилась по своим, но мне даже жаль немного, мы с тобой даже толком познакомиться не успели, — тут она ему подмигнула.

Валандур посмотрел на нее с удивлением, запирая дверь.

— Не замерзла?

— Нет, все хорошо, хотя погода у вас, конечно, на редкость мерзкая.

— Я тоже скоро уезжаю, — сказал нуменорец, глядя куда-то в сторону, словно стараясь не встречаться с гостьей взглядом — да это так и было: его до сих пор терзал стыд из-за того, что он сделал с ней той ночью, с его стороны просто недопустимо было проявлять подобную несдержанность. — Король хочет, чтобы я сопровождал его в Арнор. Правда, не то чтобы прямо скоро — он вроде говорил, что собирается ехать туда не то в августе, не то в сентябре. Совсем не хочется тащиться в такую даль, но делать нечего. Доводилось мне там бывать, не понравилось.

— Я пока не бывала, но слышана. У нас на юге куда лучше.

— Ты скучаешь по дому? — осторожно спросил он.

— Бывает, — девушке стало грустно из-за того, что они с Валандуром даже после того, что между ними произошло, по-прежнему слишком далеки друг от друга, потому что в его душе творилось что-то такое, о чем она не имела никакого понятия, но ей все же хотелось как-то его разговорить.

— Я тоже, — ответил он и осторожно коснулся ладонью ее щеки. — Ведь мой дом не здесь. Он остался в Нуменоре.

Харадка не отстранилась, напротив, она прижалась к нему и провела рукой по его волосам, потом по спине. Он чувствовал, как часто-часто бьется ее сердце, и в этот миг ему казалось, будто время для них обоих остановилось.

— Что ты со мной делаешь... — горячо зашептал Валандур. — Когда ты рядом, я словно и в самом деле теряю рассудок...

Айор смотрела на него, ее губы дрогнули, словно она пыталась что-то сказать, но не

проронила ни единого звука. Его ладони медленно скользили по ее телу. Потом он легко поднял девушку на руки, отнес в комнату, уложил на неразобранную постель, и, обладая красавицей-южанкой, чувствовал себя как никогда счастливым — может быть, если бы она осталась тут еще на какое-то время, он окончательно пришел бы в себя... Он старался быть с ней как можно более нежным, чтобы ненароком не причинить ей боли, но ей, как ему казалось, все происходящее вполне нравилось.

— Я очень рад, что ты ко мне пришла, — сказал Валандур потом, когда они отдыхали в объятиях друг друга. — Мне будет тебя не хватать...

Он склонился над девушкой и посмотрел ей в глаза.

— Я еще никогда не был так счастлив...

Чуть позже она встала, надела платье, набросила плащ; разумом она до сих пор не осознавала произошедшего, но ее тело и душа подсказывали, что ничего лучше с ней еще никогда не случалось.

— Теперь я пойду, — спокойно, словно ничего и не было, произнесла девушка, — а то завтра мне рано вставать и далеко ехать, и сейчас час уже поздний.

Тут Айор попала на глаза лежащая на столе отравы; по выражению ее лица Валандур понял, что она прекрасно знает, что это такое, и поспешил все объяснить.

— А я тут мышей травить собрался, — как ни в чем не бывало сказал он, тоже поправляя одежду. — Купил сегодня, мне сказали, что средство надежное, а то мыши много вещей попортили.

— Как по мне, так лучшее средство от мышей — это кошка, но не все их любят и могут за ними смотреть. Если нет кота, то сгодится и яд, только ты лучше со стола это убери, — посоветовала Айор, — и потом, как мышам накидаешь, руки несколько раз с мылом вымой и ни в коем случае не касайся еды или чашек с водой. И стол тоже вымой с мылом, а то хлеб случайно сюда положишь, и потом тебя ни один врач не спасет. Мыши-то от этой гадости не просто такдохнут.

Валандур старательно попытался сделать вид, что все в порядке — ему вовсе не хотелось, чтобы харадка догадалась о том, что он собирался травить этим отнюдь не мышей, и сочла его не меньшим безумцем, чем Исилдура.

— Конечно. Я совершенно об этом не подумал.

— Ну все, — она обняла его, — теперь прощай. Жаль, конечно, что мы, скорее всего, больше никогда не увидимся, но я буду о тебе помнить.

— А я о тебе, — Валандур понимал, что говорит глупые банальности, но был не в состоянии выразить все чувства, охватившие его в тот момент. Он отдал бы все на свете за то, чтобы она осталась здесь, никуда не уезжала, чтобы у него была возможность начать все сначала и родиться в другое время и в другом месте, но это было совершенно

несбыточное желание! Он схватил ее за руку, словно пытаясь отсрочить неизбежное, и снова долго смотрел ей в глаза.

Айор улыбнулась и высвободила кисть, направившись к двери.

— В любом случае я не жалею о своем приключении, — прошептала она.

Когда она ушла, Валандур взял со стола отраву и бросил три шарика рядом со шкафом, а два оставшихся отнес в кладовую, после чего, как и советовала харадка, несколько раз вымыл руки с мылом и как следует протер стол. Через пару минут он увидел, что около шкафа уже сидят две мыши и с большим аппетитом уплетают угощение: наутро ему предстояло убирать трупки вредителей. Однако сейчас он думал о том, что есть то, ради чего все же стоит жить, и для него именно этим стали две безумных ночи с этой девушкой, когда он позволил себе ни о чем не думать и только чувствовать.

*

Валандур искренне думал, что Айор покинет его страну вместе со своей подругой, однако наутро, решив все же прийти и понаблюдать за их отъездом, был сильно удивлен тем обстоятельством, что она вышла из дворца одна. Небо на востоке едва начало светлеть, и в фиолетовых рассветных сумерках нуменорец в последний раз смотрел на свою случайную возлюбленную. Харадский посланник с охраной шел вслед за ней, отставая где-то на два шага; гондорскому военачальнику сразу подумалось, что он явно занимает у себя на родине более низкое положение, чем она. Люди, сопровождавшие Исилдура, держались настороженно, но сдержанно и почтительно: в их среде было не принято осуждать действия государя, какими бы странными или откровенно противоречащими всему привычному они ни казались, и в их глазах он все равно был верховным королем дунэдайн и вершителем воли Валар, несмотря ни на что. Никто не говорил ни слова — посланник с идеально спокойным выражением лица распахнул перед Айор дверь крытой повозки, она забралась внутрь, ее сопровождающие сели на коней и двинулись в путь. Валандур долго смотрел им вслед, поймав себя на мысли о том, что девушка даже не обернулась, не посмотрела в последний раз на то место, которое покидает — хотя оно и понятно, ему тоже вряд ли понравилось бы находиться в плену даже у самых хороших людей, не чинивших жестокостей в отношении тех, кто попал к ним в руки. Интересно, а если бы она все же оглянулась, то увидела бы его? И что бы тогда сделала, может, хотя бы помахала ему рукой, улыбнулась на прощание?

Подул пронизывающий холодный ветер, и нуменорец, завернувшись в плащ, поспешил во дворец — мерзнуть ему совсем не хотелось. Однако все его мысли по-прежнему занимала Айор, и в какой-то степени ему стало легче от своего странного чувства — он впервые в жизни испытывал нечто подобное, словно эта прекрасная девушка увезла с собой частичку его души, но зато эти воспоминания вернули ему волю к жизни — по крайней мере, он больше не испытывал желания сделать с собой что-то страшное. Сейчас он думал о том, что, возможно, в силу своего происхождения проживет еще достаточно долго — лет сто, сто пятьдесят, даже двести, и оставшиеся дни его жизни будет согревать память об этих двух ночах, проведенных с прекрасной девушкой с юга.

Ему очень хотелось, чтобы она добралась домой благополучно — Саурон, конечно, мертв

и больше не представляет ни для кого угрозы, но мир тем не менее по-прежнему полон опасностей, кроме того, он надеялся, что никто из ее соотечественников не узнает о том, что между ними произошло — он не представлял себе, что когда-нибудь станет виновником чужого позора и бесчестья.

Доброго пути тебе, Айор из Харада...

Доброго пути...

*

*Был старший силен, но зол и жесток;
Второй был слаб, как хилый росток,
Беспечен третий и ветрен умом,
Четвертый глуп, хоть не злобен при том.*

Из армянского эпоса

Соот-Сэйор ожидал увидеть на пороге своего жилища кого угодно, но только не Курумо Морхэллена, второго сына своего Учителя.

Майа стоял и смотрел на резной каменный узор над входом в Аст Алтар, потом его растерянный взгляд остановился на лице Гэленнара. Тот в свою очередь тоже взглянул на странного гостя с любопытством: одет Морхэллен был не слишком подходящим образом, тонкая вязаная шапочка плохо защищала от холода и ветра, плащ тоже подходил для куда более теплой погоды. Ветер был просто ледяным — с каждым его порывом казалось, что в кожу врезаются не снежинки, а режущая алмазная крошка.

— Входи, — предложил ему эллера, — замерзнешь.

Тот неловко переступил с ноги на ногу.

— Я долго искал хоть кого-то из вас... и наконец нашел.

— Я же сказал — входи, — почти потребовал Гэленнар. — На улице страшный холод, пусть и не морозы, но ветер, мокрый снег, сырость — приятно мало.

Курумо сделал шаг вперед.

— Я тебе сразу объясню, почему...

Эльф слегка отстранился.

— Давай не будем говорить о прошлом, — он поморщился, — оно вызывает у меня не самые приятные воспоминания. Если ты хочешь снова быть рядом с нами, то не касайся этого, если можно.

Красивое лицо Курумо исказилось болезненной гримасой — вид у него был такой, словно

Гэленнар как минимум ударил его ножом.

— Прости. Я бы хотел видеть Ортхэннэра — где он?

Эльф молча сделал знак своим помощникам, чтобы они заперли двери, после чего прислонился к холодной каменной стене и, глядя на своего гостя, вздохнул с облегчением.

— К счастью, мертв! — воскликнул он.

— К счастью?! — Курумо отшатнулся от него с еще более искаженным лицом, не понимая, что вообще происходит и почему Соото такое говорит.

Тот потянул его за руку — ладонь майа показалась ему холодной, как лед.

— Идем скорее внутрь, хоть согреешься, и я тебе все расскажу. Натворил наш Ортхэннэр всякого нехорошего, так сразу и не перечислишь.

Нахмурившись, Морхэллен пошел за хозяином крепости; он уже отлично понял, что произошло нечто очень плохое, и теперь хотел знать подробности. Гэленнар, напротив, решил с этим не торопиться — он видел, что его друг детства сильно замерз и устал с дороги, да к тому же наверняка хочет спать, поэтому предложил ему сначала как следует поужинать и отдохнуть.

— Если ты не против, я расскажу тебе обо всем завтра, — сказал он, когда Феввэ поставил перед гостем поднос с едой и горячим чаем. — Тут много чего произошло, и в основном, как ты сам уже понял, новости у меня неутешительные. Честно говоря, я был бы благодарен убийце твоего брата за то, что он избавил Арту от этого чудовища, но этот человек и сам... ладно, давай лучше утром на свежую голову, мне сейчас не очень хочется на ночь глядя это обсуждать.

Курумо, все еще дрожа от холода, обхватил обеими ладонями теплую кружку, чтобы хоть немного согреться и прийти в себя.

— Говори, — обиженно произнес он. — Чего до утра тянуть.

— Не хочу, — повысил голос Соото. — Мне это потом ночью сниться будет.

Курумо с нарастающим раздражением ждал, что Гэленнар все же сдастся, но тот был непреклонен, и в итоге майа не осталось ничего иного, как все же согласиться отложить беседу до завтра.

— Ладно, — он подсел ближе к камину. — Только пообещай, что не утаишь от меня ничего.

22. Вдали от войны

Терзаясь тяжелыми мыслями, Соото не мог заснуть почти всю ночь. Когда он наконец проснулся, солнце уже давно встало — вернее, солнца как такового и не было, небо по-прежнему покрывали тяжелые серые тучи, а ветер швырял в окна целые пригоршни мокрого снега.

— Я не стал вас будить, — сказал ему Наделенный Силой, когда он попросил согреть ему воды для умывания, — попросил господина Балкузора подождать, когда вы проснетесь и сможете проводить его как подобает.

— Спасибо. Скажи ему, что я сейчас приду, просто плохо себя чувствовал.

Быстро приведя себя в порядок, эльф попрощался с важным гостем, пожелал ему счастливого пути, а потом вспомнил о Морхэллене и пошел в трапезную, где застал майа разговаривающим с Олло. Увидев Соот-Сэйора, Курумо поднялся с места и смерил его полным недоверия взглядом.

— Ты мне обещал, что не утаишь ничего. Почему тогда ты вчера мне солгал? Насчет смерти Ортхэннэра?! — возмутился майа. — Олло за завтраком поведал мне совсем другое. Я бы хотел все-таки повидаться и поговорить со своим братом.

Гэленнар сел в кресло, устало опустил руки.

— Я не солгал. Я хотел сказать тебе совсем не то... не знаю даже, как объяснить, я в полной растерянности, никак не соберусь с мыслями, ты уж прости, мне сейчас очень тяжело. Пойми одну вещь... того Ортхэннэра, которого мы знали, уже давно нет. Олло не хотел понять... ну и результат налицо, вернее, был на лице, когда он вернулся из Нуут-Улимы.

— Я понял, — Курумо опечаленно взглянул на эльфа. — Ты это в переносном смысле слова, но тоже все верно. Олло мне уже рассказал, как мой брат его ни за что ни про что ударил. Думаешь, у нас нет возможности до него достучаться?

— Ты издеваешься?! — бледные щеки Соот-Сэйора вспыхнули. — Тоже решил по лицу получить, тебе было мало Олло?!

Майа снова сел на свое место.

— А теперь мне хочется услышать обо всех событиях от тебя. Как мне удалось понять, он просто уничтожает последователей нашего отца, а чего добивается... я сам пока не понял.

Эльф кивнул и, попросив ученика согреть еще чаю, начал свое невеселое повествование о жутких выходках Ортхэннэра. Курумо внимательно выслушал весь рассказ Гэленнара от начала до конца, потом наконец решил высказать свою точку зрения.

— Сказать мне, честно говоря, даже и нечего, — огорченно произнес он, — я был о своем

старшем брате куда лучшего мнения.

Олло нахмурился.

— А вид у тебя такой, словно ты до сих пор не теряешь надежды.

— Наверное...

— Зря, — печально пробормотал эльф.

На какое-то время повисла напряженная тишина, потом Курумо все же отважился изложить свои соображения относительно дальнейших действий.

— Насчет расправы с этим мерзавцем Исилдуром я тебя поддерживаю, детей его ты, как я понимаю, тоже всех извести собрался.

Гэленнар неловко поежился — ему в силу его характера не хотелось, чтобы дело доходило прямо совсем уж до чего-нибудь подобного, подобное казалось ему сильным перегибом палки, все-таки он не был сторонником убийства не того, кто виноват в преступлении, а того, кто так или иначе с ним связан, но тут в беседу вмешался Ахэир.

— Всех. Жалко, что до младшего добраться не удастся. Чтобы из них потом не выросли такие же, как их папаша.

— Убивать кого-то, кроме этого выродка, ты будешь только в том случае, если они поднимут против тебя оружие, — жестко перебил его Соото.

Курумо заметил выражение лица Соот-Сэйора и решил не развивать тему.

— Я хотел другое сказать. Ты зря пообещал тому морадану, что к тебе приезжал, кольцо моего брата. Представь себе, что произойдет, если оно вернется к нему. Он и без этого опасен... а так станет слишком опасен.

Эльф побледнел еще больше обычного — он тотчас понял, что данное им обещание и в самом деле было слишком опрометчивым.

— И что же ты предлагаешь?

— Отдай его мне, я разберусь, как совладать с его силой. А тому человеку скажи, что кольцо потерял... уронил в реку, в лужу или что там еще, никто же не станет искать такой крошечный предмет.

*

Город Найр, находящийся на значительном расстоянии от мест боевых действий, жил своей жизнью. Андвир, которого Морнэмир и его помощники с трудом вытащили с того света после пыток морэдайн, быстро встал на ноги, сломанная рука срослась и больше не тревожила его даже при перемене погоды; он отлично сообразил, что к чему, и решил

город не покидать, оставшись в помощниках у своего спасителя — ему отнюдь не хотелось в очередной раз попасть в большую беду.

Вскоре после окончания войны к Морнэмиру наведались гости — его двоюродный брат Мортаур со своей женой и младшей сестрой. Племянник Саурана был очень дружен со своими родичами и сильно по ним соскучился, поэтому их приезд оказался для него очень приятным сюрпризом.

— Рад вас видеть, — улыбнулся Морнэмир, встречая родственников, — а Тхэсс где? С вами не поехал?

Мортаур развел руками.

— Его отец не отпустил, сказал — сиди дома и жди моих указаний, скоро ты мне понадобишься. Ну мы и приехали втроем, Тхэсс пообещал, что за моими детьми присмотрит, хотя они в принципе давно могут уже и без нас обойтись.

— Скоро понадобишься — звучит как-то зловеще, — со вздохом ответил его двоюродный брат. — Ну ладно, проходите скорее в дом, будем обедать. У Тхэсса и так семеро по лавкам, одним больше, одним меньше... ну что ж, он с раннего детства, насколько я знаю, о большой семье мечтал, так вот его желание и сбылось, пусть теперь с ней возится.

Пригласив гостей к столу, Морнэмир представил их и своих помощников друг другу; завязалась довольно спокойная непринужденная беседа о разном, но в какой-то момент, как все ни старались избегать неприятной темы, разговор все же коснулся недавней войны.

— Короли дунэдайн изначально не понимали, с кем и с чем вообще имеют дело, — высказал свою мысль Мортаур.

— Вы как морадан наверняка их всех ненавидите, и вам бы хотелось иного исхода, — невзначай обмолвился Андвир.

— Что ты сказал?! — Мортаур привстал с места; Алмариэль схватила мужа за рукав и начала что-то быстро ему говорить, но тот все-таки вовремя взял себя в руки.

Андвир понял, что ляпнул что-то совсем не то, но пока что еще не успел сообразить, чем именно умудрился так разозлить брата Морнэмира — поначалу тот показался ему вполне приветливым, любезным и жизнерадостным, и он никак не мог ожидать от него чего-то подобного.

— Не смей меня так называть, — полумайа перекошило от ярости. — Еще раз что-нибудь подобное скажешь, получишь в морду, и пеняй на себя. Во-первых, я ненавижу морэдайн. Всех. Во-вторых, я ненавижу Нуменор и все, что с ним связано, а отнюдь не Исилдура с Элендиллом. Мои Верные родственники — такие же жертвы обстоятельств, как и я сам.

— Простите, — юноша опустил глаза, лицо его было бледным, щеки пылали. — Я просто первый раз в жизни вижу того, кто говорит такое... — он никак не мог подобрать нужные

слова, — будучи по крови хотя бы отчасти одним из нас и тем более родичем самого Властелина.

— Не-на-ви-жу, — отдельно произнес Мортаур, выделяя голосом каждый слог, словно стремясь произвести на своего нового знакомого особое впечатление. — К сожалению, есть за что. Прекрасная Эленна — та еще помойка, вернее, мясорубка, и отголоски этого ты, как я успел понять по словам Морнэмира, уже испробовал на собственной шкуре. Молись кому хочешь, чтобы это больше не повторилось. Они тебя еще не особо сильно изуродовали, что все зажило без последствий и ты тут на обеих ногах твердо стоишь и еще в состоянии со мной разговаривать. Повезло тебе еще к Миналбэлю в руки не попасть — он сдох еще задолго до твоего рождения, но от него ты вообще бы живым уже не выбрался.

Морнэмир тут же сменил тему, чтобы хоть как-то успокоить двоюродного брата; к счастью, все быстро забыли об этом инциденте, переключившись на другие дела. Вечером того же дня Мортаур, дождавшись, когда его жены не будет рядом, подошел к Андвиру, чтобы все ему объяснить.

— Извини за сегодняшнее, не хотел на тебя кричать, — сказал он, — иногда я бываю не в меру вспыльчивым, особенно когда речь заходит о мораданских вырожденках. Просто после всего, что с нами было, меня одно упоминание морэдайн из себя выводит, а уж когда меня с ними сравнивают или к ним причисляют, так вообще. Я не виноват, что родился в какое-то время в каком-то месте, хотя если бы у меня был выбор, я уж точно постарался бы не иметь к Нуменору и всему, что с ним связано, никакого отношения. Не хотел вдаваться в подробности при своей жене, для нее воспоминания об этом до сих пор очень болезненны, но эти твари ее, как и тебя, чуть не убили.

Тот смущенно опустил глаза.

— Я тоже... я не хотел вас обидеть, — его голос дрожал, словно он из последних сил сдерживал слезы. — Я же не знал.

— Многие люди с восторгом рассказывают мне про тот день, когда они познакомились со своими мужьями и женами, — продолжил Мортаур после недолгой паузы. — Нашу историю веселой и приятной не назовешь. Я тогда был совсем еще юным, моложе тебя, и думал, честно признаюсь, отнюдь не головой, мне очень хотелось найти себе кого-нибудь... сам понимаешь для чего.

Андвир смутился и слегка покраснел.

— Ну да...

— Нынешние морэдайн — жалкие пародии на Людей Короля времен моего детства и ранней юности, — вид у полумама был довольно злой. — Тем доставляло особое удовольствие мучить ради забавы людей, которые не могли никак себя защитить; для таких тварей это в порядке вещей — они никогда не полезут к тому, кто способен разбить им жбан, напротив, непременно подыщут себе жертву, неспособную за себя постоять. Особо среди них выделялся Миналбэль, тот еще выродок, впоследствии его

прикончил мой дядя Исилдур, и я до сих пор жалею, что этот гад сдох слишком быстро; в душе я часто представлял себе, как убиваю его долго и жестоко на глазах у своей жены.

Лицо его собеседника исказилось страхом.

— Он над ней надругался?

— К счастью, не успел. Сейчас я упаду в твоих глазах ниже некуда, но это сделал я — по юности и глупости я тогда не понимал, что творю и каково в тот вечер пришлось ей.

Андвир посмотрел на него с недоумением.

— А мне показалось, что она вас любит...

— Не показалось. Сейчас любит. Я отобрал ее у Миналбэля и его дружков, когда ее арестовали по какому-то идиотскому обвинению в худших традициях Ар-Паразита и его прислужников. Сделал ей выгодное предложение, от которого не откажешься, — ехидно произнес полумама, — свободу в обмен на ее тело. Придурком я был, конечно — сейчас я не стал бы такое творить, но тогда совсем не осознавал, что к чему. Сам понимаешь, выбор у нее был невелик — либо эти твари и мучительная смерть, либо я и хоть какая-то возможность выжить. Потом до меня начало доходить, что я натворил. Подробности всего, что я передумал за то время, пока мы еще жили в Арменелосе, я тебе пересказывать, пожалуй, не стану, у меня от этого до сих пор мороз по коже. Я искренне думал, что Алмариэль в душе меня ненавидит. К счастью, это оказалось совсем не так, но окончательно она пришла в себя лишь после того, как прекрасная Эленна, — это название прозвучало в его устах как грязное ругательство, — осталась в прошлом. Хорошо, что моя жена не умеет долго помнить плохое... а то могу себе представить, какое впечатление у нее было от нашего знакомства и первой ночи вместе.

Юноша несколько минут молчал, потом все же решился сказать, что думает по этому поводу.

— Вот слушаю я вас, и у меня такое чувство... я даже не знаю, как это объяснить, но, наверное, правильно будет сказать, что я просто поражен. Мне с раннего детства все говорили, что Эленна — это едва ли не святое, и говорили о ней с таким благоговением, что я искренне в это верил. Однако тут появляется... человек, который там жил, и утверждает совершенно обратное.

Мортаур усмехнулся.

— Не веришь мне? Вон жену мою расспроси, только учти, что это ей до сих пор вспоминать неприятно. Или лучше тогда уж Зимрамит — моя сестра была свидетельницей тех событий, еще поинтересовалась, что эта девушка делает у нас в доме. А потом вернулся мой отец, и вот тогда я уж не знал, куда от стыда деваться. К счастью, все обошлось. А мой дядя Исилдур — идиот, иного слова не подберу, потому что мне вот было в этом проклятом Нуменоре плохо, так я и не жалею о том, что весь этот гадюшник сгинул в море! Этот же совсем головой не думает, его там несколько раз чуть не убили, но все равно же сидит и по прекрасной Эленне тоскует!

По телу его собеседника, несмотря на теплый, даже жаркий вечер, пробежала дрожь: каждое слово полумаи как будто переносило его в прошлое, о котором Андвир, как оказалось, имел совершенно превратное представление.

— У меня покойный дед сюда вместе с Элендилом приплыл, — ответил он. — С детства мне всякие сказки про Нуменор рассказывал, что там чуть ли не медовые реки в сахарных полях текли, но потом из-за Фаразона его счастье разлетелось на кусочки. Я ему верил...

Мортаур понимающе кивнул.

— А они все такие, родственнички-то наши старшие. Сами себе сказку придумали, сами и верят, хотя сказка на деле гадкая. Я мог бы это принять, если бы им от этого лучше было — случается такое, что человек верит в то, чего нет, и наделяет это в своем воображении самыми что ни на есть привлекательными чертами, но на деле им, наоборот, только хуже и больнее. На наших родных не стоит обижаться — это не их вина, это их беда.

Андвир с самого начала, попав к Морнэмиру, не испытывал никакого страха в обществе сторонников Саурона — напротив, ему было скорее интересно и любопытно, нежели боязно, и он сразу смекнул, что хамоватый племянник Черного Майа в принципе не представляет для него угрозы, хоть и любит говорить всякие грубости. Сейчас ему подумалось, что и другие его родичи в целом вполне неплохие люди... хотелось бы хоть краем глаза глянуть, наверное, и на отца Мортаура, пусть про него и ходят страшные слухи — да только мало ли что люди болтают, вон про Нуменор тоже говорили, а на деле что оказалось?

— Вы меня тоже простите, — осторожно сказал он. — Я вас сегодня невольно обидел. Не хотел, не знал, а так вышло.

*

Полный ненависти к морэдайн и Нуменору рассказ Мортаура оставил, несмотря ни на что, довольно горький осадок в душе Андвира. Конечно, разумом он понимал, что двоюродный брат Морнэмира говорит правду — бедняга и насмотрелся, и натерпелся, а уж что пришлось пережить его жене, это отдельная история, однако он никак не мог смириться с мыслью о том, что прекрасная легенда, с рассказами о которой он был знаком едва ли не с того времени, как научился ходить и говорить, на деле оказалась похожа на прогнивший насквозь изнутри, пусть и красивый снаружи плод. Более того, все нуменорцы — и Верные, и морэдайн — всегда говорили о своей исторической родине с величайшим благоговением, и Мортаур был первым и единственным нуменорцем по происхождению, который жутко ненавидел Нуменор и все, что с ним связано.

Утром следующего дня ему и в самом деле представилась возможность поговорить с сестрой Мортаура; еще во время их первой встречи за общим столом она тоже показалась ему вполне симпатичной и приветливой, а теперь, встретившись с ним в саду после завтрака, сразу с ним поздоровалась и вообще вела себя довольно

непринужденно, чем вызвала заметное смущение своего нового знакомого. Андвир не ожидал такого — он представлял себе их разговор совершенно иначе.

— Я вас совсем не знаю, — сказал он, одновременно с тем востро разглядывая Зимрамит, — но вы говорите со мной так, словно мы с вами знакомы уже много дней, хотя на самом-то деле мы вообще ничего не знаем друг о друге.

— А нам есть что знать? — как будто с удивлением парировала девушка. — Мне и рассказать-то о себе особо нечего. Родилась, жила, живу.

— Да и мне тоже. Единственное приключение в моей жизни, и то весьма печальное — когда я в первой же стычке в плен к морэдайн попал. Что было дальше, вам уже рассказал ваш двоюродный брат.

— Со мной можно на «ты», — Андвир подумал, что в целом она и похожа, и одновременно с тем не похожа на тех девушек, которых ему доводилось видеть; женщины дунэдайн, например, никогда не носили коротких стрижек, да и мужчины тоже, а у Зимрамит волосы были даже чуть выше плеч. Лицо у нее, впрочем, на редкость красивое...

Они обменялись печальными взглядами.

— Ты уж меня прости, я не хочу тебя обидеть, — голос Андвира дрогнул, — я, возможно, все неверно понял, но мне кажется, что ты слишком... слишком хорошо ко мне относишься.

Девушке подумалось, что в его взгляде ясно читается отчаяние, но она не могла сообразить, чем именно это вызвано.

— А почему я должна плохо к тебе относиться? Разве ты сделал мне или моим близким что-то нехорошее? Или вообще кого-нибудь обидел?

— Ты меня не так поняла, я не в том смысле... в общем, ты держишься со мной так, что люди могут подумать, словно я...

Она почти разозлилась.

— Да что ты тянешь кота за хвост, как меня всегда раздражали все эти ненужные церемонии! Говори прямо! — ее взгляд стал непривычно презрительным и высокомерным.

Юноша почувствовал себя уязвленным и в то же время поймал себя на мысли о том, что сильно обидел Зимрамит; он посмотрел на нее и ощутил, как страх растет в его душе. Его воспитывали совсем в иных понятиях, и если бы родители увидели, как он тут запросто болтает с едва знакомой девушкой — добро бы они были хотя бы помолвлены! — то однозначно надавали бы потерявшему всякий стыд сыну по шее и были бы в своем праве.

— Короче говоря, — он собрался с мыслями, — люди могут подумать, что я к тебе

неравнодушен и с тобой заигрываю. Твоим братьям, не говоря уже об отце, все это может очень сильно не понравиться. Морнэмиру я обязан жизнью, и он оказал мне очень большую любезность, приютив меня в своем доме и дав работу, потому что идти мне попросту некуда. Если он увидит все это, то вполне может взять и выставить меня в никуда, но это будет еще полбеды, потому что сейчас его стараниями обе руки у меня целы и я в состоянии о себе позаботиться и заработать себе на хлеб с маслом — не у него, так у кого-нибудь другого. Впрочем, Морнэмир не злой, да и твой старший брат тоже, пусть и злится, когда его к морэдайн ненароком причисляют. А вот что со мной твой отец сделает, если вдруг застанет нас вдвоем — мало мне потом уж точно не покажется, сама понимаешь.

Та неожиданно рассмеялась — он не мог понять, скрывал ли этот смех затаенную злость или, напротив, она пыталась разрядить обстановку.

— Ну ты и... — она хотела сказать Андвиру что-нибудь обидное, но в последнее мгновение передумала — в конце концов, он не виноват, что его так воспитали, с детства забивая голову всякой чушью, и то он ведет себя куда более прилично, нежели большинство не в меру застенчивых и помешанных на глупых правилах Верных. — И что же мой отец? Что мне теперь, из-за того, что у меня есть родители, занимающие определенное положение в обществе, теперь с парнями не встречаться и замуж не выходить?

Он смутился.

— Извини.

Зимрамит улыбнулась ему, прежде чем уйти, и эта улыбка сделала ее лицо в представлении юноши еще более очаровательным.

— А давай еще раз встретимся, — Андвир вспомнил легенду о Берене и Лютиэн, которую ему доводилось многократно слышать в детстве, и сразу представил себя на месте будущего зятя Тингола; о том, как отреагирует на что-то подобное Саурон, он предпочел лучше не думать. — Например, завтра. Под этим же деревом... ну, после полудня. И поговорим.

Она удивилась.

— А чего нам о свидании-то договариваться? Я пока что здесь живу, приехала в гости к своему брату, и ты, если хочешь, просто приходи ко мне, да и все. Зачем все так усложнять?

Андвир посмотрел на нее с изумлением.

— Не надо так. Это уж как-то... совсем нехорошо.

— Хорошо, — возразила она, и в ее голосе юноше почудились дразнящие нотки. — Тогда давай увидимся завтра здесь, на этом самом месте.

Они встретились еще раз на следующий день; Андвиру постепенно удалось перебороть свое смущение и разговаривать со своей новой знакомой так, словно они и в самом деле знают друг друга уже давно, а он не в курсе ее происхождения. Потом была еще одна встреча. И еще одна. И еще.

Однажды вечером он наконец набрался храбрости и решил навеститься в гости к Зимрамит; как он и ожидал, она была у себя в комнате — пока что они с братом не собирались покинуть город. Увидев его, она не произнесла ни слова, лишь повернулась к нему, но ее молчание не было гнетущим или разочарованным, скорее выжидающим, полным предвкушения, словно и она не хотела бежать от своих чувств и желаний.

Теперь он совершенно точно знал, что будет делать дальше. В конце концов, терять ему было попросту нечего; он осторожно, почти не дыша, обнял девушку и теперь видел совсем близко, прямо перед собой ее серые глаза, смотрящие как будто прямо в его сердце, красиво изогнутые губы, упавшую на лоб короткую прядь темных волос. Время словно остановилось для них обоих, и им казалось, будто этот вечер, эта ночь никогда не закончатся — их объятия не размыкались ни на мгновение, тела становились одним целым, а губы соприкасались в нескончаемых поцелуях.

23. Отличный план

В самом начале января Фириэль и Валандил получили от Исилдура письмо: в нем он, не касаясь ничего личного, довольно сухо оповещал родных о том, что собирается в середине осени все-таки приехать в Арнор, а по дороге заглянуть на несколько дней в Имладрис и забрать жену и младшего сына с собой. Мальчик чуть ли не прыгал от радости — наконец-то он увидит отца и братьев, а сама Фириэль напряженно размышляла, как будет разговаривать со своим супругом после всего произошедшего, но в итоге решила для начала просто сделать вид, что ничего не знает и не понимает, а потом, если уж будет необходимо, действовать по обстоятельствам. Новость о приезде короля дунэдайн они, естественно, сразу же сообщили Элронду — как-никак он хозяин дома и ему встречать гостей, но присутствовавший при этом Линдир внезапно подумал, что план с устранением Исилдура в Имладрисе иначе как плохим не назовешь.

Всю ночь эльф напряженно над этим размышлял, а наутро решил, что непременно должен поговорить со своим повелителем, пока не оказалось слишком поздно — ведь когда Исилдур будет сидеть рядом с ними в обеденном зале, изменить свой план уже не получится! С такими мыслями Линдир робко постучал в дверь покоев владыки Элронда, будучи еще не уверенным в том, что тот его не поколотит за непрошенный визит в неурочный час.

— Да, — донесся оттуда сонный голос. — Чего надо?

— Это я, Линдир, — ответил эльф. — Поговорить надо... дело важное...

— Ладно, входи!

Прилебатель Элронда боком робко просочился внутрь и сразу увидел своего повелителя, сидящего на неубранной постели с нечесаными патлами — было понятно, что бывший герольд Гил-Галада только что открыл глаза, хотя уже минуло час пополудни.

— Ну давай, выкладывай, — поторопил его Элронд. — Что там у тебя стряслось?

— Я тут над вчерашним письмом поразмыслил, — Линдир осторожно примостился на краешке облезлой табуретки, которую уже давно не мешало перекрасить, — и думаю вот что. Заманить Исилдура в Имладрис, как мы изначально хотели, трудностей не составит, он сам направляется в ваши владения. Убить — тем более, он не считает вас врагом и не ждет с вашей стороны никакого удара. Яд в бокале, кинжал в сердце ночью — сомневаюсь, что он ляжет спать в кольчуге, ну и всякое такое, однако это не годится. Это будет выглядеть слишком подозрительно. Понимаете, если бы мы убили его в Мордоре — там все понятно, орки-недобитки толпами бегают, вот один из них и решил, что ему терять-то нечего, а вот в Гондоре или здесь — я уже сказал, будет подозрительно выглядеть. Там все сразу подумают на Менельдила, что он мечтал дядюшкин трон занять, и ему такая слава даром не нужна, а в Имладрисе... В общем-то оно, может, и прокатило бы, но с ним будет, если судить по письму, слишком много народу — все его сыновья и охрана, если я все верно понял.

Элронд с недовольным видом поправил засаленную подушку — постепенно он начал

соображать спросонья и прикинул, что Линдир вообще-то говорит верные вещи.

— Да, — наконец изрек он. — Об этом-то я и не подумал. Так-то был бы он один... я бы и в самом деле убил его спящим и замел следы, ну да, он ко мне приезжал, потом утром уехал, вы все, если что, это подтвердите, никто меня не заподозрит, что там с ним могло случиться уже после отъезда — сам Эру не знает, может, на горных троллей напоролся, те его и прикончили. А так... опять куча ненужных свидетелей!

— Кроме того, здесь его жена и сын, — добавил его прислужник. — Это осложняет дело. Я предлагаю другой план: сделать так, чтобы он вообще не доехал до Имладриса!

Бывший герольд Гил-Галада внезапно изобразил на лице нечто типа великодушной улыбки и пригладил свои не особо чистые патлы.

— А это ты верно мыслишь, Линдир, — произнес он. — Убедил! Двойная выгода — еще и на угощение для гостей тратиться не придется!

Тот надулся.

— Владыка, а что мы теперь делать будем?

Элронд указал ему на дверь выпрепленным жестом.

— Так, ты иди и распорядись, чтобы мне завтрак принесли, я хочу кружку яблочного сидра и яичницу из трех яиц с беконом, а я пока подумую.

Линдир встал с табуретки, поклонился и попятился.

— Да, владыка Элронд.

*

По характеру Элронд был настолько жадным типом, что при наличии денег жалел потратить ломаный грош даже на себя и в силу этого мог годами ходить в одной и той же потерявшей цвет и форму одежде или спать на многократно заштопанном и застиранном постельном белье, более того, в душе он мечтал заставить Келеборна раскошелиться на их с Келебриан свадьбу и напряженно размышлял, как сэкономить на брачном даре для своей прекрасной невесты, однако никогда не скупился, когда речь шла о физическом устранении его заклятых врагов или просто неугодных ему лиц. Он со спокойной душой отсыпал целый мешок золота Маэглину, который разыграл перед бывшим герольдом своего кузена веселую комедию, пообещав за вознаграждение прикончить Гил-Галада, и выставил его на посмешище перед своими товарищами, и теперь вспомнил, как за кругленькую сумму вроде как избавился от короля Нолдор чужими руками; немного поразмыслив, он позвал к себе Глорфиндейла и Линдира и поделился с ними своими соображениями — а не прокатит ли подобное и в этот раз?

— Линдир мыслит верно, убивать короля дунэдайн собственными руками нам слишком опасно, — сказал он своим прислужникам. — Однако и оставить его в живых мы не имеем

права, иначе уже нам всем крышка — вдруг он всем расскажет, что я сделал с Гил-Галадом?

Глорфиндейл поежился.

— Ой, не надо, владыка, вы ж тогда останетесь и без короны, и без головы, а еще и без Келебриан — после такого Келеборн точно не отдаст за вас свою дочь!

Линдир смотрел в грязное окно с неприятными серыми потеками — вид у стекол был такой, словно их не мыли лет десять, но это было неудивительно, поскольку Элронд не слишком любил следить ни за собой, ни за обстановкой в своих покоях и редко позволял слугам наводить чистоту. Оба эльфа ждали, что все-таки придумает их многомудрый обожаемый повелитель.

— Мы его все равно убьем. Только не своими руками и не здесь, — изрек бывший герольд Гил-Галада. — Мы знаем, когда он покинет Гондор и какой дорогой сюда поедет — этот глупец в подробностях все изложил в письме своим родным, сам понимаешь, путешествие по Средиземью легкой прогулкой не назовешь, а опасности тут встречаются очень разные. Мало ли что может случиться с кем-нибудь по дороге... ну, а мы не виноваты, мы вообще-то его в Имладрисе живым и здоровым ждали, при чем тут мы? Совсем ни при чем. Глорфиндейл тут по моей просьбе вчера поговорил кое с кем из местных тут неподалеку... с людьми, гномами... ну и Эктелион тоже нам помог... в общем, мы встретимся с одним типом, заплатим ему денежку, и об Исилдуре можно будет говорить в прошедшем времени.

*

Слова у Элронда с делом обычно никогда не расходились, в особенности если речь шла о его личной выгоде и поганой шкуре. Он не стал откладывать свои планы в долгий ящик и тем же вечером велел Линдиру, Эктелиону и Глорфиндейлу собираться в дорогу; все четверо надели темные плащи, незаметные в ночном мраке и утренних сумерках, и взяли с собой оружие, сказав, что якобы отправляются на охоту, однако и тут едва не прокололись.

— Владыка, мне кажется, вы выбрали странное время, — невзначай обронил Валандил, увидев их приготовления. — Во-первых, сейчас зима, холодно, к тому же ночь, вряд ли вы найдете хорошую дичь...

Элронд от злости потерял дар речи — какого балрога Исилдурово отродье смеет тут вообще рот открывать, да еще и в присутствии знатных эльфов! — но тотчас взял себя в руки; ничего, потом он укажет этому нуменорскому недоделку, где его место, а пока не время.

— Мы не на простую охоту едем, дитя мое, — проговорил он притворно-ласковым тоном. — Гномы рассказали нам ужасные вещи о вражьих тварях, которые объявились в окрестностях нашей долины, и мы решили, что непременно должны их найти и убить.

— Это опасно, — с явным недоумением возразил младший сын Исилдура. — Вам,

наверное, следовало бы взять с собой больше воинов.

Владыка Имладриса с натянутой улыбкой снял боевую перчатку и погладил мальчика по голове, в душе сожалея, что не может его ударить.

— За меня не волнуйся, я самого Врага одолел, куда его тварям со мной тягаться? Мы потому и едем вчетвером — дело в том, что много воинов им куда легче заметить, они увидят целую толпу эльфов и тотчас попрячутся. Не забывай, что эти создания очень трусливы, им ничего не стоит растерзать одинокого торговца-гнома, а против отряда опытных эльфийских воинов с отличным оружием они и не выйдут.

— Конечно, владыка, — Валандил ничего не заметил, — только вы все равно будьте осторожны и берегите себя, Враг мертв, но кое-какие его слуги еще могут нам навредить.

Попрощавшись с наивным мальчишкой, Элронд и его спутники долго ехали по скованным зимним холодом лесам и рощам. Снега в этом году, как назло, было мало, и местные земледельцы не зря переживали за урожай — белое покрывало не защищало посевы от морозов, и если бы те усилились, все плоды их трудов могли быть уничтожены стужей. Однако новоявленному владыке Элдар и его приятелям такая погода была как раз на руку: по крайней мере, им не пришлось пробираться к нужному месту по пояс в снегу. Ближе к рассвету Элронд велел всем остановиться и спешиться; на поляне подле огромного валуна их ждали два орка в вороненых кольчугах — один довольно маленького роста, второй, напротив, был даже выше, чем Глорфиндейл, и уж заметно шире в плечах. Заметив гостей, оба поприветствовали их быстрым поклоном; эльфы ответили тем же.

— Ты знаешь, зачем мы пришли, — сразу начал бывший герольд Гил-Галада.

— Да знаю, — ответил здоровенный орк, — мне уже все передали. Только вы не один, кто хочет смерти Исилдура, мой господин тоже потребовал, чтобы я его выследил и перерезал ему глотку.

— Как имя твоего господина? — тотчас спросил Элронд.

Орк отлично понимал, что упоминать при этих эльфах Равновеликого было бы попросту преступлением, однако ему хотелось не только выслужиться перед своим повелителем, но и как следует набить золотом свой карман — в его кругах получение жалованья за выполнение своей миссии считалось чем-то против чести, а деньги были нужны, поэтому он сразу же придумал правдоподобную версию.

— Лорд Балкузор из Южного Тхерема в Землях Солнца, наследник рода Хадора.

Элронд понимающе хмыкнул. Ага, вот кто мечтает заполучить голову Исилдура — знатный морадан с юга, небось со времен Нуменора его ненавидит, наверняка есть за что. Ну и ладно, пусть выполнит приказ, заодно немного подзаработает и убьет двух зайцев одной стрелой!

— Отлично. У меня к тебе встречная просьба. Разделаться с Исилдуром — с этим все

понятно, его надо прикончить в первую очередь. Что вы собираетесь делать с остальными... ну, с теми людьми, что будут его сопровождать?

Подул резкий холодный ветер. Орк накинул на голову капюшон мехового плаща.

— Да ничего, наверное, — он безразлично пожал широкими плечами, — кого-нибудь, конечно, прибьем, но потом, как выполним приказ и разберемся с их главным, так просто свалим в лес. Мне как-то тоже неохота воинов своих терять... год, сами видите, голодный...

Элронд грозно сдвинул брови.

— Я очень хорошо тебе заплачу, но с одним условием. Убей не только Исилдура. Не оставляй в живых вообще никого. И сыновей его... тоже, всех троих в расход, с четвертым я разберусь сам. В первую очередь прикончи Элендура, старшего. Это обязательно. Средних, Аратана и Кирьона, я бы тоже предпочел видеть в могиле, а не на троне Гондора.

— Хорошо, — орк кивнул. Бывший герольд Гил-Галада крепко обнял и от души поблагодарил за помощь своих верных прислужников Глорфиндейла и Эктелиона: ведь это они как бы исподволь расспросили местных крестьян о том, не встречались ли им в этих местах какие странные создания, а если да — то какие именно и чего хотели? Вот один из фермеров взял да и поведал Эктелиону за бочонок пива о каком-то подозрительном человеке в черном, что шмыгал давеча по деревням и рассказывал непонятное, его сын, как оказалось, даже знал, где можно с этим типом повидаться, а дальше все пошло как по маслу — через него они и вышли на этих жадных орков, приспешников знатного морадана. Ну все, теперь Исилдуру и принцам Гондора не сносить голов, дело сделано!

— И еще, — осторожно добавил владыка Имладриса. — Если тебе удастся выполнить еще одну мою маленькую просьбу, я заплачу тебе втрое больше, чем обещал.

— Ну?! — нетерпеливо воскликнули оба орка, даже у щуплого глаза загорелись, а рот раскрылся в предвкушении наживы, белые клыки влажно блеснули в полумраке.

— У Исилдура с собой кое-что есть. Маленькая вещь, ее легко потерять, но если не упустишь — награда твоя. Золотое кольцо, он держит его в футляре на цепочке. Мне оно очень нужно.

Низенький орк издал какой-то странный звук — нечто среднее между воодушевленным возгласом и утробным рычанием; его здоровенный товарищ радостно оскалился.

— По рукам. Как только дело будет сделано, думаю, вы все быстро узнаете, и мы с вами встретимся на этом же месте.

Элронд и его дружки вернулись в Имладрис через три дня в испачканных кровью одеждах, к седлу Глорфиндейла была приторочена клыкастая голова огромного варга. Ничего не подозревающий Валандил выбежал к ним навстречу, едва успев накинуть

подбитый мехом плащ.

— Владыка Элронд, вы вернулись! А мы все уже за вас волноваться начали! Да вы настоящий герой, вон какого варга убили!

Бывший герольд Гил-Галада спешился, горделиво приосанился и посмотрел на мальчика со снисходительной улыбкой.

— Да неужели ты во мне сомневался?! Жаль только, нам удалось подстрелить лишь одного, их там целая стая была, но остальные увидели нас и разбежались! — на самом деле варг умер естественной смертью от старости где-то дней пять назад, и отважному эльфийскому владыке оставалось лишь отчекрыжить голову у неподвижной окоченевшей тушки — много доблести на это не потребовалось, вот только Хадхафанг свой любимый чуть не сломал.

— Разбежаться-то они разбежались, да вон несколько гномьих торговцев к ним в зубы попали, — с притворной скорбью подтвердил Эктелион. — Мы там такое в лесу видели! Как раз за завтраком этого варга и подстрелили — он вместе со своими товарищами двух гномов загрыз и всю пирова, весь снег в крови, повсюду внутренности, кости!

— Ужас какой! — воскликнул мальчик. — Но ведь они же могут вернуться!

— Надеюсь, что все обойдется, мы их здорово напугали, — успокоил его Линдир, — ну, а если и вернуться, мы поохотимся на них еще раз.

*

*Финголфин с детства был нравом поган,
Вырос и стал он подлец-интриган.
Сын его, впрочем, был славный чувак,
Но и его за компанию — шмяк.*

Народное творчество

Гил-Галад вернулся с востока в полнейшем восторге; делясь впечатлениями со своим троюродным братом, он не скрывал своих чувств по поводу всего увиденного.

— Скажу честно, я даже не ожидал такого. Красота там просто невероятная, а уж как меня принимали... я-то, дурак, считал всех вастаков какими-то дикими кочевниками, которые живут в повозках и только грабят других! У них же там такие богатства, что они ни в каком грабеже и подавно не нуждаются. Однако при всем этом самым лучшим в моем путешествии была встреча с Иримэ — я же считал ее давно погибшей. Правда, я от нее про моего дедушку много нелестного узнал... ладно, чего уж там о грустном.

Келебримбор, слушая его, сдержанно усмехнулся.

— Ну так они из-за этого и поссорились, что она из дома ушла и в итоге со своим будущим мужем познакомилась. Он какого-то парня из числа подручных Мелькора на

переговорах ножом в живот пырнул, причем совершенно ни за что, и еще утверждал, что прав. Сестра ему сказала, что он совсем не прав, однако наш милый родственник упорно стоял на своем.

Гил-Галад не знал, вправе ли говорить такое об одном из членов своей семьи, но все же подумал, что бесчестный и откровенно жестокий поступок не красит даже высокогородного нолдо, и высказал свою мысль вслух.

— Правильно сделала, что ушла... я бы, честно говоря, после такого не просто общаться перестал, но и вообще в морду дал. Я еще Ульбару сказал, когда узнал, как он попал в Девятку — магией увлекаться, конечно, не запрещено, особенно если у тебя способности есть, да только по чужим могильникам ходить и в них ковыряться — и в самом деле некрасиво, я бы своего сына за такое тоже розгами отхлестал. Однако по сравнению с тем, что вытворил мой дедушка, юношеские забавы Ульбара — так, безобидная шалость.

— Помню я эту историю, — хихикнул Тъелпе. — Он там умудрился вытащить какой-то древний амулет из могилы одного из Эльфов Тьмы, а отец его на пороге с плеткой и встретил, влетело ему тогда, что пару недель сидеть не мог, а Иримэ еще и поддержала мужа, сказала, что правильно он сыну всыпал по самое не могу. Некрасиво-то оно некрасиво и вообще против местных обычаев, вастаки даже на кладбища к своим умершим просто так не ходят — они считают, что нельзя тревожить их покой, однако без этого амулета и попыток Ульбара с ним разобраться Саурон бы его не заметил.

— С Ульбаром мы, можно сказать, подружились, — несколько удивленно улыбнулся король Нолдор, словно до сих пор сам не верил в такой поворот событий, — зато я слышал, как Маэглин вчера опять с Шестым ругался. Мне показалось, что этот юноша, Элвир, вполне безобиден, но вот Майрону не угодил, и тот ему уже неоднократно советовал обратиться вон, да и брат наш ему все про то же.

— И что тебе с этого?! — Келебримбор заинтересованно поднял бровь.

— Сказать бы ему, в самом деле... зря он так себя ведет. Ведь потом только хуже будет, я пока что не так близко знаком с Майроном, но уже успел понять, на что он способен в гневе. Еще он не терпит неповиновения, и горе тому, кто осмелится ему перечить. Лучше пусть Элвир сам уходит, кольцо на стол и вперед, чем потом Майрон его по стенке голыми руками размажет.

— Вот уж не надо, — Тъелпе остановил брата властным жестом. — Поверь мне, Звездочка, все видят только то, что хотят видеть, да и слышат то, что хотят слышать, и больше, к сожалению, ничего. Ты никого ни в чем не убедишь.

Гил-Галад отвернулся, делая вид, что рассматривает вышитую самоцветами сову в рамке на стене — это была работа жены Келебримбора.

— Какая же твоя Хейнит рукодельница, не устаю восхищаться...

— Ты мне зубы не заговаривай, я отлично знаю, о чем ты сейчас думаешь, — довольно резко ответил Тъелпе. — Хочешь как лучше. И я хотел. Хотеть не вредно, только тебя

все равно никто не услышит, я тебе еще раз повторяю. Не надо никому ничего говорить, Элвир тот еще придурок, потом еще тебя же и выставит виноватым, и гадость какую-нибудь ляпнет.

Его брат несколько расстроено посмотрел куда-то вдаль.

— Ну ладно... не будем о грустном. Ты когда-нибудь был в Хараде?

24. Опыт

Наутро Андвир, проснувшись в одной постели с Зимрамит, почувствовал даже не стыд, а скорее неловкость — он не знал, как на это отреагируют Морнэмир и все остальные, но те, к его большому удивлению, сделали вид, будто ничего особенного не происходит.

— Да, представляю себе, что будет, если об этом узнает твой отец, — сказал он девушке, но та только посмеялась над его словами.

— Ничего он никому не сделает, ни мне, ни тебе. Чтобы вывести его из себя, нужно что-то гораздо более серьезное, нежели такие мелочи. Можешь быть уверен, скорее всего ему будет просто все равно.

В том, что она говорит правду, Андвир вскоре убедился на деле: примерно через четыре дня в Найр неожиданно пожаловал Саурон, у которого было какое-то сверхважное дело к племяннику. Юноша решил не тянуть время и, собравшись с духом, честно признался Черному Властелину во всем.

— Я не хочу никого позорить, — сказал он, покорно опустив голову в ожидании самого худшего, — поэтому все в вашей воле. Если на то будет ваше позволение...

— Так, милый зять, — с легкой улыбкой ответил майа, — я тебе прямо скажу: я не Тингол, и страдать всякой хренью мне и недосуг, и неохота, это папаша Лютиэн был мудаком — видимо, из-за переизбытка свободного времени дурью маялся, Сильмарилл ему захотелось, как от наглости рожа не треснула. Я бы на месте Берена спросил, ему часом жеваной морковкой в рот не плюнуть? Ты мне, если есть время и возможность, лучше помоги. Хотите пожениться — потом поженитесь, когда я уеду, а то мне не особо-то до вас. Сейчас Морнэмир позовет сюда своих помощников, объясню, в чем дело.

Андвир вздохнул с облегчением — все и в самом деле оказалось совсем не страшно, хотя он в принципе почему-то, как ни странно, даже и не ожидал другого.

— Чем именно вам помочь?

— Я тут решил поставить небольшой опыт, чтобы в обозримом будущем устранить одного нехорошего человека, — пояснил Саурон. — Ничего такого прямо страшного, но не могли бы вы тут совместными усилиями наловить мне мышей побольше, пока я буду подбирать ингредиенты?

— Побольше — в смысле много или просто покрупнее? — уточнил юноша.

— Покрупнее, конечно, толку от мышат будет маловато, они же малюсенькие совсем, так что ловите взрослых мышек, надо их мне... ну, пожалуй, штук двадцать. Потом, если потребуется, еще наловите. Короче, объясню, в чем дело. У тебя братья и сестры есть?

— Была старшая сестра, но умерла в родах, — ответил Андвир.

— Вы с ней хорошо ладили?

— Да, вполне...

— У меня они тоже есть, но одного из своих братьев я не слишком люблю — к сожалению, на то есть веские причины. Так вот, я с некоторых пор надеялся, что больше никогда его не увижу, однако сильно ошибся — совсем недавно он снова объявился в Средиземье. Вот и задумал я если не избавиться от него, так проучить так, чтобы мало ему не показалось. Предупреждаю сразу — не вздумай его жалеть, тот еще гад.

Юноша был заинтригован.

— И что же он натворил, что вы его так ненавидите?!

Саурон, поняв, что нашел в лице своего новоявленного родственника благодарного слушателя и наверняка сочувствующего, долго и пространно расписывал Андвиру подвиги милого братца во времена Войны Могуществ, естественно, не забыв слегка приукрасить подробности и выставить действия Курумо не случайной досадной ошибкой, а злонамеренным вредительством. Тем временем Морнэмир по просьбе дяди позвал к нему Менельдура и Исилендила — тот почему-то захотел побеседовать по душам именно с этими его помощниками.

— Вот что я вам скажу, молодежь, — медленно проговорил Черный Майа, многозначительно смерив их холодным мрачным взглядом. — Я прекрасно знаю, кто вы такие и чьи вы дети, Морнэмиру не стоило даже пытаться мне лгать — обмануть меня попросту невозможно, это я умею отлично обманывать всех, кого пожелаю.

Исилендил отшатнулся и крепко прижал к себе Менельдура — оба ждали самого худшего, ну что ж, если умирать, так вместе. Саурон глумливо рассмеялся.

— Ага, испугались. Какие мы нежные. А теперь слушайте меня внимательно. Наш гребаный дальний родственничек Элронд, который несказанно меня бесит, в очередной раз плетет свои интриги, а вашим отцу с дедом довелось на свою беду стать свидетелями того, как этот свинячий выблядок пытался убить Гил-Галада. Естественно, владыка Имладриса, — с язвительным омерзением добавил он, — не собирается оставлять в живых людей, которые невольно узрели его мерзости. Поэтому слушайте мой приказ. Пока мы не разберемся с этим ушастым скотом, никто из вас не покинет этот город. Без моего позволения отсюда не высовывайтесь, и это касается не только вас, но и моих детей и племянника. Надеюсь, у вас хватит благоразумия тем более ни в коем разе не показываться в Гондоре. Сейчас мне надо переговорить с глазу на глаз с моим племянником, а вы пока добудьте мне мышей. Увидимся завтра после обеда у Морнэмира в лаборатории. Всем все понятно? Тогда до встречи.

Когда он ушел, Менельдур и Исилендил осторожно огляделись, словно опасаясь нападения невидимых врагов или подлого удара в спину.

— Жуть какая, — наконец прошептал Менельдур странным, каким-то упавшим голосом.

Андвир с явным недоумением пожал плечами.

— Я не понимаю, чего вы его так боитесь. По-моему, отец Зимрамит совсем не страшный, мне показалось, что с ним очень интересно.

— И что ты теперь собираешься делать? — буквально в один голос спросили братья.

— Как что? Мышей ловить, как он просил. Где там у нас лежали мышеловки? И принесите сюда из кладовой сыр.

*

Через некоторое время Андвир пошел проверять мышеловку и понял, что его усилия не пропали даром: в ловушку попалась довольно крупная мышь.

— Ого, хороша, — оценил добычу Исилендил. — Давай-ка, вытряхивай ее вот в этот ящик и будем ловить новых.

Две другие ловушки тоже не были пусты, но там доедали остатки сыра не взрослые мыши, а мышата-подростки. Эти в дело не годились, и Андвир выбросил обоих в сад. Продолжив облаву, за сутки он наловил десять больших мышей и поздним вечером следующего дня с чувством глубокого удовлетворения понес их Саурону. Тот ждал его в лаборатории у своего племянника, на столе были разложены какие-то незнакомые юноше растения — видимо, ингредиенты для будущего зелья, которые майа время от времени подбрасывал в висящий над огнем котелок.

— Вот, Властелин, смотрите, — сказал он, приоткрывая ящик, — такие вам подойдут?

Тот широко улыбнулся.

— О да. Прекрасные мышки. Сейчас будем проводить опыт. Он, правда, не очень приятный, даже жестокий, но дело того стоит. Поясню, что я собираюсь сделать: сварить один эликсир, вызывающий стремительное старение живых организмов. Сначала испробуем отраву на мышах, а если подействует, то будем применять по мере необходимости. Надеюсь, что мой милый братец не нарисуетя на горизонте, а если вздумает, так ему же будет хуже.

Андвир поднял на него круглые от изумления глаза.

— В смысле? Как вы собираетесь его этим отравить?! Он же майа и не стареет!

Саурон злорадно ухмыльнулся, его взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Мыши от этого зелья в теории должны откинуться, причем очень быстро. Обычному человеку твоих лет хватит одного дня, чтобы состариться и тоже загнуться. Картина будет еще та — утром он еще молод и полон сил, к обеду — средних лет, а вечером может готовить себе гроб, да только и гроб может не понадобится — все тело в прах рассыплется и истлеет. Что же до моего милого братика... сдохнуть-то он не сдохнет, но выглядеть будет примерно как обычный смертный не просто преклонных лет, а вообще

одной ногой в могиле, и чувствовать себя... соответственно. Седина, морщины, память подводит, все кости и суставы болят... ха, представляю себе это зрелище.

— Ну если этот Курумо такой гад, как вы его описали, так он еще и не то заслужил, — неожиданно поделился своими соображениями Андвир; казалось, он сам удивился тому, что ляпнул, однако Черный Майа при этих его словах удивился не меньше — в кои-то веки раз хоть кто-то его не испугался.

— Он-то заслужил, пусть лучше не попадается мне на дороге, — довольно решительно ответил Саурон, поскольку всю жизнь считал, что ему есть за что ненавидеть брата. — Я рецепт этого эликсира уже давно придумал, все руки не доходили попробовать в деле, а тут как раз, возможно, представится случай!

— Можно спросить?

Черный Майа заинтересованно поднял брови.

— И?

— Вот вы говорите, что давно это придумали, — с недоумением произнес Андвир, — а ведь могли сделать куда проще. Не воевать с тем же Элендиллом, а подлить ему еще в Нуменоре полстаканчика...

— Ну, вот этого не надо, — возразил майа, — родственник у меня, конечно, тот еще и прославился своей тупостью едва ли не на все Средиземье, но я не до такой степени его ненавижу, глупость — это не подлость и за нее не убивают. Меня надо очень сильно достать или разозлить, чтобы я испробовал на ком-то эту отраву, и теперь все зависит от самого Курумо, будет ли он путаться у меня под ногами или благоразумно решит не показываться мне на глаза. Ладно, приступим к делу. Сейчас я отолюю немного отравы в чашку, чтоб остыла, — он потянулся за половником, — а ты давай сюда первую жертву.

Андвир мышей не боялся и спокойно сунул руку в ящик со зверьками.

— Держи мышь правильно, а то за палец укусит, — посоветовал ему Саурон.

— А я умею, я их в детстве в сарае ловил, — в кулаке у его добровольного помощника пицала крупная мышь.

Черный Майа взял маленькую ложечку, зачерпнул немного варева, подул на него, чтоб остыло, влил несколько капель в рот мышке.

— Итак, ждем результата... посади-ка ее сюда, в пустой графин.

Юноша опустил мышку в графин; она буквально пару мгновений побегала по дну сосуда, потом села, ее шерстка стала выглядеть заметно хуже, после этого завалилась на правый бок и умерла, а в итоге ее тело быстро истлело и рассыпалось прахом на глазах у изумленного Андвира.

— Действует, — торжествующе произнес Саурон. — Доставкай вторую.

Вторую мышь постигла печальная участь первой — за считанные мгновения она состарилась, умерла и превратилась в пыль. Майа этот результат, впрочем, оставил не слишком довольным — он понял, что переборщил с некоторыми ингредиентами, и, попросив Андвира перелить первую порцию яда в большую бутылку с пробкой, сварил новую. Эта оказалась куда лучше — подопытные мыши скончались приблизительно за час.

— Вот этот отвар годится, — Саурон был в восторге. — Перелей его тоже в бутылку, только в другую, вон в ту, поменьше, из красного стекла, а всех оставшихся мышей выброси в сад, пусть живут дальше, невезучие послужили науке.

Андвир поспешил выполнить просьбу; как ни странно, во время работы юноша не ощущал совершенно никакого утомления — наверное, в силу того, что был очень увлечен опытом, но теперь внезапно почувствовал, что на него обрушилась жуткая усталость, словно он целые сутки таскал камни из каменоломни. Он сел на табуретку возле стены, думая о том, что у него уже слипаются глаза.

Саурон рассеянно улыбнулся, глядя сквозь идеально чистое стекло — недаром Морнэмир был помешан на чистоте — в усыпанное звездами ночное небо.

— Иди спать. Уже поздно.

— Да, конечно, — растерянно пробормотал юноша и пошел прочь, даже забыв закрыть за собой дверь. Тихо прокравшись к себе, он не стал зажигать огня, а ощупью нашел кровать и лег рядом с Зимрамит. По всей видимости, было уже далеко за полночь, потому что она уже давно крепко спала и даже не пошевелилась, когда он осторожно натянул на себя одеяло.

*

Двое младших братьев Элендура, Аратан и Кирьон, старались в это тяжелое время держаться по возможности на достаточном расстоянии от всего происходящего; они понимали, что творится, и им обоим отнюдь не хотелось попасть своему полубезумному отцу под горячую руку. Тиндомиэль, жена их покойного дяди, в последнее время была слишком поглощена собственным горем, поэтому на понимание с ее стороны им рассчитывать не приходилось, тревожить попусту старшего брата, который и так принял на себя весь ужас каждодневного общения с не совсем вменяемым родителем, им не хотелось, поэтому Кирьон замкнулся в себе и мог порой молчать целыми днями, а Аратан искал отдушину в своем любимом занятии — музыке, чем навлек на себя гнев вечно расстроенной и злой тетки. Как-то раз Тиндомиэль, застав племянника за игрой в одном из дворцовых залов, не сдержалась и высказала ему все, что о нем думает.

— Опять веселишься, да? Мой муж и твой дядя тоже любил музыку, да только его больше нет в живых! Я бы на твоём месте после этого вообще постеснялась бы брать в руки инструменты из уважения к его памяти! Бессовестный!

— Вообще-то я еще не мертв, и я не обязан отказываться от того, что я люблю, только потому, что мой родич, который тоже это любил, погиб в Мордоре! — довольно резко парировал юноша. — Если так рассуждать, то все менестрели Арды должны забыть о музыке и песнях, потому что кто-то из них взял да умер, а из уважения к его памяти все обязаны соблюдать пожизненный траур!

Лицо Тиндомиэль исказилось яростью — Аратану показалось, что она однозначно влепила бы ему пощечину, если бы не опасалась пересудов придворных, но он попросту не понимал, в чем провинился. Да, ей тяжело, она потеряла любимого мужа, но что теперь — всем остальным не жить? На месте дяди Анариона с тем же успехом мог оказаться он сам, смерть в бою не выбирает, но ему вряд ли бы понравилось, если бы все непонятно почему стали после его гибели отказываться от обычных повседневных радостей.

— Тогда проваливай со своей лютней туда, где я тебя не увижу и не услышу!
— буквально выкрикнула она в лицо племяннику. — У меня от твоей музыки голова болит, я спать не могу!

— А кто вам мешает спать ночью, а не днем? — фыркнул юноша. — Ложитесь вовремя, а не на рассвете, и голова болеть не будет!

— Ты еще дерзишь?! — возмущенно воскликнула она, руки ее сжались в кулаки, и она хотела было сказать племяннику еще что-нибудь резкое, но внезапно передумала, развернулась и пошла прочь.

Как-то раз рано утром Аратан увидел из окна дворца, как его отец со старшим братом куда-то уезжают, взяв с собой небольшой отряд; он ничего не понял, потому что ему они ни о чем не сообщили, Кирьон тоже оказался не в курсе дела, и им оставалось только ждать их возвращения. Примерно через неделю король и его старший сын благополучно вернулись в Гондор; выяснилось, что Исилдур ездил выяснять отношения с Эррахом — предводителем тех людей, что обещали прийти на помощь дунэдайн в недавней войне с Сауроном, но не сдержали клятву.

— Что случилось? — Аратан, увидев своего старшего брата с круглыми от страха глазами, ничего не понимал. — На тебе лица нет.

Элендур ответил не сразу; казалось, ему просто не хватает сил объяснить, что именно произошло.

— Такое случилось, что тебе и представить сложно, проговорил он. — Отец и так не в себе, а на днях вообще был ужас. Он во всеуслышанье проклял Эрраха.

Его брат едва не выронил лютню.

— В смысле?

— Да в прямом. Слово за слово, они поругались. Потом отец обвинил его в предательстве. Эррах начал объяснять, почему решился на такое... он говорил, что

опасался мести Саурана и его прислужников, потому что не то морэдайн, не то вастаки подсылали к нему каких-то странных людей и неоднократно красноречиво намекали на то, что ему не поздоровится, если он приведет свои войска на помощь дунэдайн. Отец, естественно, даже не стал его слушать — снова назвал предателем. Эррах сказал, что он безумен и он не желает больше с ним разговаривать, но тогда случилось самое страшное. Отец стал призывать на голову вероломного лгуна все мыслимые и немыслимые проклятия, а ладонь при этом держал на том медальоне, что всегда носит на груди. И вот потом... я не понимаю, почему, но мне так дурно стало, что даже в глазах потемнело, и всем нашим воинам, кто был рядом, тоже. Эррах так вообще без чувств на пол свалился. Не знаю, я не могу это объяснить.

Аратан, выслушав брата, сам некоторое тоже не мог подобрать слов, чтобы выразить свое отношение к произошедшему.

— Ну и ну... Эррах, конечно, тоже хорош... он и в самом деле не сдержал слово, пусть со своей стороны, возможно, и считает себя правым, но отец не должен был так поступать.

— А что бы сделал ты сам на его месте? — неожиданно перебил его Элендур.

Тот пожал плечами.

— Да ничего. Просто сделал бы вид, что этого человека для меня не существует. Не только отношения с ним выяснять бы не стал и к нему бы не поехал, но и при случайной встрече бы не поздоровался и руки бы ему не подал. Я, конечно, понимаю, что у него были, как ты говоришь, свои причины, но вероломство остается вероломством, а клятвопреступник клятвопреступником. Однако вот что меня настораживает... отец просто произнес какие-то слова, но почему всем вам стало так плохо? Что у него в этом медальоне?

Элендур растерялся — он был посвящен в тайну своего отца, но не знал, вправе ли раскрывать ее младшему брату.

— Я даже не знаю... — с недоумением проговорил он. — Он всегда носит его при себе, но ничего никому не говорит. И ты не спрашивай.

— Не буду, я же не дурак, — заверил его Аратан. — Только мне это с каждым днем все больше не нравится. Знаешь, какие слухи по Гондору ходят?

— Какие же?! — не то растерянно, не то взволнованно спросил Элендур.

Аратан посмотрел в окно на затянутое тучами небо, печально вздохнул.

— Говорят, будто Враг околдовал нашего отца на Огненной Горе.

25. Начало года

Утром следующего дня Гил-Галад решил пойти к Тхэссу и спросить его о том, как там Амарт — ему самому еще до сих пор не верилось в то, что он буквально в последнее мгновение спас беднягу от верной смерти. Средний сын Майрона весело улыбнулся.

— С ним все будет в порядке, его жизнь сейчас точно вне опасности. Если хочешь, можешь с ним поговорить, чувствует он себя относительно неплохо, в полном сознании, жара уже нет, хотя вставать он не сможет, пока раны окончательно не затянутся. Придурки у меня родственники, совсем мозгов нет...

— Мозги там есть, да только не на месте они, — сухо ответил нолдо. — Ты своего дядю тоже пожалей, он сам не понимает, что делает, совсем же несчастный не в разуме.

В следующее мгновение ему показалось, что взгляд Тхэсса полон душераздирающей тоски.

— Ты думаешь, мне его не жаль? А Элендура, брата моего, еще жальче — каково ему в одном доме с безумцем. У меня родители, конечно, тоже не всегда со всеми добры, да ты и сам это знаешь, но мой отец хотя бы в своем уме. Мы ведь с Элендуром в детстве играли вместе, даже могли бы стать друзьями, да только потом все очень нехорошо вышло.

Эльф кивнул и пошел вслед за Тхэссом в просторную палату госпиталя — сейчас, к счастью, почти пустую.

— Ну как ты? — сочувственно спросил Гил-Галад, глядя на укрытого теплым, несмотря на хорошую погоду, одеялом настрадавшегося юношу; обе руки у несчастного были в бинтах. — Тхэсс говорит, тебе уже намного лучше, скоро совсем поправишься.

Амарт посмотрел на него со смесью непонимания и недоумения.

— Мне сказали, кто вы. Я бы даже и не подумал, у вас сейчас совсем короткие волосы, вы даже на эльфа не похожи... Спасибо вам..., но почему тогда вы меня спасли?

Гил-Галад удивленно улыбнулся.

— А почему ты считаешь, что я должен был поступить иначе?

Юноша слабо улыбнулся.

— Вы же наследник рода Финвэ.

Эльф придвинул к себе стоявший чуть поодаль стул, сел рядом с постелью Амарта.

— Это не обязывает меня поступать так, как мои родичи — что там они себе надумали, это уже их решение. Каждый отвечает только за свои дела и за свой выбор. Я сделал свой и для себя решил, что никогда не стану таким, как мой дед.

Юноша неловко попытался пошевелиться — очень осторожно, чтобы случайно не потревожить еще не зажившие раны.

— Спасибо вам... — робко ответил он.

Гил-Галад погладил его по голове.

— Очень больно?

— Уже терпимо. Руки вот только пока... сами видите, но меня Кириандил с ложечки кормит, — по тому, как дрожал его голос, эльф понял, что бедняга еще не скоро оправится после пережитого кошмара, но, собравшись с духом, решил объяснить ему еще кое-что.

— Знаешь, я понимаю, что тебе очень тяжело это слышать, но мне, несмотря ни на что, все равно очень жаль Исилдура. Если бы такое сделал с тобой кто-то другой, я бы, уж буду честен, там бы на месте его ятаганом и зарубил, но он, во-первых, мой близкий родич, во-вторых, он не виноват в своем безумии. Такого, как Манвэ, я бы точно не пощадил, или даже своего дядюшку Тургона, пусть он тоже мне и не чужой — дело в том, что оба были в здравом уме и трезвой памяти, когда творили невесть что, один ублюдок беременную женщину не пожалел, на казнь отправил, другой убил мужа своей родной сестры, хотя она умоляла его этого не делать. Мне тут Маэглин про него такого понарасказывал — я потом, как себе представил, два дня спать не мог, а уж каково моему несчастному брату пришлось, я даже думать не хочу.

Амарт судорожно сглотнул.

— Не говорите так. Вы вообще не обязаны были меня защищать и тем более из-за меня кого-то убивать. Это же и в самом деле ваш родич, вы с ним вместе сражались, он наверняка вам в бою не раз жизнь спасал. Только я не понимаю... — он осекся на полуслове, решив, что если выскажет свою мысль полностью, Гил-Галад сочтет его слова оскорбительными.

— Чего? — удивился эльф.

— Да так... простите, я хотел сказать глупость. Не буду.

— Какую? — нолдо не знал, как утешить этого еще почти подростка, и сам боялся сказать что-то не то. — Говори уж, я не обижусь.

Амарт какое-то время не решался продолжить, словно думая, не разозлит ли своего спасителя такими словами, потом все же ответил.

— Я раньше ни разу не разговаривал ни с одним эльфом, только видел их издали, когда их посольства приезжали к нам в Гондор, — попытался объяснить он, — и я судил о них только по тем сказаниям, что мне доводилось слышать или читать. Я думал, что они очень высокомерные и гордые, а еще мне казалось, что они презирают даже нуменорцев.

Вы же совсем другой, я вас не таким себе представлял... вы сейчас со мной разговариваете и еще сказали, что Исилдур вам родич, мне кажется, что ваш дед точно не позволил бы себе такого.

Гил-Галад зло скрипнул зубами.

— Сказал бы я тебе, что я о своем дедушке думаю, да только я пока, в отличие от Маэглина с Тъелпе, все никак не могу научиться ругаться.

*

Несмотря на все запреты и приказы Саурона, случившееся с Аллуа не давало Денне покоя — все-таки она была его родственницей, а для тех, у кого есть близкие, нет ничего хуже неизвестности. С одной стороны, он не собирался нарушать повеление Саурианны — для него это было так же невозможно, как, например, солнцу вставать на севере, с другой — он все же хотел знать, все ли с ней благополучно, и решил на всякий случай посоветоваться с другим своим родичем — нынешним королем Ханатты Сайирхаттой, который, несмотря на свой юный возраст, был достаточно разумен и умел принимать верные решения.

— Я думаю, тебе следует поступить вот как, — Сайирхатта внимательно выслушал Денну и дал ему совет. — Тебе нужно найти способ встретиться и перекинуться хоть парой слов с самой Аллуа. Или письмо ей передать и ответа дожидаться. Если она сама тебе скажет, что у нее все благополучно — так и ты не волнуйся, а вот если помощи попросит — тут дело другое, тогда и думай, что дальше делать. Ты прекрасно ее знаешь, она умеет за себя постоять, поэтому пока говорит, что все в порядке — значит, все в порядке.

Денна решил, что его родич рассуждает здраво: в конце концов, если он просто попытается и в самом деле просто передать Аллуа весточку или даже тайком с ней повидаться, это не будет нарушением приказа — он же не поднимет оружия против короля дунэдайн, а разговаривать с Аллуа Саурианна как-никак никому не запрещал, более того, его родственница и в самом деле вряд ли бы дала себя в обиду, однако на всякий случай решил убедиться, что с ней точно все хорошо.

*

Холодным мартовским вечером Аллуа, дождавшись темноты, выбралась на один из балконов самого верхнего этажа. Она стояла у кованых перил, с наслаждением вдыхая прохладный воздух, и старалась отбросить от себя все мысли о том, что делать дальше; да, натворили они, конечно, дел — и ведь можно было бы все скрыть, в конце концов, ни у кого на лбу не написано, что он провел с кем-то там жаркую ночь, но надо же было Исилдuru так в нее вцепиться и твердить ей целыми днями, что лучше нее нет никого во всем Средиземье!

Вдруг ей показалось, что кто-то зовет ее по имени; она удивленно обернулась и увидела своего родича, который стоял чуть поодаль, укрывшись за выступом стены.

— Ты меня почти напугал, — тихо сказала она. — Не бойся, мы здесь одни.

Она раскинула руки, и харадский принц бросился к ней в объятия, чувствуя, что у него с души свалился даже не камень, а целая гора.

— Денна, — она широко, радостно улыбнулась. — Я по тебе соскучилась.

— А я по тебе, — Третий уже успел понять, что зря волновался. — У тебя все хорошо?

— Все прекрасно. У тебя, надеюсь, тоже.

— Конечно. Я просто все это время очень сильно по тебе тосковал и хотел тебя увидеть... — Денна крепко прижал ее к себе; на улице было уже очень темно.

Алла осторожно огляделась по сторонам.

— Только тебе вообще-то не стоило сюда приходить... и не нужно здесь находиться.

— Не переживай, меня-то точно вряд ли кто заметит, — успокоил ее Денна. — Я тоже умею прятаться не хуже тебя. Для меня главное, что ты жива и здорова. Вот только я совсем не понимаю, почему ты не поехала назад с Айор, когда посол Сайирхатты договорился о ее возвращении на родину. Может, ты вернешься домой вместе со мной?

Она слегка отстранилась.

— Денна, я понимаю, что ты за меня волнуешься, но есть кое-что очень важное, из-за чего я пока что домой не поеду. Дождись осени. Думаю, что к сентябрю или октябрю я точно вернусь в Ханатту, и тогда мы обо всем спокойно поговорим.

Третий затаил дыхание.

— Что происходит? Объясни, пожалуйста.

Алла сделала попытку уйти, даже не прощаясь, но Денна схватил ее за руку. Он не понаслышке знал о том, что она очень своенравна, но просто так уступить не мог — все же она ему не чужая, и ему было не по себе из-за того, что она находится среди врагов.

— Говори, — более настойчиво потребовал он.

— Я сказала — не буду. Долго объяснять. Потом все расскажу, когда домой вернусь, или я непонятно выразилась? — она мысленно порадовалась тому, что на дворе пока что только март и никто еще не замечает, что необдуманный поступок не остался без последствий. — Сядем и поговорим с тобой спокойно, все и узнаешь, да и сам поймешь.

Третьему, зная ее характер, оставалось лишь смириться — она умела настоять на своем, да так, что никто не мог ее переспорить.

— Хорошо. Только ты себя береги. Как они с тобой обращаются?

Аллау чуть слышно рассмеялась.

— Как с королевой. Попробовали бы иначе! Спасибо тебе, конечно, за заботу, но я вполне могу о себе позаботиться, — заверила она своего родича.

Денна вздохнул.

— Как тебе объяснить-то, — ответил он. — Я очень за тебя испугался после истории с тем юным придурком — обожателем Мелькора. Он-то, понятное дело, просто дурень, но если бы не Гил-Галад, он уже давно превратился бы в угольки и пепел. А если бы они прознали, кто ты такая, и с тобой бы то же самое сделали? Я знаю, что ты умеешь выкручиваться из всевозможных неприятностей, но попробуй это сделать, когда тебя уже волокут в цепях на эшафот, и тебе до верной смерти два шага!

Она снова усмехнулась — харадскому принцу было странно видеть свою родственницу такой веселой в столь неуместной ситуации, окажись он сам в плену у врагов, еще неизвестно, как бы себя повел, может, и постарался бы держать себя в руках, но уж точно не стал бы улыбаться.

— Ну так не поволокли же, — сказала она. — Мы вон в свое время с Оннэле от ищеек Манвэ благополучно удрали, и никто нас не нашел, — плечи эльфийки вздрогнули от с трудом сдерживаемого смеха.

Денна снова прижал ее к себе и завернул в свой плащ — ему казалось, что ей холодно.

— Пожалуйста, возвращайся скорее, — почти взмолился он. — Мне беспокойно, пока ты здесь. Ты такая радостная... мне даже странно, я ничего не понимаю. Я очень боюсь за тебя.

Аллау высвободилась из его объятий и на прощание взяла его за руки.

— А ты не бойся, со мной ничего не случится. Ну ладно, мне пора. Передавай привет Айор и Сайирхатте, скажи им, что со мной все хорошо.

*

Через некоторое время с востока вернулся Саурон — Гил-Галад, как ни странно, ждал его приезда с нетерпением, поскольку в обозримом будущем им предстояло разбираться с мерзопакостными выходками Элронда, а речь как-никак шла о жизни его близких родичей, которых этот властолюбивый выродок намеревался прикончить, чтобы правда о его злодеяниях не вылезла наружу.

— Ну как ты? — поинтересовался эльф. — С делами разобрался? Как себя чувствуешь вообще? Мне до сих пор кажется, что зря ты так рано с постели поднялся.

— За меня не беспокойся, я сам целитель и отлично знаю, что и когда кому можно. Дела, если не считать истории с нашим общим приятелем Элрондом, просто прекрасно, — с

улыбкой ответил Саурон. — Повидался со старшими детьми, вот и Зимрамит моя, будем надеяться, нашла свое счастье — замуж собирается.

— А за кого она выходит? — спросил присутствовавший при их разговоре Элендил, в памяти которого была еще жива веселая история с женитьбой Мортаура, и это он еще не знал о Тхэссе.

— Честно говоря, я особо не вникал, какой-то парнишка из ваших, Андвиром зовут, они в Найре познакомились. Пообщался с ним немного — вроде вполне приличный, на Элронда точно не похож, это Келеборну несчастному от такого зятка теперь вовек не отделаться, — съехидничал Саурон. — В общем, все благополучно, если не считать того, что в скором времени нам придется снова встретиться с ушастым гадом, да и мой любимый младший братик непонятно зачем тут объявился. Ну ладно, пусть только покажется мне на глаза — будет ему по заслугам.

Во взгляде Элендила читалась явная смесь недоумения и ужаса.

— Как?! Ты что, позволил своей родной дочери выйти замуж непонятно за кого и даже толком не поинтересовался, кто просит у тебя ее руки?

— Ну ты опять за старое, — покосился на него Келебримбор. — А ты вообще помнишь, сколько всем твоим родственникам лет? Из них несовершеннолетний пока что только Валандил, да и то не в той степени, чтобы не быть в состоянии отвечать за себя, в пленки-то, поди, парня уже не заворачивают! У меня вон, пока брат мой у Второго гостил, близняшки родились, да только я за ними смотреть буду, пока они малы, а не когда им уже своих детей иметь можно! Девка-то взрослая, что ей — разве замуж нельзя? Добро б сама не хотела, а так — не понравится, разойдутся, не велика беда!

— И ты об этом так спокойно говоришь? — попытался возразить нуменорец, тщательно подбирая слова — если бы перед ним стоял не Тъелпе, он бы, возможно, был куда более резок в выражениях, но брат Гил-Галада мог ему и ответить, да так, что мало не покажется.

Келебримбор только пожал плечами.

— А чего от этого случится-то? Кто-нибудь умрет страшной безвременной смертью? Нет? А тогда что? — усмехнулся он, глядя на ошарашенного Элендила. — Ты лучше о себе подумай и о сыне своем несчастном, которого ты, между прочим, когда было нужно, не выслушал и не поддержал, а потом еще и оставил ублюдку Элронду на растерзание. Не надо думать о тех, кто вполне в состоянии о себе позаботиться и кому ничего не угрожает. Кстати, тебе, я так смотрю, заметно полегчало, кошмары больше не мучают?

Тот смутился и отвернулся — ему и в самом деле было значительно лучше по сравнению с тем, что с ним творилось в Арноре, но Келебримбор как-никак снова в своей обычной манере не просто наступил другому на больное место, а злонамеренно на него надавил.

— Вроде бы нет...

— Вот и отлично. Советую тебе, кстати, вообще место жительства навсегда сменить, чтобы впоследствии ничто не напоминало — от любых водоемов подальше, городской водопровод, естественно, не считается.

*

После отъезда Айор Валандур впервые за долгое время поймал себя на мысли о том, что во всей его жизни, которая казалась ему беспросветным мраком, было хоть какое-то светлое пятно. Ему очень хотелось поделиться хоть с кем-нибудь своими мыслями по этому поводу, но пока что поговорить ему было совершенно не с кем: Исилдур был слишком погружен в собственные кошмары, а Элендур теперь смотрел на несостоявшегося палача с плохо скрываемым презрением — да Валандур и не был уверен в том, что тот бы не осудил его даже при куда более благоприятном раскладе дел, ведь старший сын его друга всегда напоминал ему своим нравом скорее покойного Элендила, который свято чтит всевозможные законы и традиции и скорее согласился бы отрезать себе руку, нежели нарушить хоть одно из этих писанных и неписанных правил. Поэтому ему оставалось лишь вспоминать случившееся со смутной тоской, причем это странное чувство ему скорее нравилось, чем не нравилось, и, как ни удивительно, благодарностью судьбе за то, что такое с ним произошло. Элендил, конечно, узнай он о том, что было между Валандуром и Айор, наверняка не пожалел бы соответствующих выражений для бесстыжего развратника — он никогда не сквернословил, однако мог и вполне приличными словами указать другому на его место, моральный облик и то, чего он на самом деле стоит, но сейчас гондорский военачальник думал об этом скорее с усмешкой. Вот ведь как оно вышло — никто и предположить не мог, что наивысшее счастье ему даст именно то, что все считали запретным...

В конце зимы Исилдур снова вернулся к разговору о предстоящей поездке в Арнор. Валандуру совсем не хотелось туда тащиться, но приказ есть приказ, и ему предстояло в очередной раз ему подчиниться, хотел он того или не хотел.

— Мне кажется, что для отъезда скорее подошел бы конец августа или начало сентября, — верховный король дунэдайн поделился с ним своими соображениями. — Как раз время еще теплое, сильных дождей и распутицы в это время ждать обычно не приходится, и мы успеем добраться до Имладриса и Арнора как раз до наступления холодов и непогоды.

Валандур покорно кивнул, мысленно пытаюсь смириться с неизбежным.

— Да, все верно. Мы отправимся в путь, когда прикажете.

26. Дезертир

Время шло, почти незаметно пролетел март, за ним апрель, и в какой-то момент Аллуа, несмотря на свои попытки сохранить все хотя бы относительно в тайне, уже не смогла скрывать свое интересное положение. Исилдур, поняв, что происходит, не сказал ей ни единого слова, словно просто не знал, как ему быть, она же изо всех сил старалась не попадаться на глаза никому из его детей и приближенных, поскольку отлично осознавала, что они вряд ли будут рады подобному. Как-то раз ей все-таки не повезло, пусть она большую часть времени и не выходила из своих покоев, наткнуться на второго сына Исилдура — Аратана; он остановился и стал рассматривать ее бесцеремонно и пронизательно.

— Я много слышал о чародействе Саурона, — сказал он, — но не думал, что дойдет до такого.

Аллуа непонимающе пожала плечами.

— И при чем тут, собственно говоря, Саурон? — усмехнулась она. — Уж извини, я никак не хотела стать черной полосой в вашей правильной жизни. Ты все-таки уже взрослый, сам должен понимать, в чем дело и что творится с твоим отцом.

Аратану в этот миг изменили его обычные сдержанность и миролюбие.

— Убирайся вон из нашего дома, — в иных обстоятельствах он бы наверняка выкрикнул эту фразу во всеуслышанье, но сейчас опасался, что в очередной раз нарушит покой Тиндомиэль, которая в последнее время не скрывала своей неприязни к племянникам, или навлечет на свою голову гнев отца. — Чтоб я тебя после нашего возвращения из Арнора здесь уже не видел, ни тебя, ни тем более твоего выродка!

К его удивлению, Аллуа не испугалась, не отшатнулась, не сдвинулась с места — она смотрела на него с ледяным спокойствием, словно они беседовали о чем-то совершенно обыденном.

— Можешь не беспокоиться, — ответила она, как ему показалось, почти равнодушно. — Я тебе обещаю, что больше ты меня не увидишь, да и никогда впредь обо мне не услышишь. Если бы не твой отец, уж поверь, меня бы здесь давно не было, и никто о том, что между нами произошло, в жизни бы ничего не узнал. Молчать я отлично умею.

Аратан внезапно почувствовал жгучий стыд и угрызения совести от того, что только что наговорил этой женщине — как-никак его воспитывали в строгости, внушая, что он должен быть всегда со всеми вежлив и учтив, вне зависимости от ситуации, но тотчас постарался мысленно себя успокоить: в конце концов, она не просто его недруг и наверняка причастна к колдовству Врага, о котором в Гондоре ходят жуткие слухи, но и переступила через все возможные запреты, а поэтому он сделал все правильно.

— Уж надеюсь, — прошипел он сквозь зубы.

Аллуа стало его жалко — в конце концов, парнишка не виноват в том, что его отец не

совсем в себе, можно только догадываться, чего он натерпелся за всю свою жизнь от непредсказуемого безумца, да и Элендил, если судить по тому, что изредка говорил о нем Исилдур, порой вел себя не лучше.

— Я тебя отлично понимаю, — сказала она, глядя на гондорского принца, который выглядел растерянным, обиженным и потрясенным, хотя, по идее, такие чувства в этот миг больше пристали бы ей самой. — Ты хочешь, чтобы я ушла и никогда больше не появлялась в вашей жизни. Еще раз могу уверить тебя в том, что именно так я и поступлю. Удачи тебе и всем твоим близким, уж поверь, я никому из вас зла не причинила и делать этого не собиралась.

Она повернулась и пошла прочь; буквально через десять шагов ее остановил старший сын Исилдура, который, казалось, был потрясен тем, что ему пришлось только что услышать из уст собственного брата.

— Не переживай и не вини себя, я слышал, что он тебе сказал, — было похоже на то, что Элендур решил ее пожалеть. — Ари от меня получит. Хорошо, что отец ничего не знает, ты уж ему, пожалуйста, не говори... — он осекся на полуслове.

— Не скажу, я твоему брату зла не желаю, — пообещала она. — И ты его не трогай. Если бы он знал о вашем отце все то, что тот мне рассказывал... в общем, тебе лучше этого тоже не знать.

Элендур указал на ее живот.

— Как ты теперь будешь с этим жить? — на лице старшего брата Аратана был написан совершенно непередаваемый ужас.

Аллау посмотрела на него и спокойно улыбнулась.

— Я справлюсь.

*

День отъезда неотвратимо приближался, и чем меньше дней оставалось до наступления сентября, тем чаще Валандур ловил себя на мысли о том, как ему не хочется отправляться в Арнор. Там его никто не ждал, да и вообще это место ему изначально не слишком нравилось. Помимо нежелания куда-либо ехать, он, как ни странно, также чувствовал сильную тоску по Айор. Разумом он понимал, что они, скорее всего, больше никогда не увидятся и ему надо поскорее выкинуть ее из головы, побольше думая о том, какая помощь с его стороны может потребоваться Исилдурю в Арноре, но душа отчаянно противилась этому. Долгими одинокими вечерами он постоянно вспоминал девушку, стараясь воссоздать в памяти буквально все, что было с ней связано, черты ее лица, движения, улыбку, и мечтал о том, как бы снова с ней встретиться. Может быть, когда-нибудь, уже по возвращении в Гондор у него появится возможность съездить на юг и там невзначай увидеть ее хоть краем глаза? Интересно, а как она сейчас, как ее встретила ее семья, что ей сказали, стали ли расспрашивать о том, не покушался ли кто из нуменорцев на ее честь? Он-то, конечно, тоже хорош — надо было в руках себя

держат, а не удовлетворять свои грязные потребности со случайной девушкой, которая, вздумай он применить силу, даже не смогла бы воспротивиться.

Вечером четвертого сентября он, как обычно, сидел дома, с грустью глядя на неровное пламя свечи, и размышлял обо всей своей неудавшейся жизни — будь сейчас здесь его родители, они наверняка бы сказали ему, что на все воля Эру, а пытаться думать об ином — едва ли не кощунство, потому что любой, кто недоволен своим положением, делами и так далее, идет против существующего миропорядка и, получается, выказывает пренебрежение тому, что установлено Единым. Вся эта неделя прошла в горестном ожидании — будь на то его воля, он отправился бы не в Арнор, а совсем в иное место, но сказать Исилдуру о том, что никуда с ним не пойдет, он был попросту не вправе!

Зная о том, что утром ему предстоит покинуть Гондор вместе с королем и его сыновьями, а впереди долгий и тяжелый путь, он лег в постель едва ли не на закате; забывшись тяжелым сном, он проспал всего пару часов, а проснулся со внезапной мыслью об Айор. Ведь всего несколько месяцев назад — хотя чего уж там, скоро год будет, как она домой уехала! — он обнимал ее здесь, в этой комнате, на этой кровати...

В это мгновение он внезапно поймал себя на мысли, которая еще лет пять назад показалась бы ему за пределами кощунственной: хватит. С него хватит. Всю свою жизнь он делал только то, что положено, причем даже не задумываясь о том, правильно ли это делать и зачем ему это нужно; в конце концов, а кто установил эти правила и почему он не спросил других людей, эльфов или кого еще, хотят ли они так жить? Он взял в жены женщину, которую выбрали для него родители — конечно, он был ей хорошим мужем, заботился о ней, можно сказать, даже по-своему любил, но хотел ли он этого и был ли смысл создавать семью в страшные годы заката Нуменора, когда никто — ни мужчина, ни женщина, ни даже грудной младенец — не мог чувствовать себя в безопасности? Однако так было надо, так положено — и все, единственным, кто попытался хоть как-то воспротивиться изначально заведенным порядкам, был его лучший друг Исилдур, да и тому отец в итоге все равно велел жениться по сути на первой встречной. Так почему бы ему, Валандуру, взять и в самом деле не поступить по-своему? С детства ему внушали, будто люди свободны, хотя на деле он постоянно наблюдал совсем иное, а свобода — вот она, стоит лишь руку протянуть да за порог выйти! Он не будет дожидаться возвращения из Арнора, которое еще непонятно когда случится, не будет оглядываться ни на какие правила, законы и обычаи, а просто отправится на юг, там найдет свою Айор и попытается с ней поговорить — конечно, может случиться и так, что она не захочет его видеть, вообще забыла его лицо или жестоко поплатилась за свою внезапную страсть к едва знакомому человеку, но кто знает? Если он не предпримет попытку с ней встретиться, то так ничего и не узнает, и не поймет, а второй такой возможности у него может и не быть! К балрогам этот Арнор, который ему триста лет не снился, с его постоянными дождями и холодными ветрами, он сегодня же отправится в Харад, где всегда тепло и не бывает снега, а там будь что будет, ему все равно нечего терять!

Валандур отлично понимал, что, сделав такой более чем странный выбор, поступает крайне непорядочно по отношению к Исилдуру и содеянное им нельзя будет назвать как-нибудь иначе, кроме как предательством и дезертирством, более того, его лучший друг, если тайное вдруг станет явным и его поймут с поличным, окажется вправе приговорить его к смертной казни и в полном соответствии с законом отправить на

эшафот, однако передумать был уже не в силах — слишком сильно было его желание перечеркнуть все то, что было в его жизни до этого.

Ему не доставало в буквальном смысле последнего шага. Сделав глубокий вдох и наконец-то решившись, он шагнул за порог и запер дверь на ключ. Он не знал, какие опасности могут ему встретиться по дороге и доберется ли он вообще до Харада живым, не говоря уже о том, как к его появлению отнесутся родичи Айор — хорошо, если не убьют на месте, он это заслужил! — но оставаться в Гондоре был больше не в силах. Оставив ключ в замочной скважине — кому охота, пусть откроет дверь, войдет и поселится в его доме, ему-то теперь что! — он свернул в переулок и даже не оглянулся назад, навсегда прощаясь с прошлым и со своей прежней жизнью.

Выйдя на широкую улицу, когда едва-едва начало светать, он сразу же увидел старую облезлую повозку, в которой сзади огромной грудой лежали большие мешки, а впереди, под грубо сколоченным навесом для защиты от жары, холода и дождя, сидел какой-то неумытый и нечесаный мальчишка лет двенадцати; запряженными в нее тощими низенькими лошадками правил средних лет человек явно не нуменорского происхождения, хотя и не из харадрим. Валандур подумал, что этот мужчина наверняка может быть крестьянином или мелким торговцем — такие часто ездили к пограничным поселениям продавать южанам плоды своего труда, которые не встречались в более жарких землях; если это так, ему не придется идти пешком или тем более придумывать для стражи у городских ворот правдоподобную байку о том, куда это он вдруг собрался ни свет ни заря, хотя он как военачальник Гондора вообще-то не обязан перед ними отчитываться.

Он решительно поднял руку; владелец повозки, увидев знатного господина, сразу же придержал лошадей и остановился.

— Эй, добрые люди, куда с утра пораньше путь держите? — окликнул его Валандур.
— Часом не к харадской границе?

Мальчишка, судя по всему, сын крестьянина, испуганно таращился на высокого воина с мечом и в кольчуге; его отец молча кивнул.

— А раз так, не подвезете ли меня? — попросил нуменорец. — Естественно, не бесплатно. Мне очень нужно в те земли, и если вы мне не откажете, я хорошо заплачу.

— Конечно, господин, — согласился крестьянин. — Садитесь в повозку.

— Спасибо. Я в долгу не останусь.

Валандур сел рядом с мальчишкой, закутавшись в плащ и натянув на голову капюшон; ему вовсе не хотелось быть узанным товарищами, потому что последствия могли быть самыми непредсказуемыми, если не сказать — жуткими, если принять во внимание странности Исилдура. Сонные стражники у городских ворот, к счастью, не стали выяснять, какие там люди сидят у этого человека в повозке — ну, едет себе торговать с южанами, так и пусть себе едет, и они благополучно миновали опасное место.

Когда они наконец покинули город и отъехали от него на приличное расстояние, Валандур немного расслабился и попытался завести разговор с хозяином повозки.

— Ну как, — спросил он, — хорош ли в этом году урожай?

Тот широко улыбнулся, видимо, поняв, что знатный господин настроен по отношению к нему вполне доброжелательно.

— Да уж не жалуемся, хорош, вон сколько всего собрали, — он кивком указал на лежащие сзади мешки. — Везу все на продажу, сынок вон мой мне помогает, жаль, что только один он у меня — родила моя жена его да через два дня и умерла.

Сердце Валандура при взгляде на этого неумытого мальчишку болезненно сжалось — видно, что тот еще озорник, просто сейчас стесняется и побаивается чужого человека, а так наверняка бы щебетал, как птичка. Ведь и у него мог бы быть сын, такой же, как этот ребенок...

— Мне очень жаль, — сдержанно ответил он. — Моя жена тоже умерла, увы, детей мне не оставила. Вы, как я понимаю, торговать едете?

— Да, сейчас вот часть урожая продадим, себе всякого по надобности купим, осенью до холодов в доме все починим да и зиму переживем. А вы, господин, куда путь держите?

— Родич у меня один близ границы живет, — тотчас придумал правдоподобное объяснение Валандур, решив не вдаваться в подробности. — Навестить его мне очень надо.

Крестьянин удовлетворенно улыбнулся, предвкушая прибавку к выручке. Повезло ему сегодня — не каждый день можно заработать лишнюю монету, и даже если этот знатный господин заплатит не слишком много, все равно эти деньги не будут лишними.

— Путь не займет много времени, — пообещал он, — пусть лошади у меня и не ахти какие, да и повозка, к сожалению, старая.

— Я не жалею, — нуменорец изобразил ответную беззаботную улыбку, словно и в самом деле едет погостить к родственнику. — Мне главное — до места добраться, а там я с вами рассчитаюсь, и вам, надеюсь, даже на новую повозку хватит.

Крестьянин ахнул.

— Господин, вы шутите?

— Нисколько, — пожал плечами Валандур. — Вы довезете меня до нужного места, получите свое золото и можете быть довольны.

Владелец повозки несколько напрягся — ему показалось, что его знатный попутчик явно скрывает что-то нехорошее, но это, в конце концов, не должно его волновать: этот человек щедро платит, может, конечно, он, кого-нибудь и убил, а теперь решил скрыться

в Хараде от правосудия, но какое ему до этого дело? И он сам, и его сын хотят кушать, а сами ничего дурного не делали, так что не все ли равно?

*

Погожим утром пятого сентября Исилдур и все, кому предстояло сопровождать его в предстоящем путешествии, как и было условлено несколькими месяцами ранее, были готовы отправиться в Арнор. Дорога предстояла неблизкая, и весь этот путь им предстояло преодолеть пешими — во время недавней войны нуменорцы лишились почти всех своих породистых лошадей, и теперь в Осгилиате их почти не было. В конце августа король дунэдайн попросил приближенных подыскать хоть каких-нибудь лошадей, но все их усилия не увенчались успехом.

— Я только десять коней для вас нашел, — сказал Исилдuru его племянник Менельдил.
— Что есть, то есть, больше ничем помочь не могу.

— Это плохо, у меня отряд в двести человек, — тот расстроился, но виду не подал, — ну ладно, сгодятся и эти, хоть вещи и еду на них погрузим.

Перед тем, как окончательно проститься с Менельдилом, который вышел провожать своих дядю и двоюродных братьев к Восточным вратам, Исилдур внимательно окинул взглядом своих спутников, и ему внезапно показалось, будто что-то не так.

— Все на месте?

— Мой король, — осторожно подал голос Арандур, — Валандура почему-то до сих пор нет, и он пока что не появлялся.

Исилдур удивленно поднял брови.

— Куда это он подевался? — спросил он. — Мы тут все что, до полуночи его дожидаться будем? Он же знает, что мы уезжаем.

Он посмотрел на старшего сына, словно ища ответа, как будто тот мог его знать; Элэндур растерялся — такая странная выходка была однозначно не в духе ответственного гондорского военачальника, для которого куда-либо опоздать было столь же неестественно, как для змеи летать по небу.

— Может, проспал? — пожал плечами тот, теряясь в догадках. — Или болен? Мало ли что могло случиться... Эстельмо, — попросил он своего оруженосца, — сбегай-ка поскорее к нему, спроси, в чем дело, благо здесь недалеко.

Юноша бросился выполнять поручение; он долго стучал в дверь дома Валандура, потом, не получив ответа, заглянул во все окна и растерялся еще больше — жилище выглядело покинутым, а кто-то из соседей, заметив Эстельмо, крикнул ему, что видел, как хозяин куда-то ушел еще на рассвете и с тех пор не возвращался. Тут он заметил, что в замке торчит ключ — поначалу он второпях даже его не увидел; юноша с опаской отпер дверь и вошел внутрь. Обойдя все комнаты, он убедился в том, что дом пуст, и вернулся к

Исилдуру и Элендуру ни с чем, пребывая в полном недоумении.

— Мой повелитель, его нет дома, — объяснил он, — и люди говорят, будто он еще утром ушел неизвестно куда и больше домой не приходил!

Исилдур посмотрел на Эстельмо со смесью недоумения и недоверия.

— Что?! Ты шутишь?

Тот испуганно втянул голову в плечи.

— Нет... Можете сами проверить — он не дома...

Элендур, тоже ничего не понимая, встал между ними — конечно, никакой вины его оруженосца во внезапном исчезновении Валандура нет и быть не может, но кто знает, что в очередной раз придет в голову его отцу! Тут сзади до него внезапно донесся голос Аратана:

— Нам пора в путь. Мы же и в самом деле не станем ждать его до полуночи. Если он внезапно решил сбежать невесть куда, это уже не наши трудности.

Исилдура слова второго сына, казалось, вернули к реальности.

— К сожалению, да, — он сощурился от яркого солнца, поднимавшегося все выше над горизонтом; день обещал быть ясным и теплым — как раз то, что нужно для долгой дороги. — Как вернемся в Гондор, тогда я и выясню, где он сегодня был и чем занимался, а пока, так уж и быть, обойдусь без него. Не ожидал я, что он так меня подставит...

Менельдил, которому предстояло править Гондором в отсутствие верховного короля дунэдайн, низко поклонился дяде и двоюродным братьям. Элендуру внезапно показалось, что на лице его родственника мелькнуло что-то наподобие злорадной ухмылки. Нет, просто померещилось, это, наверное, ему солнце тоже глаза слепит, вон как от доспехов отражается.

— Да сопутствует вам удача, — учтиво произнес сын Анариона, — пусть солнце, что освещает начало вашего пути, не померкнет над вами!

— Спасибо на добром слове, — ответил Элендур. — Мы постараемся прямо уж совсем надолго там не застрять, думаю, скоро увидимся.